

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 1 (13), 2013

Филология

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров*, д-р экон. наук
(председатель)
Д. И. Польшинский, д-р ист. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
Л. В. Михеева (ответственный секретарь)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
К. Префке, профессор (Германия)
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:

- Д. И. Польшинский*, д-р ист. наук,
(главный редактор серии)
О. М. Карпова, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
Э. В. Кромер, канд. филол. наук
А. А. Корников, д-р ист. наук
К. Е. Балдин, д-р ист. наук
В. М. Тюленев, д-р ист. наук
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
Т. Б. Кудряшова, д-р филос. наук
Д. Г. Смирнов, канд. филос. наук

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

Анцыферова О. Ю. Миссисипи Марка Твена
как социокультурный конструкт 5

Ермолаева Н. Л. Русский мир в книге очерков
И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» 13

Лакербай Д. Л. Стиль как методологическая
проблема литературоведения 25

Языкознание

Карпова О. М. Английская и шотландская
лексикографии: истоки, развитие, современное
состояние 47

Денисов К. М. Сопоставительный анализ сло-
варей фонетической терминологии 54

Ужова О. А. Лингвострановедческие слова-
ри — учебные словари культуры 61

Вансяцкая Е. А. Языковая репрезентация ми-
ремических невербальных компонентов ком-
муникации (Гендерный аспект) 65

Маник С. А. Обусловленность лексики обще-
ственно-политической жизни экстралингви-
стическими факторами 71

Рецензии

Карпова О. М. Рецензия на кн: Scotland in
Definition : a History of Scottish Dictionaries /

ed. by I. Macleod, J. D. McClure. Edinburgh, 2012 **75**

Таганов А. Н. Рецензия на кн.: *Debov V. Dictionnaire des rimes en verlan dans le rap français.* Paris, 2012 **77**

Хроника

Международные школы-семинары по лексикографии (*Е. А. Шилова*) **80**

Научно-методический семинар профессионального развития для учителей английского языка (*Е. А. Шилова*) **82**

Отчет о работе диссертационного совета ДМ 212.062.06 в Ивановском государствен-

ном университете в 2012 году (*Ф. И. Карташкова, Н. Ю. Хорецкая*) **84**

Повышение квалификации преподавателей на кафедре английской филологии (*Ю. В. Кокунова*) **86**

Сведения об авторах **88**

Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета» **89**

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 362
тел./факс (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы: *О. В. Батова, О. В. Боронина*
технический редактор *И. С. Сибирева*

компьютерная верстка *Г. Б. Клецкиной*

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series "The Humanities"

Issue 1 (13), 2013

Philology

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

EDITORIAL COUNCIL:

- V. N. Egorov*, Doctor of Economics (Chairman)
D. I. Polyvyanny, Doctor of History
(Vice-Chairman)
V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)
L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)
K. Ya. Averbukh, Doctor of Philology
(Moscow)
Yu. M. Voronov, Doctor of Politics
N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry
K. Prefecke, Professor (Germany)
Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)
O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES "THE HUMANITIES"

- D. I. Polyvyanny*, Doctor of History
(editor-in-chief of the series)
O. M. Karpova, Doctor of Philology
A. N. Taganov, Doctor of Philology
E. V. Kromer, Candidate of Science, Philology
A. A. Kornikov, Doctor of History
K. E. Baldin, Doctor of History
V. M. Tyulenev, Doctor of History
G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy
T. B. Kudryashova, Doctor of Philosophy
D. G. Smirnov, Candidate of Science,
Philosophy

Index of subscription
in the catalogue "Russian Press" 41512

Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© Ivanovo State University, 2013

CONTENTS

Study of literature

- Antsyferova O. Yu.** Mark Twain's Mississippi
as a sociocultural construct 5
Ermolaeva N. L. Russian world in the sketch-
book «Frigate "Pallada"» by I. A. Goncharov 13
Lakerbay D. I. Style as a methodological prob-
lem of literary studies 25

Study of language

- Karpova O. M.** English and Scottish lexico-
graphy: roots, development, modern state 47
Denisov K. M. Comparative analysis of phonetic
terminological dictionaries 54
Uzhova O. A. Linguistic country dictionaries —
learner's dictionaries of culture 61
Vansyatskaya E. A. Linguistic representation
of eye-contact non-verbal components (Gender
aspect) 65
Manik S. A. Dependence of socio-political voca-
bulary on extralinguistic factors 71

Reviews

- Karpova O. M.** Review to the book «Scotland
in Definition : a History of Scottish Dictionaries»
/ ed. by I. Macleod, J. D. McClure. Edinburgh,
2012 75
Taganov A. N. Review to the book «Dictionnaire
des rimes en verlan dans le rap français» by
Debov V. Paris, 2012 77

Chronicle

International schools (seminars) on lexicography (*E. A. Shilova*) **80**

Workshop on theory and teaching methods for professional development of English language teachers (*E. A. Shilova*) **82**

Report on the work of Dissertation Council DM 212.062.06 at Ivanovo State University in 2012 (*F. I. Kartashkova, N. Yu. Choretskaya*) **84**

Advanced training of teachers at the Department of English Philology (*Yu. V. Kokunova*) **86**

Information about the authors **88**

Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin» **89**

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 362
tel./fax (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Editorial staff:

Publishing house director *L. V. Mikheeva*
Editors: *O. V. Batova, O. V. Boronina*
Technical editor *I. S. Sibireva*
Computer layout *G. B. Klyotskina*

ББК 83.3(7Сое)5

О. Ю. Анцыферова

МИССИСИПИ МАРКА ТВЕНА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНСТРУКТ

Рассматривается значение образов и мотивов воды в становлении литературы США на примере роли Миссисипи в творчестве Марка Твена, который превратил ее из просто самой большой реки Северной Америки в явление ее культуры. Опираясь на материалы научно-методического сайта «Mark Twain's Mississippi», автор статьи акцентирует в них междисциплинарные аспекты, выделяет моменты, которые могут привлечь внимание студентов к творчеству американского классика, и дополняет «литературоведческую составляющую» проекта размышлениями о работе семантических, жанровых и интертекстуальных механизмов, с помощью которых река превращается сначала в главный структурообразующий элемент произведений Твена, а потом — в общенациональный культурный концепт.

Ключевые слова: образы и мотивы воды, американская культура, междисциплинарный интернет-проект, бассейн Миссисипи, топос, художественная модель мира, культурный концепт.

The paper contributes to the study of the role of water, with its symbolic and sociocultural connotations, in the US culture. In his works Mark Twain amply described the Mississippi Valley either as a setting, or a sociocultural phenomenon, or a *locus* of political and racial contradictions, or a source of archetypical meanings. The US academic web site «Mark Twain's Mississippi» is analyzed as an interdisciplinary project with a special emphasis on the topical for modern Russian students issues. References to the site are complimented with the literary scholar's reflections over semantic, generic and intertextual mechanisms providing for the Mississippi transformation, first, into the universal structure of Twain's works and later — into a universal concept of the US culture.

Key words: water imagery and motives, the US culture, interdisciplinary Internet academic project, the Mississippi Valley, setting, artistic universe, cultural concept.

Образы и мотивы воды изначально были призваны сыграть огромную роль в культуре США и в культурной самоидентификации американцев. Во-первых, сама история государства началась с морского плавания — с пересечения европейцами Атлантического океана. Во-вторых, долгое время (практически до конца первой трети XIX века) морское судоходство оставалось важнейшим транспортным средством (в пору, когда очаги социально-экономической и культурной жизни еще были сосредоточены на восточном побережье, а сеть сухопутных дорог только начинала развиваться). В-третьих, в этот же период в экономике США исключительно важную роль играл китобойный промысел. Одним словом, получилось так, что зарождающаяся национальная литература и появление в ней первых произведений, заслу-

© Анцыферова О. Ю., 2013

живших признание не только на родине, но и в Европе (имеется в виду американский романтизм), не могли не испытать на себе влияние водной стихии — как темы, как источника образов, как топоса, как особой эстетической системы. Неслучайно зачинатель американской маринистики Дж. Ф. Купер писал, что в своем самом значительном и знаменитом произведении «Лоцман» он рисует «день рождения нации» (см.: [2, с. 143]).

Известно, что к 20-м годам XIX века американцы обладали самым крупным в мире китобойным флотом, а их торговый и военный флот уступал количественно (но не качественно) только английскому. Мореплавание сделалось самой распространенной профессией, и моряки были почти в каждой американской семье; «морская жизнь» быстро стала важной частью национальной действительности. «И наконец, морские победы, одержанные над британцами в годы второй войны за независимость (1812—1814), вызвали такой бурный прилив интереса к морской теме и жизни моряков, что он не спадал в течение нескольких десятилетий» [2, с. 141]. Поэтому закономерно, что именно США стали родиной жанра «морского романа». Конечно, морская тема в литературе присутствовала и до Купера, но он первым ввел так широко в повествование материал корабельной жизни, утвердил использование в романе профессиональной лексики моряков, морского жаргона. Купер описывал морскую жизнь так, как это мог сделать только профессиональный моряк. После него уже невозможно было любительское обращение с материалом, так что морской роман Купера был в известном смысле и ранним «производственным романом». Однако главное, конечно, у Купера было в другом: к осмыслению морской жизни он подходит как художник-романтик. «Морская жизнь» рассматривается им как эстетическая оппозиция прозаической сухопутной жизни. Это находит выражение даже на уровне языка: «[Автор] предельно сгущает непривычную живописную специфику морского языка, делает своего рода конденсат из профессионального жаргона, чтобы и в этом отношении противопоставить своих персонажей “людям суши” с их прозаическим бытом и обыденной, будничной жизнью» [2, с. 145].

Неслучайно и то, что первый в истории литературы США философский роман, созданный бывшим моряком и китобоем Г. Мелвиллом, знаменитый «Моби Дик» («Moby-Dick», 1851), является одновременно и морским романом, и своеобразной энциклопедией о китах, цетологии.

Столь же значимое место занимают концепты, связанные с морем, и в культурном сознании афроамериканцев. Ключевым для их самоидентификации становится *Middle Passage* (срединный маршрут) — понятие, которым обозначают подневольное перемещение рабов-африканцев через Атлантический океан к чужим американским берегам. Это принудительное плавание обеспечивало среднее звено трехчленной экономической сделки: товары вывозились из Европы в Африку, где обменивались на невольников, далее рабов транспортировали в Америку, откуда, обменяв рабов на сырье, торговцы-мореплаватели возвращались в Европу. Концепт *Middle Passage* стал олицетворять для афроамериканцев морской путь к трагедии рабства, и он ныне кодифицирован в заглавии исторического романа афроамериканского писателя Чарльза Р. Джонсона «Middle Passage» (1990).

По мере освоения североамериканского континента все большую роль в культурном сознании нации начинают играть и образы, связанные с реками Америки. Совершенно особое место здесь занимает Миссисипи, увековеченная в культурном сознании человечества великим Самюэлем Лэнгхорном

Клеменсом (1835—1910), который предпочел стать известным под псевдонимом, восходящим к временам его лоцманской юности на Миссисипи, — Марк Твен. Комплекс «Твен — Миссисипи» представляет особый интерес ввиду особого статуса, который имеют оба компонента этой семантически спаянной пары для американской культуры. Во-первых, вся американская литература вышла, по словам Э. Хемингуэя, из одной книги Марка Твена — «Приключения Гекльберри Финна» («Adventures of Huckleberry Finn», 1884). Во-вторых, долина Миссисипи по своим физико-географическим, экономическим параметрам в XIX веке рассматривалась как «остов нации». Именно эти слова Твен выбрал в качестве эпиграфа к своему произведению «Жизнь на Миссисипи» («Life on the Mississippi», 1883). В современной ситуации, когда отечественная высшая школа активно осваивает новые информационные технологии в самом широком междисциплинарном поле, весьма актуальным и своевременным представляется знакомство с научно-методическим опытом освоения этого двучленного комплекса американскими коллегами — университетскими учеными, создавшими научно-методический сайт «Mark Twain's Mississippi» (<http://dig.lib.niu.edu/twain/>). Сайт появился в 2005 году, был существенно дополнен в 2007-м и, думается, представляет значительный интерес как опыт изучения культурного явления в социальном, географическом, историко-политическом и экономическом контекстах.

Во вступительной статье к сайту преподаватель Калифорнийского университета (кампус Мерсед) Г. Кэмфилд [4] пронизательно отмечает, что долина Миссисипи с ее географическими и климатическими особенностями — это совсем не то же самое, что Миссисипи Марка Твена. В книгах американского классика разнообразие природных условий бассейна Миссисипи, изменчивый характер ее русла и прочие природные особенности всегда оказываются связаны с частными человеческими судьбами и национальной историей. «Природа в мире Марка Твена может выступать то как заботливая мать, то как бесстрастный полигон для испытания человеческих сил и способностей, а сама река ассоциируется и с неиссякаемым потоком добродетели, и с вместилищем порока; вода может привести к богатству — и погрузить в нищету, а способность читать знаки, подаваемые рекой, становится важнейшим условием победы в жизненной битве. Марк Твен, возможно, лучше других отразил роль реки в жизни человека; он был первым и, возможно, единственным, кто запечатлел символический статус Миссисипи в американской культуре, превратив Миссисипи из просто самой большой реки Северной Америки в явление ее культуры» [4]. Однако, как справедливо отмечает Г. Кэмфилд, во времена Твена этот символический социокультурный статус реки был иным: по Миссисипи проходил *фронтир* — граница между цивилизованной территорией и еще не обжитыми землями. Статьи, размещенные на сайте, имеют своей целью описать, какую роль играла Миссисипи в жизни современников Твена, как их мнения влияли на восприятие писателем великой реки и, наконец, как его взгляды перекликаются с нашими сегодняшними воззрениями.

В биографическом очерке [5] особое внимание уделяется периоду учебы Марка Твена на речного лоцмана и его успешной службе в качестве такового с 1857 года — с 22-летнего возраста. Именно эта работа знаменовала появление достатка в нуждающейся семье Клеменсов, рано потерявшей отца-кормильца. Для биографа вполне реальной кажется перспектива, что Марк Твен мог так и остаться до конца жизни квалифицированным речным лоц-

маном, время от времени пописывающим фельетоны в местную газету. Все изменила Гражданская война, разрушившая пароходный промысел и изменившая ситуацию и в стране, и в семье Клеменсов. После войны будущий классик потерял все свои накопления и вынужден был вернуться к печатному делу, теперь уже в качестве редактора и очеркиста. Он покинет долину Миссисипи, но возьмет псевдоним, который навсегда свяжет его писательское самоопределение с юношескими годами на Миссисипи. «Mark twain», как известно, значит: «В этом месте глубина две морские сажени (1 сажень = 182 см)» — это наименьшая глубина безопасного прохода для речного парохода. В своем воображении, в своем творчестве писатель вновь и вновь будет возвращаться в бассейн Миссисипи, достаточно вспомнить «Позолоченный век» («The Gilded Age», 1871), «Старые времена на Миссисипи» («Old Times on the Mississippi», 1874—1875), «Приключения Тома Сойера» («The Adventures of Tom Sawyer», 1876), «Жизнь на Миссисипи» («Life on the Mississippi», 1883), «Приключения Гекльберри Финна» («Adventures of Huckleberry Finn», 1884), «Простофилю Вильсона» («Pudd'nhead Wilson and Those Extraordinary Twins», 1893), а также серию авторских сиквелов о Томе и Геке и «Главы из моей Автобиографии».

Рубрики сайта дают представление о контексте, в котором рассматривается жизнь и творчество Марка Твена: это «Идея Запада» («The Idea of the West»), «Экономическое развитие» («Economic Development»), «Политика» («Politics»), «Раса» («Race»), «Религия и культура» («Religion and Culture»). Эти аспекты, эти контексты помогают расставить ряд примечательных акцентов даже в известном для отечественного читателя материале.

В связи с «идеей Запада» обращается внимание, что в то время, когда Твен начинал свою литературную деятельность, самым престижным литературным журналом США считался «Atlantic Monthly». Это лишний раз свидетельствует, что средоточием культурной жизни тогда оставалось восточное (атлантическое) побережье Америки и Европа еще продолжала оставаться важнейшим культурным ориентиром для большинства американцев. Свою же главную творческую задачу уроженец американского Запада Марк Твен видел в том, чтобы познакомить жителей Восточного побережья с Западом, с его бытом и нравами. Из его писем мы узнаем, что книга о Миссисипи должна была стать главной в его жизни и он намеревался работать над ней с большой тщательностью. «Возможно, я состарюсь скорее, чем закончу ее» (цит. по: [6]), — писал он в 1866 году. Работа над «главной книгой о Миссисипи» действительно растянулась на годы: в долговременный творческий процесс вклинилось написание нескольких журнальных очерков для «Atlantic Monthly» о жизни на Западе, впоследствии изданных в виде книги «Old Times in the Mississippi» (1874—1875), и трех романов. Следует отметить, что эти «отвлекавшие» Твена от «главной книги» сочинения, пожалуй, оказали гораздо более значительное влияние на формирование Миссисипи как культурного концепта, чем сама «Жизнь на Миссисипи», законченная в 1883 году.

Итак, оппозиция «Восток — Запад» рассматривается авторами сайта как структурообразующая для романов «Позолоченный век» и «Приключения Тома Сойера». Безусловно, заслуживает внимания комментарий о том, что романский «псевдоним» прибрежного городка Ганнибал, в котором прошло детство Твена, — Санкт-Петербург — далеко не случаен и может считаться гораздо более подходящим топонимом для идиллических детских приключений Тома. Автор статьи прочитывает в этой замене названия отказ

Твена от жестких кальвинистских методов воспитания («Spare the rod and spoil the child» — «Пожалеешь розгу — испортишь ребенка»), а мы помним, как тетушка Полли не может заставить себя следовать им. «Город Святого Петра» плохо ассоциируется с господством кальвинистской идеологии...

В целом произведения, связанные с Миссисипи и написанные в 1870-х годах, дышат новизной и воплощают тему инициации, взросления. Твеновская мифологизация собственной юности на Миссисипи была очень созвучна с юностью самой американской нации, с ее динамичностью и готовностью к изменениям. И вместе с тем рождала ностальгическое ощущение безвозвратной потери этой «старой жизни на Миссисипи».

Некоторая неудовлетворенность Твеном «Приключениями Тома Сойера», с их излишней идилличностью, стала источником вторичного обращения к жизни прибрежного городка Санкт-Петербурга в «Приключениях Гекльберри Финна». Работу над этим романом Твен начал сразу же после окончания «Тома Сойера». «Подобно тому как умелый речной лоцман должен видеть не только красоты Миссисипи, но и ее опасные участки и имея в виду, что твеновское описание собственного ученичества как лоцмана, по сути, служит метафорой его ученичества как писателя, появление другой, более правдивой книги о жизни на Миссисипи было предопределено», — считает Г. Кэмфилд [5].

Как это часто бывало с Твеном, написав две трети «Гекльберри Финна», он бросает роман, чтобы вернуться к своей «большой книге о Миссисипи». Для этого в 1882 году он решает вновь проплыть по реке, первоначально собираясь сделать это инкогнито. Однако его популярность на этот момент была слишком велика, и его путешествие оборачивается триумфальным возвращением в родные места. Впечатления начала 1880-х еще более укрепляют в его душе ощущение безвозвратной потери «старой Миссисипи». Самым главным открытием этого его (последнего!) посещения Миссисипи становится очень острое ощущение разницы между северной частью бассейна реки и южной. Он убедился, насколько деструктивно было влияние рабства и расизма на жизнь Юга, насколько это делало жизнь на Юге застойной — и в экономическом, и в моральном отношении. На этом жизненном этапе долина Миссисипи более не воспринимается им как нечто единое — как ареал, целостность которого прочно обеспечивается торговлей и речным транспортом. Разница между обновленным Севером и отсталым Югом нашла отражение в его «Жизни на Миссисипи». После этого была написана и заключительная треть «Приключений Гекльберри Финна», где во главу угла, как мы помним, ставится тема рабства и его противоестественности, которая с такой художественной силой выразилась в угрызениях совести Гека по поводу его собственной *неспособности* сдать Джима властям.

Больше Твен на Миссисипи не возвращался. Последний раз он сделал долину Миссисипи местом действия в повести «Простофиля Вильсон», где тема расизма и связанной с ним раздвоенности сознания выдвигается на первый план.

Резюмируя, можно сказать, что с течением времени художественный образ долины Миссисипи на страницах твеновских произведений все менее организуется оппозицией «Восток — Запад», но все в большей степени подчиняется очевидному расколу страны на Север и Юг. Эти изменения хорошо определил У. Д. Хоуэллс в своей книге «Мой Марк Твен» («My Mark Twain», 1910): «Западный элемент своего юго-западного происхождения Твен сохра-

нил до конца, но он был самым *не-южным* южанином из всех, кого я когда-либо знал <...> Он был абсолютно удовлетворен результатами Гражданской войны и страстно желал, чтобы ее значение стало очевидным для истории» (цит. по: [5]).

Кроме рубрик, посвященных собственно Твену и его творчеству, сайт содержит разделы «История» («History»), «Интерактивные карты» («Interactive Maps»), «Культурный туризм» («Cultural Tourism») и методический раздел, очень уместно озаглавленный «Рулевая рубка учителя» («Teacher's Pilothouse»). Исторический раздел содержит богатую и полезную информацию о политическом и экономическом статусе долины Миссисипи до 1850 года и сразу после него, а также о расовом, культурном и гендерном составе ее населения. Здесь наиболее очевидным становится междисциплинарный характер сайта. Однако чтение этого информативного сайта, возможно, кому-то напомнит одного из персонажей «Жизни на Миссисипи», о котором с юмором говорится: «Такая память — великое несчастье. Для нее все события имеют одинаковую ценность. Человек, обладающий такой памятью, не может отличить интересного факта от неинтересного. Повествуя о чем-нибудь, он обязательно загромождает свой рассказ скучными подробностями и невыносимо всем надоедает. Больше того, он не может держаться одной темы. Он подхватывает каждое зернышко из тех, что рассыпает перед ним память и, таким образом, отклоняется в сторону» [1, с. 317].

Междисциплинарному подходу подчинены и планы занятий, размещенные в разделе «Рулевая рубка учителя». Предлагаемые темы — «Географические темы в истории США», «Пароходство и экспансия на Запад», «Жизнь на плантации: расовые отношения в довоенной Америке», «Роль долины Миссисипи в истории США», «Железные дороги и промышленная революция» и др. Из десяти предложенных тем только две касаются непосредственно литературы — «Произведения Марка Твена и Джозеля Чэндлера Харриса» и «Цензура и Гек Финн» (быть может, самая интересная для современного отечественного читателя) с исчерпывающей подборкой материалов о том, почему до сих пор роман Твена остается предметом острой полемики и периодически попадает в списки «запрещенных книг». Основной источник противоречий коренится в болезненной проблеме расизма и трактовке образа беглого раба Джима, которого на страницах романа «величают» *nigger* (примерно то же самое, что «черномазый»). Успешное стремление авторов сайта к объективности можно проиллюстрировать представленной на нем точкой зрения афроамериканского писателя Р. Эллисона по поводу яростных атак на образ Джима: «Твен работал над романом в те времена, когда еще не потеряли популярности minstrel shows — представления, где роли негров исполняли белые актеры с начерченными лицами. Совсем немного времени прошло после войны, и даже аболиционисты чувствовали определенную усталость от этих проклятых проблем, связанных с неграми. Твен вписал образ Джима в традицию менестрелей, и сквозь эту стереотипную комическую маску и проглядывает достоинство и человеческая состоятельность Джима, а также сложность и неоднозначность позиции Твена» (цит. по: [7]). Подобная неоднозначность и разносторонность подходов позволяют донести до студентов главную мысль: роман «Приключения Гекльберри Финна», являясь, как теперь принято говорить, поистине культовой книгой, остается вот уже более ста лет и *самым спорным американским романом*.

Итак, созданный американскими учеными интернет-проект чрезвычайно добротен и информативен. Представители разных научных дисциплин найдут там для себя много полезной и вполне достоверной информации, тщательно отобранной и хорошо проанализированной. Быть может, сайт несколько разочарует литературоведа, который стремится найти интересные соображения о роли Миссисипи в творчестве Твена, о природе ее особого символического статуса. Мы не найдем здесь прозрений о том, как работают семантические механизмы, с помощью которых река превращается сначала в главный структурообразующий механизм произведений Твена, а потом — в общенациональный культурный концепт. Этому мы и посвятим свои заключительные размышления — так сказать, *по следам академического проекта*.

Меня как литературоведа-американиста, которому часто приходится размышлять над проблемами трансляции англоязычных научных концепций на русский язык, заставило задуматься выражение «human meaning of the river», а также тезис о том, что Миссисипи является «human feature of the middle of the country» [3]. Отмеченное «очеловечивание» реки не сводится к антропоморфичности образа. Это означает, что в художественном мире Твена река оказалась задействована во всех сферах человеческой самореализации: профессиональной, хозяйственной, нравственной, творческой. Она становится для героя пространством самоутверждения и проверки его профессиональной и человеческой состоятельности. Она же искушает возможностью обмануть-надуть ближнего. Она становится пространством, где выстраиваются важнейшие ценностные ориентиры — абсолютной свободы и абсолютной власти. На ней же на наших глазах вызревают законы самой безжалостной бизнес-конкуренции. Она становится пространством познания самых разнообразных типов человеческих характеров. Твеновский мир на Миссисипи, с одной стороны, чутко откликается на научные открытия середины XIX века — изобретение маргарина, искусственного льда и др. С другой — он конструируется как вневременной космос, в котором правят извечные универсалии «жизнь и смерть», «война и мир», «свобода и рабство»...

С точки зрения жанровой природы «Жизнь на Миссисипи» так же многопланова и универсальна. Наряду с тонкими бытовыми и пейзажными зарисовками мы найдем здесь острые социальные заметки. Есть в ней страницы, явно навеянные знаменитыми американскими «небылицами» («tall tales»), — к примеру, глава 3 «Картинки прошлого» с ее характерными персонажами: «...это были неотесанные, необразованные, но храбрые малые, переносившие невероятные трудности со стойкостью истых моряков; страшные пьяницы, необузданные гуляки <...> все до одного бесшабашные, неуклюже веселые, как слоны, ругатели и безбожники; <...> любители дикарского щегольства, невообразимые хвастуны, а в общем — парни честные, надежные...» [1, с. 243]. Поистине уитменовской космической масштабностью отмечен солидный номер одного из твеновских плотовщиков: «Я — сын греха, не давайте мне воли! <...> Когда я хочу порезвиться, я сплетаю меридианы и параллели вместо сети и ловлю китов в Атлантическом океане! Я почесываю голову молнией и убаюкиваю себя громом! Когда мне холодно, я подогреваю Мексиканский залив и купаюсь в нем, а когда жарко — обмахиваюсь полярной бурей <...> Я накладываю ладонь на солнце — и на земле наступает ночь; я откусываю ломти луны и ускоряю смену времен года...» и т. д. и т. п. [1, с. 247]. Жанр «хвастливых небылиц» гармонично соседствует с классическим образцом эссе, подаваемым в качестве такового во всех учебных посо-

биях по родной (американской) литературе. На пространстве двух страничек Твену удается ясно и образно представить два возможных подхода к Миссисипи, а говоря шире — к природе, которые можно условно определить как поэтический и прозаический, или как романтический и реалистический, или как эстетический и прагматический. «Теперь, когда я овладел языком воды и до мельчайшей черточки, как азбуку, усвоил каждую мелочь на берегах великой реки, я приобрел очень много ценного. Но в то же время я утратил что-то. То, чего уже никогда в жизни не вернешь. Вся прелесть, вся красота и поэзия величавой реки исчезли! Мне до сих пор вспоминается изумительный закат, который я наблюдал, когда плавание на пароходе было для меня вновь. Огромная пелена реки превратилась в кровь; в середине багрянец переходил в золото, и на этом золоте медленно плыло одинокое бревно, черное и отчетливо видимое. В одном месте длинная сверкающая полоса перерезывала реку; в другом — изломами дрожала и трепетала на поверхности рябь, переливаясь, как опалы <...> Я стоял как заколдованный. Я созерцал эту картину в безмолвном восхищении. Мир был для меня нов...» [1, с. 292]. Однако приходит день, когда «романтика и красота реки положительно исчезли»: «Повторись тот закат — я смотрел бы на него без всякого восхищения и, вероятно, комментировал бы про себя следующим образом: “По солнцу видно, что завтра будет ветер; плывущее бревно означает, что река поднимается, и это не очень приятно; та блестящая полоса указывает на скрытый под водой каменистый порог, о который чье-нибудь судно разобьется ночью...» [1, с. 293]. Такое двойственное восприятие Миссисипи, кроме всего прочего, символизирует разные этапы человеческой жизни: юность и зрелость, неискушенность и опытность — и становится ключевым символом инициации героя.

Иными словами, Миссисипи Марка Твена — это не только топос, но своеобразная многомерная художественная модель мира, подобно Уэссексу Т. Гарди или Йокнапатофе У. Фолкнера. И смысл заглавия «Life on the Mississippi» можно было бы передать не только как «Жизнь на Миссисипи», но и, сместив логический акцент, — «Миссисипи как жизнь».

Возвращаясь к сайту, который стал импульсом для наших размышлений, отметим, что академический интернет-проект «Mark Twain's Mississippi» дает нам хороший пример того, как сфокусированность на одном географическом, экономико-политическом и социокультурном концепте (при условии, что он играет столь основополагающую роль для творчества писателя) оказывается очень удачным ходом не только для того, чтобы поддержать интерес к творчеству классика, но и для того, чтобы расставить в нем новые акценты, интересные для сегодняшних читателей. Сайт представляет собой прекрасный исторический, экономический и социокультурный комментарий к творчеству Твена.

Библиографический список

1. *Твен М.* Жизнь на Миссисипи / пер. Р. Райт-Ковалевой // Собр. соч. : в 12 т. М. : ГИХЛ, 1960. Т. 4. С. 231—667.
2. *Шейнкер В. Н.* Джеймс Фенимор Купер // История литературы США : в 6 т. М. : Наследие, 1999. Т. 2. С. 97—153.
3. *Camfield G.* Economic Development. URL: <http://dig.lib.niu.edu/twain/economic.html> (дата обращения: 15.01.2013).

4. *Camfield G.* Introduction. URL: <http://dig.lib.niu.edu/twain/introduction.html> (дата обращения: 15.01.2013).
5. *Camfield G.* Mark Twain's Biography. URL: <http://dig.lib.niu.edu/twain/introduction.html> (дата обращения: 15.01.2013).
6. *Camfield G.* Overview: the Idea of the West. URL: <http://dig.lib.niu.edu/twain/settlement.html> (дата обращения: 15.01.2013).
7. A Century of Conflict. URL: <http://www.pbs.org/now/arts/twain.html> (дата обращения: 15.01.2013).

ББК 83.3(2Рос=Рус)5

Н. Л. Ермолаева

РУССКИЙ МИР В КНИГЕ ОЧЕРКОВ И. А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ “ПАЛЛАДА”»

Уясняются особенности идеала И. А. Гончарова, его отношение к народу. Русский мир во «Фрегате “Паллада”» представлен как патриархальное сообщество.

Ключевые слова: эпическое, реальная основа, офицеры и матросы, народная культура, патриархальный мир, командир как патриарх, семейное сообщество, священник на корабле, вера, патриотизм, героизм, нравственный идеал.

The article clears up the peculiarities of I. A. Goncharov's ideal and his attitude to common people. Russian world in *Frigate “Pallada”* is represented as a patriarchal society.

Key words: epic, factual basis, officers and sailors, folk culture, patriarchal world, captain as a patriarch, family society, clergyman on a ship, belief, patriotism, heroism, moral ideal.

Очерковый цикл Гончарова «Фрегат “Паллада”» появился в эпоху формирования русского эпоса, когда одна за другой выходили из печати книги очерков И. С. Тургенева, А. Ф. Писемского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского. Однако в исследованиях об очерковых циклах эпохи «Фрегат...», как правило, не рассматривается (см., напр.: [13]). Авторы работ о нем привычно включают произведение в контекст литературы о путешествиях (см., напр.: [2, 12]), а эпическое начало объясняют нарисованной в нем широкомасштабной картиной жизни всего земного шара (см., напр.: [8, 12, 20]). Нам же представляется, что эпическое мышление Гончарова раскрывается в цикле и в других качествах.

Устремленность к эпосу в современных «Фрегату...» очерковых циклах Ю. В. Лебедев связывает с особым свойством авторского сознания: для русских классиков «характерно стремление выйти за пределы индивидуального микрокосма, к макрокосму, к миру большой жизни. Причем выход этот сопровождался не менее усиленным желанием принять этот мир в себя, самому стать его частью» [13, с. 14]. Думается, «Фрегат “Паллада”» в этом смысле

© Ермолаева Н. Л., 2013

не исключение, в нем четко прослеживается путь повествователя к сообществу русских людей — офицеров и матросов, к русскому миру. Образ русского мира часто выпадает из поля зрения исследователей «Фрегата...» или освещается тенденциозно¹, но именно на нем держится очерковый цикл как эпическое единство. Более того, есть основания утверждать, что жизнь русского мира на корабле изображается Гончаровым как жизнь патриархального сообщества.

Об изображении патриархального мира в произведениях Гончарова не раз писали исследователи. А. Г. Цейтлин понимает патриархальность, вслед за В. Г. Белинским и В. И. Лениным, как средоточие пороков старой, патриархально-крепостнической России и показывает, как в романах Гончаров «дает бой» всем этим «порокам». С точки зрения А. Г. Цейтлина, несколько мягче писателем оценена патриархальность во «Фрегате “Паллада”», поскольку картины патриархальной жизни русского барина, патриархальной Ликейи противопоставлены расчетливости, жестокости и бездушию наступающего капитализма [26, с. 165—185, 126—150 и др.]. Н. И. Пруцковым позиция писателя в отношении к русской патриархальности характеризуется более объективно [23, с. 103, 113]. В. М. Маркович, М. В. Отрадин признают несомненную симпатию Гончарова к русской патриархальности, с которой связано сознание главных героев двух первых романов [15, с. 80—81; 22, с. 28]. В. А. Недзвецкий объясняет включенность Гончарова в литературный процесс его обращением к показу отпадения человека от патриархального мира [19, с. 44]. Подчеркнем, что в русской литературе именно Гончаров одним из первых в «Сне Обломова» создаст образ, близкий патриархальной идиллии. Отмеченные яркими приметами симпатии к русской патриархальности произведения Л. Н. Толстого, А. Н. Островского, С. Т. Аксакова появятся уже после «Сна Обломова».

В отличие от романов, где образы героев, сюжетные ситуации вымышлены, в значительной степени навеяны опытом предшествующей литературы, во «Фрегате...» герои и события имеют реальную основу. Гончаров назвал свои «очерки путешествия» «правдивым до добродушия рассказом», однако книга не стала «ни летописью похода, ни отчетом о кругосветном плавании» [21, с. 769; 29, с. 724]. Гончаров создает на фактическом материале художественное повествование, имеющее свои цели и законы.

Путешествие на «Палладе» для всех членов ее экипажа, а особенно для Гончарова, нездорового человека, далекого от военной службы, любящего комфорт, было необычайно тяжелым, но до конца дней писатель не жалел о нем. В очерке «Через двадцать лет» (1874), заключающем рассказ о путешествии фрегата, он писал: «С самыми лучшими чувствами симпатии и добрых воспоминаний обращаюсь я постоянно к этой эпохе плавания по морям, к кругу этих отличных людей, и встречаюсь с ними всегда, как будто не расставался никогда» [5, т. 2, с. 739].

Повествователь во «Фрегате...» — это путешественник, который назван в книге собственным именем — Гончаров, но это и «новый аргонавт» (II, 11), отправляющийся в плавание в поисках «нормы жизни»². Первые части книги

¹ В качестве примера подобных, хотя и различных по пафосу, подходов к проблеме можно привести работы [11, 18].

² Исследователи считают, что во «Фрегате...» «соотношение авторской личности и авторской позиции <...> сложилось как-то удивительно гармонично» [8, с. 10].

(«От Кронштадта до мыса Лизарда» и «Атлантический океан и остров Мадера») посвящены показу процесса приобщения повествователя к жизни на корабле. Рассказывая о знакомстве с офицерами фрегата, повествователь замечает: «К вечеру собрались все: камбуз (печь) запыхал; подали чай, ужин — и задымились сигары. Я перезнакомился со всеми, и вот с тех пор до сей минуты — как дома. Я думал <...> что когда офицеры соберутся к столу, то начнется авральная работа за пуншем, загорится живой разговор, а с ним и носы, потом кончится дело объяснениями в дружбе, даже объятиями, — словом, исполнится вся программа оргии. <...> Но, к удивлению и удовольствию моему, на длинном столе стоял всего один графин хереса, из которого человека два выпили по рюмке, другие и не заметили его. После, когда предложено было вовсе не подавать вина за ужином, все единодушно согласились. Решили: излишек в экономии от вина приложить к сумме, определенной на библиотеку» (II, 22). Офицеры фрегата покоряют Гончарова образованностью, интеллигентностью, добродушием, трудолюбием, отвагой, верностью требованиям долга и понятиям чести³.

Создаваемый Гончаровым в «очерках путешествия», а также и в прилегающем к ним по содержанию и почти не привлекавшем внимание исследователей очерке «Два случая из морской жизни» образ команды фрегата — это образ русского мира. Для писателя не существует национальных различий между членами многонационального экипажа: Путятин, Унковский, Посьет, Крюднер (Криднер), Гошкевич, Зелёный, Вейрих... Как русских людей воспринимают моряков фрегата во всех странах, которые они посещают. В этом смысле символичен эпизод в Капской колонии, когда на «русский тип» приходит посмотреть местный доктор и перед ним предстают барон Криднер, Вейрих и Посьет. «Они все трое были не русского происхождения» (II, 187), замечает Гончаров, но для присутствующих эта ситуация лишь забавна: никто из них не отказался от своей принадлежности к «русскому типу».

Экипаж фрегата состоял из представителей элиты русского морского офицерства того времени, однако Гончаров не стремится подчеркнуть незаурядность, исключительность ни своих спутников, ни свою собственную — уже известного к тому времени писателя. Более того, по словам Ап. Григорьева, в его книге выказались «просто здравый толк и здоровое чувство» [7, с. 91]. Автор выражает своим спутникам теплое дружеское участие, рассказ о многих из них согрет мягким юмором. В адмирале Е. В. Путятине подчеркиваются благородство души, мудрость дипломата и глубокая образованность, внимательное и любезное обращение, забота о воспитании и самообразовании команды. В командире фрегата И. С. Унковском подмечаются доброта, душевная чистота, «прямота души», приветливость, с которой капитан всегда предоставлял повествователю свой «просторный, удобный, даже роскошный, кабинет» (II, 75). В К. Н. Посьете, с которым впоследствии Гончаров дружил много лет, он уважал глубокие познания ученого, мудрость дипломата, доброту и уравновешенность, «неугомонность», высокие духовные запросы. В В. А. Римском-Корсакове подмечены отвага, благородство души; в П. А. Тихменёве — доброта, обязательность, услужливость, заботливость, ответственность, добродушие, верность долгу; в П. А. Зелёном — серьезное

³ Ничем не подкреплено представление некоторых исследователей (см., напр.: [18, с. 37—39]) об отрицательном отношении рассказчика к большей части офицеров фрегата.

отношение к своим обязанностям, «остатки юношества»: это «существо вечно поющее, хохочущее и рассказывающее» (II, 182). В смельчаке Н. Н. Савиче повествователь находит стремительность, беспримерную смелость и отвагу, «удивительный глаз и славную память» (II, 230), в А. А. Халезове («дед») — опытность бывалого моряка, отличное знание морского дела, добродушное лукавство, оптимизм и уверенность в успехе в, казалось бы, самой трудной ситуации. С глубокой симпатией характеризует Гончаров и других офицеров фрегата — И. И. Бутакова, барона Н. А. Крюднера, К. И. Лосева, А. А. Болтина, гардемарина А. А. Пещурова, штатских — естествоиспытателя О. А. Гошкевича, архимандрита Аввакума⁴.

Индивидуализация в книге не предполагает показа отрицательных сторон характера и поведения героев. Гончаров, будучи во время экспедиции близок как адмиралу Е. В. Путятину, так и капитану И. С. Унковскому, не мог не знать о столкновениях между ними, едва не приведших к дуэли, о сложных отношениях между другими офицерами⁵, но в его книге нет и намёка на эти сложности. Писатель создает собирательный образ русского моряка, офицера, участника экспедиции, честно исполняющего свой долг, умелого и ответственного, образованного и благородного, обладающего тонким чувством юмора, благодаря чему во все время путешествия в кают-компании царит атмосфера общего веселья. Гончаров не раз говорит о том, что офицеры относятся друг к другу с любовью и уважением. Они по-братски любят и рассказчика, который принят командой как равный, заботятся о нем, всегда готовы помочь ему: «Каюта моя, во время моей болезни, обыкновенно полнехонька была посетителей...» (II, 301). Созданию собирательного образа моряка способствует представление читателю героев безымянными. Как правило, они получают наименование «один мой спутник» (II, 244). В образах офицеров фрегата автор подчеркивает неприхотливость в условиях трудного и опасного плавания, которая особенно очевидна на фоне той роскошной обстановки, какой окружили себя офицеры-англичане, живущие в Китае.

Условия морской жизни способствуют духовному «взрослению» человека, о котором Гончаров скажет в очерке «Два случая из морской жизни». Переживаемое духовное преображение связано с отказом от светских форм жизни, которые оценены автором как внешне привлекательные, но духовно бессодержательные, порождающие дух разъединения людей, их нравственную ущербность: «На море не тратится время по-пустому, нет визитов <...> не надо играть чувствами <...> вражда превращается в дружбу <...> ссоры невозможны, они мешают жить прочим...» (III, 11). Образ русского мира в «очерках путешествия» — это образ мира равных людей, связанных братскими чувствами, на фрегате «...целое общество живет <...> одною жизнью, часто одною мыслию, одними желаниями» (III, 10—11). Офицеры работают наравне с матросами, и их тяжелейший труд (подчас на пределе человеческих сил) делает возможным поход на старой парусной развалине, называемой фрегатом.

В процессе развития повествования во «Фрегате...» «я» рассказчика постепенно заменяется на «мы». Это не означает «мы» автора, но предполагает введение коллективного взгляда на происходящее. Если в главе «Атлантический океан и остров Мадера» на тридцати одной странице «мы» встреча-

⁴ Имеется в виду востоковед, дипломат, переводчик архимандрит Аввакум Честной.

⁵ См. примечания к «Фрегату “Паллада”» (III, 415—436).

ется 53 раза, то в главе «От Манилы до берегов Сибири» на сорока девяти страницах — 136 раз⁶. Разумеется, Гончаров не вел подсчета количества «я» и «мы» в своем тексте, перемены в нем происходили незаметно для писателя. Слово «мы» в главе «От Манилы до берегов Сибири» становится едва ли не самым часто употребляемым, свидетельствуя о том, что единение рассказчика с командой фрегата состоялось, он не мыслит себя, как и любого члена экипажа, в отдельности от всего русского мира на корабле. Свой рассказ о плавании на фрегате Гончаров заканчивает словами, проникнутыми глубоким чувством: «Но если б вы знали, что это за изящное, за благородное судно, что за люди на нем, так не удивились бы, что я скрепя сердце покидаю “Палладу!”» (II, 627).

Главным лицом на фрегате является командир. Он истинный мудрец и «патриарх», которому все подчиняются и которого все уважают. И неважно, что в разных ситуациях этим словом Гончаров называет то начальника экспедиции адмирала Е. В. Путятина, то капитана корабля И. С. Унковского. Фигура командира в очерках окружена героическим ореолом, ему дано право распоряжаться судьбами людей, его решения не обсуждаются и не подвергаются сомнению, под его руководством люди на фрегате готовы на смерть и на подвиг. Приказ командира не может быть нарушен ни в малом, ни в большом, члены команды фрегата, не рассуждая, готовы по приказу командира в случае встречи с превосходящими силами неприятеля взорвать корабль (начавшаяся Восточная война застала русский военный фрегат в южных морях).

Членами той же большой семьи, к которой принадлежат офицеры, являются и матросы. Их изображение несет на себе особый отпечаток, определяемый своеобразным освещением народной темы в творчестве Гончарова⁷. В «очерках путешествия», как и в романах Гончарова, «социальный фон предельно ослаблен» [11, с. 278]. О своем отношении к народу писатель говорил, подводя жизненные итоги, в предисловии к последнему очерковому циклу «Слуги старого века»: он не знал крестьянства, а знал лишь слуг, с которыми общался на протяжении всей своей жизни, и в слугах подмечал качество, не внушавшее уважения к ним, — двуличие. В романах и поздних очерках Гончарова нет любования образом человека из народа, какое находим у его современников: И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, А. Ф. Писемского. Для Гончарова предпочтительнее круг жизненных понятий, психология дворянина.

В «очерках путешествия» ситуация несколько иная. Повествователь с большим интересом наблюдает за своим вестовым Семеном Фаддеевым.

⁶ Сделанные наблюдения позволяют возразить П. П. Алексееву, который пишет: «Гончаров на протяжении всей книги не говорит *мы*, но все повествование выдержано в безусловном и цельном качестве *я*» [1, с. 53].

⁷ В. И. Мельник, один из немногих, писавших об этой теме в творчестве Гончарова, принципиально различает отношение писателя к слугам и крепостным крестьянам и утверждает, что Гончаров изображал народ (слуг, дворовых людей), кроме крестьянства, в духе «жанра», но крестьяне и матросы из «Фрегата...», в изображении писателя, — носители нравственной нормы. Им свойственно в высшей степени похвальное качество, определяемое Гончаровым как «ничем не сокрушимое стремление к своему долгу — к работе, к смерти, если нужно». И в этом смысле они противопоставлены дворянам [16, с. 57]. Думается, эти положения статьи В. И. Мельника требуют значительных уточнений.

Знакомство героев начинается с их взаимной заинтересованности: «Я изучил его недели в три окончательно, то есть пока шли до Англии; он меня, я думаю, в три дня. Сметливость и “себе на уме” были не последними его достоинствами, которые прикрывались у него наружною неуклюжестью костромитянина и субординациею матроса» (II, 20). Автору не нравятся лишь такие качества Фаддеева, как нелюбовь к книгам и «радость чужому горю». По поводу последнего Гончаров выражает недоумение: «Поди, разбирай, из каких элементов сложился русский человек! И это не от злости: он совсем не был зол, а так, черта, требующая тонкого анализа и особенного определения» (II, 78).

В ходе повествования обнаруживается, что «радость чужому горю» писатель видит не только у русского человека из народа. Она характеризует и китайцев, которые смеются над неудачей старого купца, упавшего в воду (II, 438). То же качество автор замечает и в окружающих его офицерах, и в себе самом. Как и в офицерах, в матросах «радость чужому горю» автор связывает не с их злобностью, а скорее со своеобразным простосердечием и неизменной веселостью. Недостатки Фаддеева вполне искупаются его достоинствами: заботливостью, сметливостью, цепкостью, ловкостью, умением приспособиться к любой жизненной ситуации, «чудовищной силой», нерассуждающей верностью приказу, неспособностью к унынию и лишним тревогам. Фаддеев — первый помощник путешественника в любой сложной жизненной ситуации. Он хоть и посмеется над барином, но обязательно выручит его.

Фаддеев для писателя — русский человек, часть нации. Авторское отношение к матросу выражено, как правило, в юмористических сценках. Гончаров смеется над ним не язвительно и иронически, а добродушно и радостно. Смех постоянно сопровождает общение офицеров и матросов на фрегате, «смеховое общение протекает в атмосфере нравственного равенства его участников» [25, с. 307]. Подчеркнем: именно «нравственного», которое, как правило, оказывается для Гончарова важнее равенства социального или культурного.

На протяжении всей книги писатель стремится убедить читателя в том, что русский человек ни в чем не уступает представителям других наций. Сравнивая русских людей с народами, обитающими в разных странах, повествователь проникается уважением к русскому матросу, которого выгодно отличает природный ум, трудолюбие, исполнительность, понятливость, военная выучка. Гончаров не однажды с чувством гордости показывает, как матросы блестяще исполняют свою службу, изумляя чужеземцев. Рядом с живыми, подвижными, смыслеными и веселыми русскими людьми японцы, например, видятся автору как древние покойники, вставшие «из тысячелетних гробниц». На фоне униженности и угодливости японских переводчиков, образованных людей, которые «доедают с тарелок господ, беря с земным поклоном» еду (II, 483), даже невежливость и упрямство Фаддеева выглядят извинительно. Живое грубоватое прямодушие русского человека несравнимо привлекательнее детской недоверчивости, подозрительности (II, 318), мелочности, лживости и в то же время тупого самодовольства, комической важности или наивной, ограниченной веселости японцев (II, 336). Переводчиков Эйноске и Кичибе Гончаров сравнивает с ужами. «Фарсёры!» (II, 338), — с горечью и пренебрежением говорит о них автор.

Для путешественника русские матросы — «одушевленная масса» (II, 334), за всеми действиями, словами и мыслями которой стоит глубокое пат-

риотическое чувство, дорогое повествователю. Как и он, матросы все увиденное в чужих краях сравнивают с тем, что есть на их родине, и оценивают с точки зрения поэтических понятий и представлений русских людей. И автору близок их язык и понимание ими окружающего: слова матросов он будет использовать для выражения своих собственных переживаний. Китайскую простонародную кухню Гончаров определит словами Фаддеева «словно кисель» (II, 465); о рыбе, без хлеба и соли поданной японцами, скажет: «С души рвет» (II, 417); в другом случае заметит: «Не люблю я фордевинда или фордака, как Фаддеев называет этот ветер» (II, 522). Вполне резонными покажутся Гончарову и слова матросов в сцене встречи с агрессивными пьяными корейцами. ««Хуже литвы!» — слышу я, говорит один матрос. — “Чего литвы: хуже черкес! — возразил другой, — этакая, подумаешь, нация!”» (II, 612).

Гончаров убежден, что русского человека напрасно упрекают в лени и беспечности: «Говорят, что беспечность в характере русского человека: полноте, она в характере — просто человека» (II, 551). Лени же автор не перестает замечать в обитателях каждой из стран, посещаемых мореплавателями. Гончаров и его спутники, у которых перед глазами на протяжении долгого плавания матросская масса количеством более четырехсот человек, убеждены, что в русских людях нет тех крайних проявлений дикости и жестокости, очевидцами которых путешественники становятся, например, в Маниле во время петушиного боя. Добродушие русского человека для повествователя особенно очевидно на фоне жестокости и безнравственности представителей нации, которую принимают за образец просвещенности и цивилизованности, — англичан. Описывая Англию, автор заметил, что Лондон «считается, между прочим, образцовою школою мошенничества... <...> Филантропия возведена в степень общественной обязанности, а от бедности гибнут не только отдельные лица, семейства, но целые страны под английским управлением» (II, 51). Наблюдая за поведением англичан в Китае, автор убеждается в справедливости сказанного. «Бесстыдство этого скотолобивого народа доходит до какого-то героизма, чуть дело коснется до сбыта товара, какой бы он ни был, хоть яд!» (II, 242), — восклицает писатель.

Будучи современником революционеров-демократов, Гончаров в книге не показывает грубого обращения офицеров с матросами⁸, каких-либо разногласий или столкновений на почве социальной. Гончаров сосредоточен на национальных особенностях характеров людей из народа, их нравственных качествах и культурных привязанностях, которые в значительной степени отличаются от культурных привязанностей офицеров. Народный мир в очерках многолик. Автором называются имена многих матросов, характеризуется каждый из них: буфетчик Янцен, музыкант Макаров, скотник Михелька Керн, камердинер барона Крюднера Афанасий, артиллерист Дьюпин, боцман Терентьев, матросы Мотыгин, Паисов, Агапка, Витул, Феодоров. У представителей народного мира свои заботы, свои жизненные проблемы. Мифологическое сознание матросов роднит их с детьми. Писателю дорог «детский» мир их понятий, который он боится разрушить. Гончаров, как и офицеры команды фрегата, убежден: эти большие дети нуждаются в просвещении и нравственной опеке, что он и пытается осуществлять в отношении к Фаддее-

⁸ Об истинном положении дел на корабле и особенностях отношений офицеров и матросов, Гончарова и его вестового Фаддеева см. примечания к «Фрегату “Паллада”» (III, 436—438).

ву. Однако сцены, в которых описано, как Гончаров «просвещает» своего вестового, приобретают комический характер: «взросление» Фаддеева оказывается почти невозможно. Героев из народа с развитым личностным сознанием, не нуждающихся в нравственной опеке (Бушков, Сорокин, Атласов), Гончаров покажет в «сибирских» главах «очерков путешествия». Изображение матросов как «больших детей» помогает созданию образа патриархального мира, который приобретает признаки большого семейства. Патриархальность и семья — понятия нераздельные, первое без второго сомнительно.

Офицеры и матросы на фрегате живут единой семьей, на протяжении плавания чувство родственного, «семейного» единения с ними значительно возрастает в душе повествователя. Безусловно, символический характер в произведении приобретает сцена приобщения путешественника к жизни простых людей, к их «братскому» котлу: «Обед — это тоже своего рода авральная работа. В батарейной палубе привешиваются большие чашки, называемые “баками”, куда накладывается кушанье из одного общего, или “братского”, котла. Дают одно блюдо: щи с солониной, с рыбой, с говядиной или кашлицу; на ужин то же, иногда кашу. Я подошел однажды попробовать. “Хлеб да соль”, — сказал я. Один из матросов, из учтивости, чисто облизал свою деревянную ложку и подал мне. Щи превкусные, с сильной приправой луку. <...> “А много ли вы едите?” — спросил я. “До отвала, ваше высокоблагородие”, — в пять голосов отвечали обедающие» (II, 22—23).

Несомненно сходство с приведенным эпизодом описания Толстым в «Войне и мире» общения Пьера с солдатами на Бородинском поле. «“Что ж, поешь, коли хочешь, кавардачку!” — сказал один из них и подал Пьеру, облизав ее, деревянную ложку. Пьер подсел к огню и стал есть кавардачок, то кушанье, которое было в котелке и которое ему казалось самым вкусным из всех кушаний, которые он когда-либо ел» [24, с. 301]. Это совпадение эпизодов из очерков Гончарова и романа Толстого нам представляется неслучайным. Возможно, Толстой, когда писал роман, не имел в виду сцену из гончаровских очерков, она возникла неосознанно, сработало инстинктивное «припоминание», о котором говорят исследователи как об одной из возможных форм взаимодействия в культурном контексте [3], а возможно, романист использовал эту сцену сознательно, не боясь нареканий критиков, мнение которых его всегда волновало значительно меньше, чем Гончарова или Тургенева.

В романе Толстого эта сцена воспринимается как символическая, в таком качестве она мыслилась писателем, так она истолкована в литературе о романе. Думаю, что сцена у «братского котла» не менее символична и в «очерках путешествия» Гончарова⁹. Она не была отмечена в таком качестве исследователями, видимо, потому, что, как верно заметил Б. М. Энгельгардт, Гончарову «“патетическое” давалось <...> чрезвычайно трудно» «в силу особого характера его творческого сознания» [28, с. 39]. Если Толстой изначально сосредоточен на духовном, Гончаров, казалось бы, весь в мире вещном, однако изображение народа писателем позволяет утверждать: с бытовым и вещным в его творчестве всегда соединено духовное.

⁹ Интересно в связи с этим напомнить о том, как толкует Ю. М. Лоциц образ обломовского пирога: «Пирог — это “пир горой”, рог изобилия, вершина всеобщего веселья и довольства, магическое солнце материального бытия. Вокруг пирога собирается пирующий, праздничный народ» [14, с. 182].

Во «Фрегате...», как и в произведениях Толстого, Достоевского, большое внимание уделено вопросу о вере героев. Гончаров убежден, что духовное преобразование человека на море обусловлено его обращением к Богу. В очерке «Два случая из морской жизни» он прямо выразит свою мысль: «“Кто на море не бывал, тот Богу не маливался”, — говорит пословица: да, это правда; но не от страху молится на море человек, а оттого, что ближе чует Бога над собою и явственнее видит чудеса его руки» (III, 9). В изображении Гончарова патриархальный мир верен своим законам — русских людей на корабле объединяет вера в Бога. Все члены команды фрегата участвуют в церковных богослужениях. Здесь строго соблюдается христианский обряд: по субботам — всенощная, по воскресеньям — обедня, вся команда постится, здесь празднуются Пасха, Рождество, другие православные праздники. Время жизни на корабле измеряется не только по светскому, но и по церковному календарю.

Гончаров убежден: вера спасает человека от ненужных на море страхов, учит различать страх и опасность. Эта мысль является главной в напутственной речи русского священника в Лондоне («Через двадцать лет»), которую он произносит перед мореплавателями. Священник на корабле — духовный отец в мире русских людей. Такая миссия выпала на долю архимандрита Аввакума, человека глубоких познаний, исполнявшего, кроме своих прямых обязанностей, еще и должность дипломата, и роль переводчика в Китае. О. Аввакум упоминается в книге, пожалуй, чаще, чем другие участники плавания, образ его проникнут глубокой авторской симпатией. О. Аввакум живет без каких бы то ни было рассуждений, во всем полагаясь на Божью волю. В доказательство кротости и смирения архимандрита Гончаров рассказывает о том, как не сбылись мечты священника увидеть живописные горы Стол и Лев в Капштате: во все время его пребывания в городе обе горы были закрыты густыми облаками и туманом. Возвращаясь на фрегат, о. Аввакум говорит: «Это меня за что-нибудь Бог наказал!» (II, 234).

Гончаров отмечает удивительное соответствие призвания и натуры священника: «Он жил в своем особом мире идей, знаний, добрых чувств — и в сношениях со всеми нами был одинаково дружелюбен, приветлив» (II, 729). Писатель говорит о «кротости» характера и «невозмутимо покойном созерцательном уме» (II, 730) архимандрита, о том, что он нелегко поддавался тревогам. В изображении Гончарова это живой человек, гуманный и глубоко образованный, с тонким чувством юмора. В Капштате он «зашел в книжный магазин, да там и сел. И та книга ему нравится и нужна; там увидит издание, которого у него нет, и купит книгу. Насилу я вытащил его домой» (II, 231). Во время обеда, на котором одна из присутствовавших дам вставляла в общий разговор: «Yes? y-e-s!», о. Аввакум «от скуки, в промежутках двух блюд, считал, сколько раз скажет она “yes”. “В семь минут 33 раза”, — шептал он мне» (II, 233). Эта невинная забава была продолжена и на следующий день. Чувство юмора, удивительная скромность и отсутствие претенциозности определили положительное нравственное влияние священника на команду и капитана. Это влияние осуществлялось «не поучениями и проповедями», а «просто примером ровного, спокойного характера и кроткой, почти младенческой души» (II, 729).

Образ о. Аввакума у Гончарова, как и образы офицеров, несомненно, идеализирован, он соответствует представлениям писателя об идеале верующего человека: Гончаров «не требует от человека аскезы и максимальной

самоотдачи и самопожертвования», предпочитает веру «младенческую» [17, с. 210, 204]. Писателю радостно видеть в о. Аввакуме носителя простого и сердечного чувства: живая, не знающая сомнений вера архимандрита детски непосредственна и чиста. Именно поэтому он показан как совсем не военный человек, большой ребенок, и эпизоды, посвященные ему, согреты юмором (см. об этом: [10]). Юмор при характеристике о. Аввакума становится средством возвышения образа, юмор же помогает сделать героя живым, близким читателю.

Писатель не упоминает имени другого Аввакума, известного любому русскому человеку истового ревнителя веры, страдальца и подвижника, протопопа, написавшего собственное «Житие», но, возможно, рассчитывает на ассоциативное сближение с ним своего героя. Их объединяет вера и подвижничество. Архимандрит Аввакум разделит драматичную судьбу команды фрегата «Паллада», впоследствии «этот скромный ученый, почтенный человек ездил <...> с графом Путягиным в Китай для заключения Тсянзинского трактата и по возвращении продолжал оказывать пользу по сношениям с китайцами...» (II, 739), а закончил свой земной путь в монастыре. Вся жизнь его была служением делу, исполнением своего долга. Сближение имен архимандрита Аввакума и протопопа Аввакума помогает понять своеобразие религиозности Гончарова: он не принимает неистовости протопопа Аввакума в отношении к вере. Религиозность писателя гармонировала с его желанием «очеловечить» человека, смягчить его. Всю свою жизнь писатель носил в душе убеждение в том, что не утративший сердечной, «младенческой» веры простой человек ближе к Господу, чем люди образованные и обремененные чужим знанием. Это убеждение наложило отпечаток на все его творчество.

Общая вера и патриотическое чувство, по мнению Гончарова, лежат в основе национального единения, о котором он немало размышлял в поздний период творчества. О возможности такого духовного единения писатель говорит устами одного из героев очерка «Литературный вечер» Чешнёва: «...русский народ исполняет эту свою великую и национальную и человеческую задачу <...> в ней ровно и дружно работают все силы великого народа, от царя до пахаря и солдата! Когда всё тихо, покойно, все, как муравьи, живут, работают, как будто вразброд; думают, чувствуют про себя и для себя; говорят, пожалуй, и на разных языках; но лишь только явится туча на горизонте, загремит война, постигнет Россию зараза, голод — смотрите, как соединяются все нравственные и вещественные силы, как всё сливается в одно чувство, в одну мысль, в одну волю — и как вдруг все, будто под наитием святого духа, мгновенно поймут друг друга и заговорят одним языком и одною силою! Барин, мужик, купец — все идут на одну общую работу, на одно дело, на один труд, несут миллионы и копейки <...> и умирают, если нужно — и как умирают! Перед вами уже не графы, князья, военные или статские, не мещане или мужики — а одна великая, будто из несокрушимой меди вылитая статуя — Россия!» [6, с. 106]. Не исключено, что это суждение появилось не без влияния общеизвестных рассуждений Толстого о «роевой» жизни в «Войне и мире».

Мысль о возможности национального единения в России Гончарову не была чужда и в 1850-е годы. На качества русского человека, общие для барина и мужика, автор указывает в знаменитом эпизоде из «Фрегата “Паллада”», в котором описывается день русского барина, противопоставленный дню англичанина. Исследователи «очерков путешествия», как правило, вырывают

этот эпизод из контекста и в лучшем случае говорят о том, что русский обломовец показан Гончаровым как деловой человек и благотворитель [27, с. 69]. Однако почти незамеченным оказывается, что вслед за рассказом о благотворительности барина Гончаров с глубоким чувством гордости за свое Отечество говорит: «Мне видится длинный ряд бедных изб, до половины занесенных снегом. По тропинке с трудом пробирается мужичок в заплатах. У него висит холстинная сума через плечо, в руках длинный посох, какой носили древние. Он подходит к избе и колотит посохом, приговаривая: “Сотворите святую милостыню”. Одна из щелей, закрытых крошечным стеклом, отодвигается, высовывается обнаженная загорелая рука с краюхой хлеба. “Прими, Христа ради!” — говорит голос. Краюха падает в мешок, окошко захлопывается. Нищий, крестясь, идет к следующей избе: тот же стук, те же слова и такая же краюха падает в суму. И сколько бы ни прошло старцев, богомольцев, убогих, калек, перед каждым отодвигается крошечное окно, каждый услышит: “Прими, Христа ради”, загорелая рука не устает высовываться, краюха хлеба неизбежно падает в каждую подставленную суму» (II, 64—65). Этот эпизод стилистически близок стихотворению в прозе. Он не выделен в тексте в отдельный абзац, но включен в общий ход авторских размышлений о русском человеке, о России с ее особым национальным жизненным укладом.

Духовное единение русских людей перед опасностью Гончаров показывает в очерке «Два случая из морской жизни» (см. об этом: [9]). Очерк «Через двадцать лет» рассказывает о тяжелых испытаниях, выпавших на долю экипажа фрегата после того, как Гончаров высадился с него на российском берегу. Здесь описываются истинно героические события, в них раскрываются духовные и физические силы, хранимые русским миром. Писатель задается вопросом: что помогло экипажу фрегата пережить землетрясение, гибель корабля, строительство шхуны «Хеда», долгие пешие переходы в чужой стране, тяжелейшее путешествие по Амуру и Сибири по пути на родину? И отвечает: конечно же, стойкость и трудолюбие, сострадание, душевная щедрость, забота о ближнем, соборное единение перед лицом смерти. Во время землетрясения вся команда усердно молится, об этой молитве не забывает упомянуть адмирал Е. В. Путятин в официальном отчете о плавании. Фрагмент из этого отчета приводит Гончаров, описывавший происшествие со слов тех членов экипажа, которые сами его пережили.

Основой духовного единения русских людей являются и глубокое чувство патриотизма, верность долгу перед Отечеством, общие для офицера и матроса. «...Патриотизм, — пишет Гончаров, — не только высокое, священное и т. д. чувство и долг, но он есть — и практический принцип, который должен быть присущ, как религия, как честность, как руководство гражданской деятельности, — каждому члену благородного общества, народа, государства!» [4, с. 256]. Рассказывая о том, что Россия вступила в войну, Гончаров говорит о русских людях как об истинных патриотах, которые готовы затопить свой корабль, чтобы порох и пушки, находящиеся на нем, не достались врагу; «...адмирал и капитан неоднократно решались на отважный набег к берегам Австралии, для захвата английских судов» (II, 727); уже после кораблекрушения, оказавшись на японском берегу без крыши над головой, русские моряки не хотели «киснуть» в бездействии, когда «наши там <...> дерутся!» (II, 736). Писателю оказалась известна история о том, как в сражении за Петропавловск участвовали моряки с фрегата «Паллада». Очерк «Через двадцать лет» — это дань памяти людям, которые являли собой живой при-

мер героизма и стойкости, порядочности и великодушия, трудолюбия и скромности, то есть тех нравственных качеств, которые и представлялись принадлежностью идеального героя писателя. В образе этих людей виделся Гончарову воплощенным его идеал человека. Думается, что именно в этом произведении писатель находит то самое согласие с миром, народом, нацией, которое всегда жаждал обрести.

Библиографический список

1. *Алексеев П. П.* Цивилизационный аспект русской духовности во «Фрегате “Паллада”» // И. А. Гончарова // И. А. Гончаров : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 195-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2008. С. 38—54.
2. *Белкин Д. И.* «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова и «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах» Е. Ф. Тимковского // И. А. Гончаров : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1994. С. 16—25.
3. *Бочаров С. Г.* О генетической памяти литературы // *Donum Paulum. Studia Poetica et Orientalia* : к 80-летию П. А. Гринцера. М. : Наука, 2009. С. 17—25.
4. *Гончаров И. А.* Необыкновенная история // И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. М. : Наследие, 2000. С. 184—307. (Лит. наследство ; т. 102).
5. *Гончаров И. А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. СПб. : Наука, 1997— . Т. 2. 747 с. ; Т. 3. 843 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием римской цифрой тома, арабской — страницы.
6. *Гончаров И. А.* Собрание сочинений : в 8 т. М. : Худож. лит., 1980. Т. 7. 462 с.
7. *Григорьев А. А.* Искусство и нравственность. М. : Современник, 1986. 352 с.
8. *Гуськов С. Н.* Любимое дитя Гончарова : книга очерков «Фрегат “Паллада”» // Литература в школе. 2003. № 5. С. 9—14.
9. *Ермолаева Н. Л.* И. А. Гончаров для юного читателя // Литература в школе. 2007. № 9. С. 16—19.
10. *Ермолаева Н. Л.* Образ православного священника в очерке И. А. Гончарова «Через двадцать лет» // Духовно-нравственные основы русской литературы. Кострома, 2009. С. 132—134.
11. *Краснощёкова Е. А.* Иван Александрович Гончаров : мир творчества. СПб. : Пушкинский фонд, 1997. 496 с.
12. *Краснощёкова Е. А.* «Фрегат “Паллада”»: «путешествие» как жанр : (Н. М. Карамзин и И. А. Гончаров) // Русская литература. 1992. № 4. С. 12—31.
13. *Лебедев Ю. В.* У истоков эпоса : (очерковые циклы в русской литературе 1840—1860-х годов). Ярославль, 1975. 164 с.
14. *Лоциц Ю. М.* Гончаров. М. : Мол. гвардия, 1986. 352 с.
15. *Маркович В. М.* И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века: (30—50-е годы). Л. : Изд-во ЛГУ, 1982. С. 64—108.
16. *Мельник В. И.* Народ в творчестве И. А. Гончарова : (к постановке вопроса) // Русская литература. 1987. № 2. С. 49—62.
17. *Мельник В. И.* О религиозности И. А. Гончарова // Русская литература. 1995. № 1. С. 203—212.
18. *Михельсон В. А.* Закованные берега : этюды о «Фрегате “Паллада”» И. А. Гончарова // Морская тема в литературе. Краснодар, 1965. С. 24—56.
19. *Недзвецкий В. А.* И. А. Гончаров — романист и художник. М. : Изд-во МГУ, 1992. 176 с.
20. *Ничипоров И. Б.* Феномен «человека путешествующего» в творческом восприятии И. А. Гончарова («Фрегат “Паллада”») // И. А. Гончаров : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 195-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2008. С. 55—63.

21. *Орнатская Т. И.* История создания «Фрегата «Паллада»» // Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Л. : Наука, 1986. С. 763—787.
22. *Отрадин М. В.* Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. 168 с.
23. *Пруцков Н. И.* Мастерство Гончарова-романиста. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 232 с.
24. *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений : в 22 т. М. : Худож. лит., 1978—1985. Т. 6. 447 с.
25. *Хализев В. Е.* Человек смеющийся // Хализев В. Е. Ценностные ориентации русской классики. М. : Гнозис, 2005. С. 301—354.
26. *Цейтлин А. Г.* И. А. Гончаров. М. : Изд-во АН СССР, 1950. 491 с.
27. *Чичкина Л. Г.* Образ пространства как средство выражения авторской позиции в путевых очерках И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада»» // И. А. Гончаров : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 195-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2008. С. 64—72.
28. *Энгельгардт Б. М.* «Путешествие вокруг света И. Обломова»: главы из неизданной монографии // И. А. Гончаров : новые материалы и исследования. М. : Наследие, 2000. С. 15—82. (Лит. наследство ; т. 102).
29. *Энгельгардт Б. М.* «Фрегат «Паллада»» // Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Л. : Наука, 1986. С. 722—760.

ББК 83.011.7

Д. Л. Лакербай

СТИЛЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Статья посвящена одной из актуальных проблем современного литературоведения. Анализируя различные теории стиля, автор исходит из необходимости вывести их на уровень современной научной рациональности и очерчивает границы их возможностей.

Ключевые слова: методология, художественная целостность, индивидуальный стиль, феномен, модель.

This article is dedicated to one of the actual problems of modern philology. Analyzing different theories of style the author considers it is necessary to make all these methods reach the contemporary scientific level and outlines their limits.

Key words: methodology, artistic integrity, author's manner, phenomenon, pattern.

I

По точному суждению И. Ю. Подгаецкой, «индивидуальный поэтический стиль — это то, что яснее всего ощущается, но труднее всего поддается определению. Мы пытаемся уловить его, то стремясь очертить круг предпочтительных тем, то извлекая доминирующие у поэта образы и словосочетания, то погружаясь в ритм и интонацию его стихов, но при этом всегда есть нечто, что остается за пределами <...> Однако все эти части имеют же какую-то верховную цель, вносящую в значимые элементы поэтических текстов

© Лакербай Д. Л., 2013

общую устремленность к художественно завершенному смыслу так, что смысл этот не ограничивается одним стихотворением...» [19, с. 184].

Индивидуальный стиль выступает здесь как «неопределенная определенность», не уловимая целиком в сети рации, но безошибочно различимая читателем. Данный факт указывает на неизбежность аббераций при объяснении стиля в рамках любой «строгой» методологии, оставляющей за скобками его сопротивление дискурсивности. Более того — стремление любой ценой «осистемить» стиль возвращает к традиции риторического его понимания (стиль есть «украшение»), что в итоге дает основания вообще «списать» саму категорию (как это произошло у многих западных теоретиков в 1960—1970-х годах). А. де Компаньон отмечал: «...именно дуализм, или бинаризм, на котором основывалось традиционное понятие стиля, был сочтен абсурдным и не выдерживающим критики <...> ...Излюбленной мишенью стало разграничение мысли и выражения, которое заложено в самом сердце понятия стиля и делает возможной синонимию. <...> ...Все это доводится до карикатуры в диссертациях и монографиях о “жизни и творчестве”, последнюю главу которых посвящают “стилю писателя”, тогда как главное, само собой, изложено впереди и представляет собой мысль» [13, с. 209].

«Бессубъектному» структурализму стиль оказывается не нужен; разоблачающему саму художественную целостность постструктурализму — тем более (по словам Р. Барта, «текст-письмо — это романическое без романа, поэзия без стихотворения, эссеистика без эссе, письмо без стиля, продуцирование без продукта, структурация без структуры» [1, с. 33]). Нам, привычным к системно-функциональному пониманию стиля (результату «теоретического ренессанса» 1960-х годов), стоит в качестве отправной точки усвоить этот урок «неабсолютности» опорных категорий: с очень многих методологических позиций стиль (именно в этой интересующей нас уникальности, «неопределенной определенности») попросту не виден, не ощутим. Любопытно, что можно выстроить даже своеобразную эскизную типологию присутствия или отсутствия стиля (и как феномена, и как модели) в восприятии, включающую «горизонты ожидания» читателя в широком смысле слова.

1. Фабульный горизонт. Обычно это уровень «чтива» и «мыла», поскольку читатель (зритель) проходит мимо произведения, текста, слова прямо к «истории», держа в поле внимания хронику событий, причем даже несмотря на их однотипность, повторяемость, серийность. Кумулятивность происходящего у реципиента явно соотносится с «кумулятивностью» идущих дней, создавая мнимый виртуальный аналог «текста-как-повседневности». Раз нет произведения как эстетического факта, «нет» и стиля.

2. Денотативный горизонт. Произведение отграничено от жизни «технически», но не идейно (тем более эстетически), воспринимается как гомогенный жизни объект, аналог-сгусток уже не повседневности-протекания, но самой жизненной проблематики. Это сплошной континуальный денотат вперемишку с означаемым (образчики — культурно-историческая школа, «реальная критика»). Воздействие стиля может ощущаться (например, обуславливая выбор произведения, характер впечатления от него), но его самого «нет».

3. Горизонт эстетического объекта. Произведение возникает как открытая восприятию (но не анализу) художественная целостность, резко отличимая от окружающей реальности своей подчеркнутой эстетической природой, оригинальностью. Стиль полновластен здесь, именно он определяет

оригинальность — но исключительно как доступный рецепции феномен, как уникальная выразительность этой целостности.

4. Горизонт анализа эстетического объекта. Это привычный литературоведческий горизонт. Условием анализа является постулат целостности эстетического объекта и логосности смысла (неструктурируемый «центр системы»), то есть своеобразный «сухой остаток» пункта 3. Стиль здесь (при компонентном/уровневом анализе, а не герменевтическом «понимании») смоделирован, развернут как результат системного анализа выразительных средств.

5. Метатекстовый (метадискурсный) горизонт. Стиль и художественная целостность не являются альфой и омегой анализа, так как внимание смещено с произведения на «тело» литературы, на теоретическую экспликацию механизмов функционирования текста и составляющих его дискурсов и техник. Стиль здесь служит скорее аргументом, одним среди многих, и может быть не представлен как стилевая модель, а выборочно функционализирован в рамках других структур или вовсе снят с повестки дня.

6. Горизонт «наслаждения от текста». Это специфическая практика уже не наивно-фабульной, но интеллигентной, игровой рецепции: мимо произведения, мимо автора, мимо стиля — прямо в виртуальные джунгли «объективных коннотаций». Читатель — как экстатическое футбольное поле, на котором дискурсы, коды, семы и прочее проводят свой захватывающий бесконечный чемпионат.

Данная типология не учитывает возможности интерференции уровней, средостений и т. п. Но в целом пространство индивидуального стиля — это пункты 3—4, отчасти 5, и не более того. Трезвое ограничение «местожительства» индивидуального стиля (он мыслим лишь там, где мы постулируем художественную целостность и оригинальность эстетического объекта) не отменяет, однако, загадочности самого феномена, что требует рефлексии оснований, предваряющей возможность применения той или иной методологии.

У литературоведов имеется «слабое звено», напоминать о котором столь тривиально, что порой о нем просто забывают из дисциплинарных соображений. Речь идет о молчаливом игнорировании неизбежной неполноты любого точного, формульно-модельного знания о литературе — неполноты, которая может играть совершенно полярные роли в исследовательском процессе.

Кажется, что может быть хрестоматийней высказывания писателя, поэта об иррациональности творчества, несводимости произведения к чему-либо, кроме него самого? Тем не менее, привычно признавая за художником право на эти высказывания, исследователь исходит из противоположного: наука с необходимостью рациональна, ее сложные теории растут из корней простого анализа; «музыку я разъял, как труп» есть будни науки. И слава богу.

Однако творчество вовсе не будни, а праздник — праздник сотворения мира, его очеловечивания, праздник торжества органического и духовного над механическим и материальным. Иными словами, между поэтом и ученым есть неустранимое противоречие основного метода действия, забывать о котором не стоит. Но если не переходить на традиционные герменевтические позиции (не предлагать «понимание» *вместо* «объяснения») или не усматривать в интертекстуализации и деконструкции предел мечтаний, то необходимо искать возможность впрячь в одну упряжку «коня и трепетную лань».

Казалось бы, как это осуществимо сейчас, в постдерридеанском, постфукольдианском, постбартовском и тому подобном интеллектуальном пространстве, где теоретический разум давно пережил глобальное столкновение с бесконечностью и устал расписываться в своей ограниченности? Но ведь молоток не выкидывают, если обнаруживают, что им нельзя забить гвоздь прямо в небо. Гибкость научной рациональности вообще гораздо значительней, нежели принято считать: «...одним из условий адекватности точной теории феномена, которому свойственна неопределенность, является то, что такая теория должна точно охарактеризовать данный феномен как неопределенный...» [21]. Как констатируют А. Сокал и Ж. Бринкмон, «не существует (по крайней мере, в настоящее время) полной кодификации научной рациональности <...> рациональность всегда является приспособлением к новой ситуации» [22, с. 29].

В. В. Бычков, обобщая бесконечное разнообразие взглядов на форму, содержание и их взаимосвязь, отмечает, что «собственно художественно-эстетические феномены в целом практически не поддаются более или менее адекватному дискурсивному анализу и словесному описанию» [7, с. 288]. Действительно, художественно-эстетический феномен, с его целостностью, органичностью, уникальностью, в качестве феномена в «строгой» науке представлен быть не может — зато должны быть созданы исследовательские модели, вполне могущие содержать в себе представления, характеризующиеся неполной определенностью. Следовательно, противоречие между феноменом и моделью должно быть осознано как неснимаемое, но продуктивное, побуждающее бесконечно развивать рациональную составляющую познания, постигать через модельное спецификаторство неисчерпаемое богатство феномена — не забывая о черте горизонта, через которую нельзя перейти. Иными словами, мы должны все время помнить о различии феномена и дискурсивного объекта, который всегда есть результат не «познания сущности вещей», но совокупности правил, присущих дискурсивной практике. Эти правила, по М. Фуко, «определяют отнюдь не безмолвное существование реальности, отнюдь не каноническое использование словаря, они определяют режим существования объектов» [25, с. 111].

Индивидуальный стиль — как раз тот феномен, который просто вопиет, требуя к себе данного особого подхода, особого моделирования: ведь уникальность является его не просто неотменимым, но конститутивным, даже более того — *единственным* дифференцирующим качеством (индивидуальный стиль либо уникален, либо его нет, а есть та или иная вариация того или иного «большого стиля»). Любое типологизаторство, не ставящее во главу угла эту уникальность, рискует потерять предмет исследования и рассматривать системность (любой сложности), которая не будет стилем.

Принятая за аксиому органичность творчества для исследователя означает некоторое исходное условие — принцип неполной исчисляемости качественных преобразований от замысла к тексту, о чем многие теоретики предпочитают забыть (и строить на этом забвении свои реконструктивные методики). А между тем о сути творческого процесса исчерпывающе, на наш взгляд, высказался еще в 1920-х годах М. М. Бахтин: «...мы имеем с ним дело лишь постольку, поскольку он отложился в художественном произведении, т. е. с его идеальной смысловой историей и ее идеальной смысловой закономерностью; каковы были его временные причины, психологическое течение — об этом вообще можно строить лишь догадки, но эстетики это не каса-

ется. <...> ...Автор творит, но видит свое творчество только в предмете, который он оформляет, т. е. видит только становящийся продукт творчества, а не внутренний психологически определенный процесс его. <...> Когда же художник начинает говорить о своем творчестве помимо созданного произведения и в дополнение к нему, он обычно подменяет свое действительное творческое отношение <...> новым и более рецептивным отношением к уже созданному произведению» [2, с. 90—91].

Отсюда логично следует понимание литературоведческого знания как всегда опирающегося на *продуктивное незнание*, заставляющее не удовлетворяться не самими аналитическими методиками, а ограничительно-упрощающим, принудительно-моделирующим объяснительным потенциалом этих методик. Игнорирование, забвение данной простой истины означает неминуемый, хотя и не всегда заметный переход от *технологичности* операций к *технологизму* заключений и обобщений — продуктивному, когда речь идет о развитии методологии и продвижении аспектных «штудий», но тотализирующе-искажающему при выходе к «большой» теории, а также на стадии широкой популярности и доступности проверенных методик. Теория, моделирующая органический процесс, сама по себе есть искажающий фактор; технологизм усугубляет ситуацию.

Чем универсальней предлагаемая методология, тем более абстрактными предстают объект науки и предмет исследования, что в гуманитарной сфере неизбежно ставит вопрос о релевантности методологии изучаемому *феномену*. Мы не можем в гуманитаристике *просто* перейти с феноменального уровня на моделирующий, от «идеографии» к «номотетике», а потом вернуться обогащенными найденными закономерностями. Без аннигиляции феномена, превращения его в объект на категориальной сетке методологии («решетке спецификации» дискурса) *просто* вернуться не получится. В этом смысле поучительна история структурализма и семиотики, чьи глобальные «номотетические» претензии довольно быстро привели к тавтологической «ноуменальности», подмене оппозиции «феномен/модель» тавтологической парой «моделируемый объект/моделируемый смысл» (говоря попросту, что ищем, то и находим). «Моделируемый смысл» (или, пользуясь определением А.-Ж. Греймаса, «форма смысла») предельно таксономичен и безразличен к оригинальности и органичности феномена; применительно к литературному произведению такой абстрагирующий подход «переносит центр тяжести в исследовании текста с методики его адекватного смыслового описания на поиски моделей перекодировки его смысла» [26, с. 103].

II

То, как мы запомнили знаменитое бюффоновское определение (стиль есть человек), — наглядное свидетельство нашего стремления к упрощению. Ведь это вырванная из контекста фраза, вокруг которой не менее важное: «Хорошо писать — это одновременно хорошо думать, правильно и глубоко чувствовать и верно излагать; это иметь вместе талант, душу и вкус. Стиль предполагает соединение и проявление всех способностей разума. Лишь идеи образуют основу стиля, звучность слов всего лишь аксессуар...» Факты, знания, открытия легко переходят от одних к другим, «это вещи вне человека, стиль же есть сам человек. Поэтому стиль нельзя ни отнять, ни перенять, ни подменить <...> Но прекрасный стиль прекрасен именно благодаря бес-

численным истинам, которые он обнаруживает» (пер. А. Ф. Лосева; цит. по: [14, с. 35]).

Как отмечал А. Ф. Лосев, в 1970-х годах напряженно размышлявший над феноменом стиля, «в этой речи Бюффона, хотя она и произносилась во второй половине XVIII в., заложено все то понимание стиля, которое еще и теперь является труднодостижимой целью для современных исследователей и которое содержит в себе почти все необходимые стилевые категории, которые мы еще и сейчас формулируем с таким трудом и с такой неуверенностью» [14, с. 36]. Между тем для современного теоретика здесь как бы и нет большой проблемы. По Б. П. Иванюку, «представление о стиле как внутреннем принципе организации формы давно (с “Несвоевременных размышлений” Ф. Ницше, 1876) стало распространенным среди литературоведов и приобрело теоретическую разветвленность и детализированный характер. Расхождения среди его сторонников касаются прежде всего сферы компетенции стиля» [11, с. 42]. Однако мы видим уже из логики Бюффона, что как раз «сфера компетенции» и является решающим фактором, водоразделом между, условно говоря, «формально-технологическим» (ограничивающим) и «органическим» («тотальным») полюсами в понимании стиля.

Пожалуй, наиболее глубоко представлял себе сущность проблемы сам А. Ф. Лосев. Так, приводя одно из множества определений, он тут же обозначает условность внутренних демаркаций: «Невозможно не согласиться с разделением разных пониманий стиля на более формальное (“характерный прием выражения”) и на более материальное, или содержательное (когда прямо говорится о единстве формы и содержания). Точно так же вполне основывается на здравом смысле разделение стиля на логический и образно-эмоциональный, с одной стороны, и на индивидуальный и коллективный, с другой стороны. Нам казалось бы только, что оба эти деления и оба эти подразделения в тех произведениях искусства, которые мы находим фактически и исторически, эти деления и подразделения часто самым определенным образом переплетаются <...> То и другое скорее являются только крайними полюсами и предельными точками жизни, изображаемой в искусстве» [14, с. 20—21].

Главную опасность здесь А. Ф. Лосев видит в «формализме» (как правило, это лингвистические или лингвоцентрические подходы), поскольку «формализм всегда пуст», то есть игнорирует собственно эстетическое, и «схематизме», и потому удачные, с его точки зрения, дефиниции стиля характеризуются им как «богатые» — содержащие представления о многоплановости стилевой структуры, о формообразующей/моделирующей деятельности художника, о слиянии мировоззрения, формы и «внутренней формы» произведения в одно неделимое целое и т. п. При этом нисколько не отрицается первостепенная важность языкового разбора текста. В частности, сочувственно приводятся определение польского теоретика Х. Маркевича: стиль литературного текста есть «комплекс имеющихся в нем избирательных, трансформационных и конструктивных тенденций в отношении языкового материала, которые осуществляют в тексте сопутствующие функции (эмотивную, индивидуализирующую и автотеличную), восполняя таким образом основную семантическую информацию, содержащуюся в высказывании...» [14, с. 152] — и подход Ж. Мунена, который обосновывает взаимодополнительность нескольких стилевых теорий: риторической, теории «отклонения от нормы» (П. Гиро, М. Риффатер), теорий стиля как обработки «сообщения» (Р. Якобсон) и как «неизгладимого свидетельства личности, сохраняющегося

в сообщении» (от Ж. Бюффона до Ш. Балли и Л. Шпитцера). Лосев обращает внимание и на суммирующее высказывание Мунена: «Стиль <...> не есть метафизическая сущность, которую можно обосновать одним афористическим определением. Это человеческое явление огромной сложности» [14, с. 158].

Любопытно, что А. Ф. Лосев с интересом цитирует структуралиста Ю. И. Левина, рассматривающего частотный словарь «Сестры моей жизни» Б. Пастернака (и даже в чем-то защищает его от ведущего советского литературоведа Г. Н. Пospelова), потому что Левин ищет в художественном языке «модель мира». Но при этом заметно сдержанное отношение к господствующей в советском литературоведении традиции (имя А. Н. Соколова вообще не упоминается, Г. Н. Пospelова — несколько раз по косвенным поводам): «За последние десятилетия мы научились достаточно глубоко интерпретировать и излагать само содержание художественных произведений, минуя их стилевую структуру. Неудивительно, что у современных представителей литературных теорий еще не настолько набита рука, чтобы так же хорошо разбираться в стиле <...> ...Относящиеся сюда категории мы излагаем часто путано и неопределенно, и даже иной раз мы не знаем, с чего и начать...» [14, с. 171].

Лосев с высоты своего культурного Эвереста ясно видит первородный грех советского литературоведения даже в пору его «теоретического ренессанса»: подобно тому как оттепельное литературное сознание искало «правду» в реалистическом модусе, жизнеспособности и публицистичности, литературоведение, при всех оговорках, шло от «содержания» и «метода», этих столпов социологической по сути революционно-демократической и марксистской традиции, — с той разницей, что, в силу усложнения представлений об искусстве, «содержание» и «метод» закладывались в основу системно-функциональных концепций. Стиль естественным образом предстал в них системной организацией художественной формы, реализующей метод, идею и т. п., то есть все той же очень влиятельной, но все же «надстройкой» над «базисом», инструментом демонстрации «содержания», которое не может входить в стиль, выступая по отношению к форме определяющей стороной. При этом происходило смещение акцентов с верного наблюдения на идеологизированную интерпретацию. П. В. Палиевский пишет: «Одним из таких “выдвинутых наружу” моментов образа и является стиль. В самом общем и неопределенном виде он представляется нам как некая поверхность, на которой обозначился неповторимый след, форма, выдающая своим строением присутствие одной руководящей силы, главный художественный принцип в том его состоянии, как он проявляется в материале. Другими словами, это художественный метод, проступивший наружу...» [18, с. 7].

Подобную картину мы и наблюдаем в стилевых теориях А. Н. Соколова и Г. Н. Пospelова. Так, первый разграничивает относящиеся к содержанию стилообразующие факторы и собственно «носители стиля», которые «выражая закономерность стиля <...> приобретают “стилевую характерность”» [23, с. 68]. В качестве «носителей» ученый выделяет: 1) внешнюю, или языковую, форму; 2) композицию; 3) родовые и видовые формы. Факторами стиля в произведении становятся все стороны его содержания, причем организованные иерархически: ведущим является предметно-образное содержание, следующее место принадлежит художественному методу и т. п. [23, с. 126], а заключают перечень родовая и видовая формы, сложно взаимодействующие с содержанием и методом. А. Н. Соколов уверен, что определить «равнодей-

ствующую» стиливых факторов — «значит понять стиль данного художественного целого, точнее — понять художественный смысл стиля» [23, с. 129]. Иными словами, выстроив эту пирамиду, в основании которой содержание и метод, мы получаем полностью объясненный стиль как «художественную закономерность, объединяющую в качестве его носителей все элементы формы художественного целого и определяемую в качестве его факторов идейно-образным содержанием, художественным методом и жанром данного целого» [23, с. 130].

Для Г. Н. Пospelова стиль, главными элементами которого являются язык, композиция и детали предметной изобразительности, есть «выражение художественного содержания». К стилиобразующим факторам относятся тематика, проблематика, разновидности жанрового содержания, пафос, причем ведущая роль отводится проблематике, определяющей другие стороны содержания. Соответственно и поспеловское определение стиля еще более нагружено идеологически: «целостное единство всех принципов художественной изобразительности и выразительности (предметной, композиционной, словесной), вполне соответствующее особенностям идейного содержания произведений, закономерно исторически возникающего в национальной литературе определенной эпохи ее развития, и могущее повториться в творчестве одного или нескольких писателей того или иного течения» [20, с. 123].

Основываясь на изначальном коллективном предрассуждении, на нерелевантном примате содержания/метода над формой/стилем (привилегированность «базиса» перед «надстройкой», правого члена оппозиции перед левым), такой подход одновременно идеологизировал и «технологизировал» феномен стиля, т. е. моделировал его сущность принудительным образом из «поля власти», перемещая в «поле литературы» по мере увеличения внимания к собственно «литературности» («второстепенной» специфике формы). В результате многочисленные ценные находки и соображения более частного характера (например, стиливые категории у А. Н. Соколова) теряли значительную часть эвристического потенциала, а постулат целостности выхолащивался, формализовывался до дежурных операций — скажем, до стандартных идейно-стилевых портретов советских писателей, имя которым легион (в ИвГУ, например, вполне всерьез предлагалась тема кандидатской диссертации «Стиль Михаила Дудина»). Получался парадокс: опора на содержание и метод вела к формализации. На самом деле парадокс кажущийся: *любое априорное механическое разграничение* (например, на «факторы» и «носители», «содержание» и «выражение»), будь оно трижды системным и функциональным, моделирует уникальный феномен стиля с катастрофическими потерями.

Чтобы не быть голословными, приведем пример долгой жизни данной литературоведческой традиции уже в наше время, когда отпала необходимость настаивать на приоритете содержания/метода. Обратимся к полезному во всех отношениях современному учебному пособию [24], содержащему, кроме обзора стиливых определений, любопытные обобщения известного литературоведа Н. Л. Лейдермана.

Традиционно констатируя, что «стиль — это едва ли не самая неопределенная, самая размытая, самая “безразмерная” художественная категория» [24, с. 5], далее автор подвергает почти все приводимые определения критике. Во-первых, по причине «неспецифичности»: «Когда говорят, что стиль — это доминанта формы или что стиль обеспечивает единство содержания и

формы, но ведь то же самое можно сказать и о жанре. Когда утверждают, что стиль обеспечивает конструктивное единство произведения, закономерно возникает вопрос — а какие же тогда функции выполняет жанр? Даже положение о том, что в стиле художественная целостность непосредственно ощущается и выражена, не проявляет специфику стиля, ибо и жанровая конструкция произведения также делает целостность художественного мира наглядно-зримой <...> Каждая из всех трех структур (стиль, жанр, метод) обеспечивает свой аспект целостности» [24, с. 7]. Сформулированное М. М. Гиршманом разграничение жанра и стиля по линии «традиция/индивидуальность» также вызывает возражения: «...в эпохи, когда господствует нормативная эстетика <...> стиль вовсе не служит специальным выразителем индивидуального начала в искусстве. <...> И наоборот, в культуре Нового времени все художественные системы: и жанр, и стиль — ориентированы на то, чтобы выразить прежде всего индивидуальное, своеобразное, своеобразное видение мира художником» [24, с. 8].

Возражая вслед за В. В. Кожинным против «неспецифичного» расширения «претензий» стиля (быть «генной программой» произведения, определять единство содержания и формы и т. п. — подходы Л. И. Тимофеева, А. Ф. Лосева, Ю. Б. Борева, М. М. Гиршмана), Н. Л. Лейдерман не приемлет и определений стиля через творческую индивидуальность художника: «С одной стороны, творческая индивидуальность художника “больше” стиля в том смысле, что она включает всю совокупность писательского труда: и жанры, которые создаются писателем, и стили, которыми он пишет, и излюбленные темы писателя, и интересующие его конфликты, и, в конце концов, его метод <...> С другой стороны, стиль “больше” творческой индивидуальности в том смысле, что в даже крайне субъективном индивидуальном стиле всегда живет “память” о тех или иных стилевых традициях <...> Наконец, известны такие стилевые системы, которые втягивают в свою орбиту писательскую индивидуальность, подчиняя ее более общим законам эстетической выразительности» [24, с. 10].

В результате такого рода рассуждений в «сухом остатке» остается предлагаемое автором *функциональное* определение стиля, связанное с «фундаментальными художественными законами» творческого метода, стиля и жанра: «Взаимодействие “стиль — жанр — метод” образует структуру любой художественной системы как идейно-эстетического целого, начиная с отдельного произведения и кончая литературным направлением» [24, с. 15]. Функция стиля — организовывать систему эстетической выразительности и тем самым обеспечивать экспрессивное единство художественного произведения: «Стиль — это система элементов художественной формы, придающая произведению искусства чувственно-наглядный, эмоционально наполненный эстетический облик и раскрывающая его экспрессивно-оценочный смысл» [24, с. 17].

Перед нами добротной выстроенная, но совершенно бюрократическая по сути модель «абсолютного знания» о литературе, по-советски жесткая и безапелляционная (один пассаж о триаде «стиль — жанр — метод» чего стоит...), чуждая сомнений, трудных вопросов, игнорирующая тот факт, что отвергаемые дефиниции могут исходить из таких свойств художественной литературы, которые нельзя просто отбросить вместе с не самыми удачными определениями. Распределяется ли аспектно (тем более жестко) целостность художественного произведения по членам «триады»? Так ли уж фундамен-

тальна категория метода — или все-таки неверифицируема за пределами марксистского литведа, социологизирующего и художника, и текст? Если образ мира *выстраивается* (а не *задается* проспективно) жанром, то где место индивидуально-творческой версии бытия, *оригинальному* мирозданию художника — исключительно в «авторском» жанре? Если стиль — это безличный в конечном счете «закон формы», то каким же образом «законодатель» не просто узнаваем (иногда с двух строк), но так или иначе «обозрим» в специфике своего стиля с любой значимой стилевой позиции (эффект голограммы)? Релевантна ли для понимания сущности феномена априорная синонимия индивидуального стиля, стиля направления, стилевой традиции, стилевой системы, не оказываемся ли мы в плену «правильных» слов? Почему «законный аргумент» исторической поэтики (противоположность наполнения категории «индивидуальный стиль» в различные эпохи [16, с. 272]), служит основанием для антиисторической интерпретации понятия, то есть толкуется наизнанку?

Данные «трудные вопросы» можно отнести к «теоретическим сложностям второго порядка»: они очерчивают «заколдованный круг», сигнализируя о степени замкнутости теории, о ее избирательной слепоте и глухоте. Избирательной, поскольку сами по себе ее объективистско-функциональные «стратегемы» (например, о более общих, чем индивидуальный стиль, законах эстетической выразительности, о стилевых традициях и т. п.) *относительно* справедливы. Приведем пару примеров, демонстрирующих, на наш взгляд, «сложности первого порядка», то есть *внутри* самого подхода.

В качестве «теоретической сложности первого порядка» выступает ранее процитированное рассуждение о взаимнообратимом неравенстве стиля и творческой индивидуальности («больше» оказываются оба). Однако кавычки здесь не спасают: элементы «совокупности писательского труда» (стиль, жанр, метод, темы и пр.) вместе с писательской индивидуальностью можно даже условно рассматривать на линейке «больше — меньше» только в рамках механической совокупности. На самом деле они не «неравны», а — как минимум — *неравноположны*. В силу их неравноположности сопоставление несостоятельно.

В качестве «практической сложности первого порядка» напрашивается приводимый двойной пример воздействия внеэстетических факторов на «внутренний стиль» художника (возрождение экспрессионистского гротеска в военной публицистике И. Эренбурга и монументальный лиризм военных стихов А. Ахматовой). В рамках «теоретически спровоцированного» объективистско-функционального суждения о конкретных стилях оказывается несущественным различие между стилем публициста, пусть даровитого, и стилем поэта (для многих великого), между журнализмом и высокой литературой (а если Ахматова тоже использовала бы экспрессионистский гротеск, то была бы неотличима от Эренбурга?). Функционализированный, оторванный от субъекта — пусть даже «системно» — стиль незаметно формализуется, выхолащивается до закона внешней оболочки, профанируется и в качестве «совокупности выразительных средств» может быть найден у любого посредственного литератора или журналиста. Так понимаемый «индивидуальный» стиль действительно безличен, обобщен, функционален, жестко, а не творчески зависим от стилевых традиций — но какое все это имеет отношение хотя бы к той же Ахматовой?

Это и есть *техно-логизм* — механическая сведенность, функциональная организованность элементов системы, «забывающая» поставить вопрос, а что же делает рассматриваемую систему живым и эволюционирующим организмом не только в его таксономической типичности, но и — в первую очередь! — в индивидуальной неповторимости. Конечно, художественный стиль отчасти таксономичен и открыт технологизму — но только отчасти. Чем масштабней талант, тем нетипичней стиль, тем больше он противостоит системно-функциональной формализации и уходит на недоступную ей глубину.

III

Теперь, однако же, стоит взглянуть на проблему с противоположной стороны. Понимание произведения (и соответственно стиля) как живого организма, неразложимого на составляющие, со всей определенностью было сформулировано романтиками, опиравшимися, с одной стороны, на идею «органической формы», с другой — на индивидуальность автора-творца. Речевой акт для романтиков был творческим актом художника, понимание руководствовалось «созерцанием целого»; внешняя художественная форма произведения выступала как «реализация, развертывание некоей внутренней его формы, сокрытой в глубинах творческой индивидуальности художника» [8, с. 111].

С тех пор органицизм проделал долгий путь, рассматривать который нет необходимости, но суть осталась прежней. Современный вариант органицизма, сохраняющего двойную опору — на целостность произведения (восходящую к «целому» бытия) и субъекта творчества, представлен, например, в трудах М. М. Гиршмана. Ученый открыто опирается на «высшие достижения философии художественного произведения, представленные в эстетике Шеллинга и Гегеля: принимаются шеллинговские логика содержательной основы понятия «произведение искусства» («от первоначального единства мирового абсолюта к внутренне обусловленному саморазвивающемуся обособлению его проявлений и к столь же необходимому их творческому воссоединению»), диалектика произведения (соединяющая абсолютное и особенное, отражающая противоречия «существования и проявления индивида в человеческом роде и рода в индивиде»), эстетика гения («в творческом “продуцировании” гения разрешается противоречие абсолютной, божественной сущности и конкретного человеческого существования, возвышающего в произведениях искусства эмпирическую необходимость до абсолютной»), а также конкретизирующая все это через «целостную индивидуальность» творца гегелевская диалектика («“истинная субъективность” и “истинная объективность” являют собою тождество противоположностей и совпадают в “согласующемся в себе и завершенном мире”, который образует художественное произведение») [10]. Такой подход можно условно назвать диалектико-мифоцентричным.

На современный скептический взгляд он несколько архаичен и как-то уж чрезвычайно пафосен в плане языковой игры на повышение логосности, ибо опирается на «ноумены», прежде всего на априорную идею мирового единства, и «эстетический идеализм», «бог которого — красота, храм — искусство, а священнослужитель — поэт, которому одному дарована способность являть бога во плоти художественного произведения» (формулировка П. П. Гайдено [9, с. 113]): «Целостность бытия сосредоточенно и концен-

трированно выявляется в художественной целостности, в мире произведения искусства как “сокращенной вселенной”, “вселенной в миниатюре”» [10].

М. М. Гиришман чужд сомнений и легко соединяет объективную диалектику с категориями автора и стиля. Произведение «творчески осуществляет и воссоздает эстетическое явление полноты бытия», «коренные свойства-отношения бытийной целостности становятся непосредственно воспринимаемыми и предстают как первоначальное единство, саморазвивающееся обособление и глубинная неделимость автора — героя — читателя, художественного мира — произведения — художественного текста, значимого элемента — структуры — целого произведения <...> скрепляющей основой мира оказывается индивидуально-неповторимое человеческое бытие, *целостная индивидуальность* <...> становление и развертывание литературного произведения предстает как своеобразное саморазвитие создаваемого художественного мира, а каждый элемент произведения несет в себе своеобразный отпечаток этого мира, являясь одним из моментов его развертывания» [10].

Стиль, по М. М. Гиришману, есть инобытие автора, «наиболее непосредственное, зримое и осязаемое выражение авторского присутствия в каждом элементе, материально воплощенный и творчески постигаемый “след” авторской активности, образующей и организующей художественную целостность. Такая соотнесенность категорий: стиль — целостность — автор, с одной стороны, определяет невыводимость стиля не только из отдельно взятых особенностей целого, но даже из суммарного перечисления их совокупности, а с другой — объясняет уникальность каждого значимого элемента произведения, не существующего в таком же качестве за его пределами» [10].

Фундамент гиришмановской концепции выразительно охарактеризован Б. П. Иванюком: «...сама идея мирового единства настолько неисчерпаема, что всякое процедурное усилие интеллекта по преодолению ее гравитационного поля остается безуспешным. <...> ...Методика целостного анализа произведения характеризуется исключительной вариативностью и импровизационностью. <...> Однако <...> сознательный отказ от регламентации и прагматизации основополагающей идеи, с одной стороны, свидетельствует о тактичном понимании миметической связи между нею и произведением, а с другой — приводит к неакцентуированному видению этой идеи. <...> Будучи генетически связанной с мифом и являясь по сути его интеллектуальной выжимкой, идея всеединства играет для современного (шире постмифологического) мышления роль глобальной гипотетической аксиомы <...> стала экзистенциальной потребностью человека <...> культивируется человеком, приобретая для него значение новой религии» [11, с. 26—28].

О насущных, как хлеб, мифах спорить трудно. Тем не менее для построения *научной теории* стиля, да еще без «исключительной вариативности и импровизационности», не позволяющей рассчитывать на внятную методику, мифа маловато. Даже беглый взгляд на «органицистские» подходы заставляет признать известную справедливость «технологической» критики в их адрес. Вот Ю. Б. Борев в своей «Эстетике» среди множества ликов-функций стиля выделяет способность «моментально, единым информационным броском, без подробностей» сообщать о целостном качестве произведения и размышляет о природе этой связи автора и читателя: «Создавая произведение, писатель “мыслит своим читателем”, последний присутствует в творческом процессе как цель, во имя которой художник творит. <...> Встре-

ча писателя и читателя в произведении осуществляется только тогда, когда они заведомо тянутся друг к другу и являются друг для друга желанной целью, когда существует их духовная “взаимность”» [5, с. 133]. Дальнейшее же выделение в произведении девяти (!) структурных слоев «стилистической общности» — от «тематической и интонационной общности культуры» до «стиля эпохи» — заставляет и вовсе признать правоту Н. Л. Лейдермана: такие дефиниции «неспецифичны» уже в силу своей глобальности, слишком спекулятивны для собственно литературной теории.

Однако главную претензию можно сформулировать иначе: постулируется всепроникающая *уникальность* стиля (с чем мы полностью согласны), но не предлагается ничего, кроме традиционного «универсального» компонентного изучения с акцентом на его «вариативности». *Уникальность стиля-модели оказывается не результатом особого анализа стиля-феномена, а отправным пунктом и итогом (одновременно) мифо-эссеистической интерпретации.*

Обратим теперь внимание на попытки развить органицизм в «генеративном» аспекте, то есть в плане поиска порождающего «зерна», «ядра», «отправной точки». Понимание стиля при этом претерпевает значительные изменения.

Наиболее показательны здесь работы «онтологов», настаивающих на своеобразном «реализме» (в средневековом понимании) художественного слова, на естественной причастности его мировым тайнам — в том случае, разумеется, если художник исповедует логоцентризм, наиболее выраженной формой которого является религиозность (соответственно крайняя степень «реализма», когда уже трудно отделить литературоведение от богословия, — это и есть модная в определенных кругах «православная онтология», использующая авторитет не только Писания и «творений святых отцов», но и яркой и своеобразной русской философии рубежа XIX—XX веков). Так, в известной работе Т. А. Касаткиной [12] стиль прямо выводится из религиозной онтологии. Акцентируем некоторые моменты.

Осуждая «эстетическое отношение к слову» и «коммуникативное» понимание искусства, Т. А. Касаткина приводит в пример полемику, «суть которой сводилась к тому, могут ли произведения православного писателя анализироваться и интерпретироваться исследователем-атеистом» (спор шел о творчестве Гоголя). Позиция исследователя: анализироваться могут, но адекватно интерпретироваться — вряд ли. Аргументация оригинальна: «На танец жрицы можно взглянуть и с эстетической точки зрения. И тогда можно будет похвалить плавность и соразмерность некоторых движений, удивиться странности и несоразмерности композиции <...> Но от такого наблюдателя ускользнет <...> само понимание того, что это была речь — и речь не самодостаточная, но рассчитанная на ответ и отклик. <...> ...Будет забыто самое главное — существование таинства в пространстве первичной, не “эстетической” реальности, способность таинства *эту* реальность *преобразовывать*» [12].

Независимая ценность художественного артефакта, по Я. Мукаржовскому, «будет тем выше, чем больший пучок внеэстетических ценностей сумеет привлечь к себе артефакт и чем сильнее он сумеет динамизировать их взаимоотношения...» [17, с. 116]. Но у этого бесспорного положения есть и обратная сторона: чем больше всего привлек к себе «артефакт», чем влиятельнее он в самосознании культуры, тем выше давление на эстетический

объект (эстетическое целое) с целью «растаскивания» его по различным «деланкам», тем сильнее вполне оправданное стремление прочесть его политически, мистически, этически, исторически, философски и т. п. и тем убедительней для читателей такое прочтение («реальная критика» не даст соврать). Чем гениальней автор, тем больше соблазна «целенаправленно присвоить» произведение, забыв о том, что — в первую очередь! — это живая «целесообразность без цели», борхесовский Алеф, в котором можно увидеть и религиозное, конечно же. В принципе, в таком «растаскивании» и сопротивлении ему — *реальная жизнь* произведения искусства, и странно, что *теоретик литературы* забывает об этом.

«Эстетическое» восприятие действительно увидит в таинстве прежде всего *эстетику* культа; *мистику* культа, разумеется, острее почувствует и переживет верующий, но это лишь подтверждение того самого «коммуникативного» понимания искусства, на которое ополчается теоретик: по закону соответствия месседжа и аудитории целевая аудитория (верующие) глубже воспримет наиболее специфическую часть месседжа, что *вовсе не означает априори большей художественности* и даже большей адекватности (в пределах искусства) *данного вида* интерпретации. Из того, что Гоголь был ревностным православным, следует ли радикальный пересмотр гоголеведения? Вряд ли. «Биографический» творец и его намерения — одно, получившееся творение — другое (объяснение связи между ними едва ли не главная задача теории стиля, и она так просто не решается). Исследователь видит здесь проявление «первичной» реальности (онтологическое понимание), но приводит пример как раз *коммуникативной* ситуации. Хромает и сравнение между ритуальным танцем жрицы и литературным произведением «эпохи художественной модальности» (С. Н. Бройтман).

Собственно говоря, «не замечать» в таком ракурсе приходится слишком многое, и прежде всего — саму эстетическую природу произведения, содержание которого вне формы живет совсем другой жизнью. Как только мы перестаем чувствовать напряжение формы, то есть эстетически переживать произведение, перед нами возникает опасность *забыть о вариативности и факультативности внеэстетической прагматики художественного произведения*, забыть о том, что в нем, по М. М. Бахтину, «слово, высказывание перестает ждать и желать чего бы то ни было действительного за своими пределами <...> своими силами переводит завершающую форму в содержание: так, просьба в лирике — эстетически организованная — начинает довольстваться и не нуждается в удовлетворении (она как бы удовлетворена самой формой своего выражения), молитва перестает нуждаться в Боге, который мог бы услышать, жалоба перестает нуждаться в помощи, покаяние в прощении и т. п.» [4, с. 316].

В свете вышесказанного «религиозная онтология» литературы предстает как *специфическая читательская прагматика*, внеэстетическая (точнее, эстетическая-по-касательной) установка, актуальная рецептивная и дискурсивная практика, интересная как самостоятельный культурный факт и проект *в ряду других пограничных фактов и проектов* — не более того. Но и не менее.

К сожалению, «онтологи» так не считают, с миссионерской убежденностью обличая оппонентов и саму литературу. В частности, Т. А. Касаткина настаивает, что «художественность есть полновесное, то есть не присвоенное

творящим, неизнасилованное слово, слово, не лишенное глубиной непостижения его творящим способности творить, вызывать к жизни стоящую за ним реальность. Слово, не лишенное искусственным словоупотреблением своей *естественной* магичности» [12]. Отсюда недалеко и до разделения художников на «чистых» и «нечистых». Последние «насилуют» слово, привносят в него нечто ему изначально не свойственное, опустошают и опошляют его: «Пошлое слово — это слово, насильно сделанное безответственным перед бытием, то есть насильно оторванное личностью автора от своего божественного Первоисточника, заслоненное творцом от Творца, узурпированное творцом у Творца» [12]. *Слава богу*, природу художественного слова в литературе как деятельности определяют не многоуважаемые теоретики, пусть даже и чиновные.

Показательно, с какой непримиримостью Т. А. Касаткина обрушивается на «психологический солипсизм» К.-Г. Юнга, который, размышляя о гибели старого, мифологического «мировоззрения» с его единством человека и мира, о расщепленности их в научном мировоззрении и о поисках их нового соединения, предостерегает от ненаучных попыток «вновь заниматься тем, чем занималось мировоззрение древности, а именно теософией, или, если это больше по вкусу, антропософией <...> если мы не хотим развиваться в обратном направлении, то новое мировоззрение <...> должно суметь признать, что является лишь картиной, которую мы рисуем ради нашей души, а не волшебным именем, с помощью которого мы постигаем вещи <...> только в зеркале нашей картины мира мы можем увидеть себя целиком. Только в образе, который мы создаем, мы предстаем перед самими собою. Только в нашей творческой деятельности мы полностью выходим из тьмы и сами становимся познаваемы как целое» [27, с. 243]. Акцент здесь вовсе не на «солипсизме», а на *творчестве как поиске и себя, и мира*. Характерно, что величайшие мифологизаторы — поэты — куда точнее «онтологов» в оценках своей извечной жажды восстановления единства с миром. В одном из самых глубоких и проникновенных свидетельств этой жажды просто сказано: «Хорошо бы, на стог улыбаясь, мордой месяца сено жевать», и эта (дважды повторенная Есениным) частица «бы» есть то самое, *что* (не без грусти) знают поэты и совершенно не чувствуют религиозные онтологи.

Слово творческой личности, слово субъективное для Касаткиной является «опустошенным», ибо в основе ее рассуждений — «апелляция к тем словам, которые “были в начале”»; характерно слепое отрицание секулярности и прогресса *в принципе, вообще*: «Видеть что-либо в какой-либо перспективе (даже в перспективе болота) мы вообще можем только в прошлом. Повернувшись лицом к будущему, мы оказываемся перед концом» [12] и т. д.

При переходе к категории стиля «онтологическая метода» приводит к курьезу: «Стиль воспринимается лишь *вне связи* между автором и читателем <...> Стиль есть, таким образом, объективация субъективного принципа, принцип личности в его явленности другой личности. Застывшее умозрение. “Замороженное” умозрение. Стиль — это анабиоз мысли, и только в таком виде мысль сохраняется для *другого*. Но освоить мысль — значит вывести ее из анабиоза, то есть лишить стиля. <...> Стиль предстает здесь как некая граница между личностями, “хрустальный гроб”, который необходимо разбить, чтобы поцелуем оживить царевну» [12].

Ироническое тыняновское «форма+содержание=стакан+вино» меркнет рядом с этим «гробом стиля», который надо разрушить, чтобы «проникнуть»

в произведение (и уподобиться «фабульно-денотативному» зрителю дешевых сериалов), как в пещеру, полную — отдельных от своей художественной формы — сокровищ... Сказаны важнейшие слова о стиле как объективации субъективного принципа, о связи личностей через стиль — и отброшены за ненужностью ради «онтологических» метафор и уподоблений... Предложим как любитель западного масскульта свою иллюстрацию в том же духе: стиль — это красивые, но мертвые-мертвые драконьи яйца, которые Дейенерис Бурерожденная уносит вместе с собой в пламя погребального костра кхала Дрого. Происходит чудо, и вместо яиц мы обнаруживаем замечательных многообещающих дракончиков. Чем не «проникновение к ядру» и вступление в область новой реальности? Вот мы и заменили (согласно структуре мифа) хрустальный гроб стиля его мертвыми яйцами.

Это не нападки на религиозность. Вспомним, как А. Ф. Лосев (принявший постриг, но не путающий науку с верой) размышляет над множеством сложностей, набрасывает десятки «апофатических» определений и придирчиво перебирает модели в поисках приближения к многомерной сущности стиля [14, с. 219—226]. Для Касаткиной же все главное ясно заранее. Поэтому вышесказанное не означает «порочности» органицизма и онтологизма (даже религиозного): *любое указание на значимые свойства художественного произведения эвристично при условии нахождения ему должного места в «исследовательском мировоззрении»*. Интересен, например, вариант «структурно-генеративного» органицизма, предлагаемый Б. П. Иванюком, мыслящим в качестве порождающего ядра метафору, понимаемую как метатроп и воплощение монизма (гаранта целостности произведения): «Безусловным и основополагающим аргументом сближения произведения и метафоры является то, что каждый из них представляет собой относительно самодостаточное художественное целое, репродуцирующее идею мирового единства <...> Синтезируя различные тропеические возможности, метафора тем самым заявляет о себе как об универсальной фигуре художественного мышления, функциональный потенциал которой способен к комплексной реализации авторского замысла <...> многочисленные “свидетельские показания” писателей убеждают в том, что первообраз произведения является метафорическим по своему характеру» [11, с. 28, 39].

Далее автор развертывает картину «диалектического развития» (где «идея целостности» сталкивается с потенциалом «вербального материала, обладающего априорной парадигматической и синтагматической содержательностью»), причем «осуществление стилевой закономерности художественного целого» происходит как развитие субъект-объектных отношений. Происходит «субъективизация объекта и объективизация субъекта. Суть первой заключается в том особом видении автором объекта своей поэтической рефлексии, которое предполагает прежде всего его концептуализированную идеализацию (метод), что само по себе уже является стилевым актом художественного мышления, основанном на выборе <...> Кроме того, субъективное видение объекта предполагает его символизацию <...> в стиле воплощается гносеологическая деятельность художественного сознания по обретению объектом избыточного по сравнению с понятийным, но имманентного ему виртуального содержания <...> стилевое перевоссоздание объекта имеет ориентированный характер, что обусловлено семантизацией его образного содержания, определяемой телеологизированным контекстом художественного целого» [11, с. 46—47].

Выявляется «трехактная объективированность авторского сознания» — в методе, композиционно-речевом выражении и интегрирующей его содержание идее, «которые также объединяемы в стилевую градацию, репрезентирующую художественное сознание в трех аспектах его деятельности — гносеологическом, конструирующем и аксиологическом. Стиль, таким образом, обеспечивает осуществление содержания каждого из основополагающих компонентов художественного целого — субъекта и объекта — через свою противоположность и тем самым способствует их взаимонасыщению, в результате чего и возникает самодостаточное художественное целое. В этом плане стиль приобретает значение его порождающего принципа» [11, с. 48].

У данной концепции множество достоинств. Во-первых, предпринята попытка, говоря словами автора, прояснить «модус преобразования идеи мирового единства в самодостаточное художественное целое», причем попытка не мифо-эссеистическими средствами, а на языке классической философской рациональности с его структурностью и категориальностью — разумеется, в сочетании с современной «постмифологической дискурсивностью». Такой подход до известной степени научно верифицируем и «фальсифицируем», несмотря на свое «трансцендентальное означаемое». Во-вторых, производится «глубинное» моделирование стиля (на уровне субъектно-объектных отношений), что, конечно же, означает иной уровень теоретического «схватывания» проблемы, чем в чисто «технологических» или «органицистских» вариантах (попытка синтеза). В-третьих, предложен универсальный ключ к построению стиля (метафора как метатроп, потенциал которого позволяет реализовать «авторский замысел в его структурно-смысловой целостности»).

Список достоинств можно продолжить, но возражения значительны.

1. «Субъективизация объекта», предполагающая «концептуализированную идеализацию» последнего (художнический «метод»), по умолчанию исходит из вполне определенного представления о самом субъекте творчества. Ведь вся субъект-объектная диалектика с ее законами и категориями эманурует из «*cogito*» — это сфера универсального рационального мышления, в которой действует субстанционально выводимый «трансцендентальный субъект», «чистая апперцепция», *intelligentia*, «чистая субъективность», а не живой и противоречивый автор-творец (со всеми его разнообразными «неадекватностями», влечениями, фобиями, маниями, случайностями и т. п.), рациональность-методологичность замысла у которого всегда, мягко говоря, под вопросом («когда б вы знали, из какого сора» относится не только к исходному впечатлению-образу) и которого даже в самом общем виде нельзя вывести из чистой гносеологии субъекта и объекта или их спекулятивного онтолого-гносеологического синтеза. Несть числа поводам и радио-полурацио-иррациональным мотивам и способам, по которым художник (например, визионер или обкуранный психоделик) может создать шедевр. Чей-то путь, допускаем, может быть вполне «методологичен», но именно «чей-то». Слишком велико здесь несовпадение феномена и модели, реального и «трансцендентального» субъектов творчества. Вообще говоря, это родовой изъян всей «объективно-идеалистической» линии, в кузнице которой выкована диалектика, всегда увлеченная закономерностями и всегда схематизирующая и логизирующая субъекта. Однако индивидуальный стиль — уникален. Налицо противоречие, которое нельзя снять диалектически и которое неподотчетно «мировому целому». *Источником эстетического моделирования* в целом и стиля как его выражения является *реальный* (телесный, социальный, полити-

ческий, исторический и др.), а не логизирующий субъект классического рационализма, и само это моделирование вовсе не обязано протекать по законам «чистого» мышления, воплощать *только* интеллигибельный тип опыта.

2. Возражение второго рода не столь радикально: одной из основных моделей стилиобразования (по крайней мере, на ранней стадии) вполне может быть метафоризация в широком смысле. Но — «одной из». Во-первых, *прямая* опора на свидетельства писателей уводит нас в крайне дискуссионную область психологии творчества, меж тем как *единственным прямым свидетельством стиля является художественный текст*. Во-вторых, немало свидетельств и других «отправных точек». Для поэтов, например, это часто ритм, «гул» и т. д. При желании их тоже можно рассмотреть «тропеически», но не удаляемся ли мы от богатства стилового феномена, редуцируя его до моноструктурности? Ведь чем универсальнее (а значит, проще) схема, тем к большему числу объектов можно ее приложить и тем ниже ее эвристический потенциал. Троп по отношению к стилю — сверхпростая редуцированная конструкция.

Вообще говоря, «структурно-генеративная» апелляция к замыслу-первообразу (о нем доподлинно можно утверждать только то, что он существует, ибо он не поддается не то что измерениям, но даже локализации), который якобы находит свое выражение в текстовой «отправной точке», — это выдача желаемого за действительное, подгонка под ответ. Тот же А. Ф. Лосев «категорически возражал против теории, утверждавшей, что сначала-де в голове художника возникает первообраз (содержание) будущего произведения, а затем он (оно) получает художественное оформление (воплощение).

В своей «антиномии адекватности» Лосев убедительно показал, что «спецификум художественности» состоит как раз в том, что никакого первообраза *до* произведения искусства (как и *после* него) не существует» (см.: [7, с. 143]).

Предположим, однако, что логика развертывания замысла-первообраза таки постигается в процессе (результате) произведения — но кто сказал, что это *исходная* логика развития замысла-первообраза? Последний в таком случае существует исключительно во внутреннем ментально-психическом мире субъекта творчества, и развитие его (замысла-первообраза) средствами искусства есть *переход* в матричную материальность текста. *Неперешедший* замысел-первообраз анализу *недоступен*; *перешедший*, развернутый в текст, — находится к источнику в *неизвестной корреляции*, ибо подставлять в качестве объяснения этого перехода «метод», рациональную концептуализацию — значит непоправимо исказить саму суть творческого процесса. Даже если мы оперируем категорией *отражения* ментального в материальном (против чего Лосев категорически возражал), *отражение* может быть и прямым, и перевернутым, и криволинейным, etc. (например, «ядро» или «зерно» может находиться в конце текста или быть тридцать три раза исключено в процессе создания или переработки).

3. Третий род возражений касается самой «дискурсивной практики». «Структурно-диалектическая» процессуальность, во-первых, даже своим языком демонстрирует методологический универсализм, в принципе безразличный к объекту описания и предельно абстрагирующий исследуемый феномен; во-вторых, оперирует столь же «универсальной» терминологией, вроде «метода» и «идеи». Но, подобно тому как в физическом микромире инструмен-

тальное участие наблюдателя искажает картину, в «тонком» мире стиля подобные «гносеологические инструменты» просто разрушительны. Речь идет не об отказе от общенаучного аппарата, а о его *развитии и приспособлении, т. е. необходимой спецификации*. Сама же процессуальность стилиеобразования вряд ли может быть осмыслена как исключительно линейная (сукцессивная). Общеизвестно, что индивидуальный стиль обладает ярко выраженным симультанным эффектом. Почему мы должны отказываться в этой возможности стилиеобразованию? Разве мало примеров, когда ранние стихи будущих гениев становятся образцами их интуитивно возникшего стиля, который потом рационализируется и осваивается самим творцом (и не всегда без проблем)? О каких «методах» конципирования и идеях мы тогда можем говорить... Думается, отношения стиля со временем носят более сложный характер. Б. П. Иванюк, на наш взгляд, слишком «гносеологизирует» эстетическую «концептуализацию».

Стиль может начинаться и заканчиваться собой, не позволяя с определенностью проследить свою генерацию. И. Бродский писал: «Цветаева <...> которой ничего и ни у кого заимствовать не надо, начинает с предельной структурной спрессованности речи и ею же кончает. <...> Вспомним авторскую ремарку к характеристике Казановы в ее пьесе “Конец Казановы”: “Не барственен — царственен”. Представим себе теперь, сколько бы ушло бы на это у Чехова. В то же время это не результат намеренной экономии — бумаги, слов, сил, — но побочный продукт инстинктивной в поэте лаконичности» [6, с. 132]. Эта эссеистическая по сути характеристика, которую Поэт дает Поэту, точнее представляет феномен стиля, чем вышеописанная методология. Задача строгой науки — приблизиться к такой точности и обосновать ее.

IV

Итак, попытки каким-то образом упростить, минимизировать, без остатка логизировать и «осистемить» феномен стиля, вставить его пусть важной, но деталью в общекомпонентную раму «анализа художественного текста», привязать к методу или жанру теоретически безуспешны. Чуткие к самой природе искусства исследователи и, конечно, художники уверены в *тотальности* стиля по отношению к произведению — и, право же, последним здесь явно нужно доверять. И. Ю. Подгаецкая замечает: «“...стиль для писателя так же, как и для художника, — не проблема техники, но проблема видения. Он есть открытие... качественного отличия, которое существует в том образе, в каком нам является мир, отличия, которое, если б не было искусства, осталось бы вечной тайной каждого”, — это утверждение Марселя Пруста знаменательно для нас потому, что такая нарочито содержательная позиция в отношении к стилю у писателя, как бы реализовавшего флюберовскую мечту о создании романа вне привычного содержания и сюжета, особо показательна, ибо она свидетельствует о принципиальной нераздельности для него стиля и “образа мира”, творчества и познания» [19, с. 184—185]. Другое дело, что, ощущая глубинную сущность феномена стиля, исследователи расходятся в определениях и самым тонким дефинициям удается лишь указывать на нее. «Собственно словесный стиль (отношение автора к языку и обусловленные им способы оперирования с языком), — пишет М. М. Бахтин, — есть только отражение на данной природе материала его художественного

стиля (отношения к жизни и миру жизни и обусловленного этим отношением способа обработки человека и его мира)...» [3, с. 22].

Памятуя о неудачности (недостаточности) слова «отражение», сформулируем данную связь иначе: тотальность стиля — это *уникальная качественная однородность организующего творческого принципа и «фактуры»*. «Фактура», по А. В. Михайлову, — «такая поверхность произведения, которая указывает на то, что это же самое, этот же творческий принцип лежит и в самой глубине произведения и был в нем с самого начала. Стиль здесь — окончательное выявление индивидуально-поэтического постижения мира. Стиль — полное обнаружение такого постижения, выявленность того самого, что, по словам Гёте, каково внутри, таково и снаружи, и наоборот» [16, с. 272—273].

Уже эта *уникальная однородность* говорит о недостаточности сугубо механического (логического) разделения-распределения художественной целостности на «миропонимающий» метод, «миросозидающий» жанр и «выражающий» стиль: художественный метод оказывается социологизирующей (идеологизирующей) литературоведческой абстракцией (он *разделяет*, а не связывает «организующий принцип» и «фактуру», «видение» и «слово»; метод есть деиндивидуализирующая, типологизирующая абстракция «видения»), в определенных ракурсах полезной — не более того; жанр — в первую очередь проводником традиции и лишь во вторую — трансформированной в процессе (или мгновенном акте) стилеобразования индивидуальной «схемой мирообраза». В силу наивысшей абстрактности (спекулятивности) метода по отношению к тексту он скорее *обратен, противоположен* индивидуальному стилю, и «конципирующая» диалектика противоположностей здесь не работает: «методологичны» наиболее деиндивидуализированные стили, то есть как раз «большие», и в этом отношении, например, пресловутый социалистический реализм (настоящая «машина письма» и «машина желаний» одновременно) самый что ни на есть полноценный метод. Иными словами, метод для характеристики *уникального* стиля неудачен, бесполезен, нерелевантен, нужна другая, более адекватная, категория; жанр, несущий память культуры, будучи увиден в стилевой перспективе, безусловно входит в число главных стилевых определителей.

Второе прямо следует из первого и хорошо видно на примере «функционалистского» подхода Н. Л. Лейдермана: технологическая, операциональная система, примененная к живой тотальности стиля, без философского фундамента «подвисает», мертва или крайне ограничена в возможностях. Нельзя просто взять и отделить систему стилевого анализа, созданную советским литературоведением, от фундирующих ее диамата с истматом, от детерминирующего марксистского социологизма. Грубо говоря, если мы начинаем с метода, то приходим в заданную точку, и неважно при этом, осознаем мы себя марксистами или нет, так как соблюдается основной код. Осознание архаичности кода ставит под вопрос его «статусные» компоненты (с чего и начинается новый теоретический поиск), «пробуксовывание» компонентов (например, той же триады «метод — жанр — стиль», якобы удачно раскладывающей эстетическое целое) проблематизирует весь код. Чтобы привести в порядок исследовательский инструментарий, требуется новое определение самой операции: *новая аналитика стиля должна быть предварена новой философией стиля*.

Третий момент, также связанный с тотальностью стиля, — *ускользание его в игру нераздельности-неслиянности, противостояние попыткам представить его как дискурсивный объект*. Чем тоньше и последовательней анализ, тем больше стиль открывается... да как любой элемент в произведении. И потому закономерно недоумение П. В. Палиевского, обнаружившего в — как мы можем теперь сказать, классической — работе современника такое расширение понятия: «Книга Д. С. Лихачева “Человек в литературе Древней Руси”, например, исходит из того, что “художественный стиль объединяет в себе и общее восприятие действительности, свойственное писателю, и художественный метод писателя, обусловленный задачами, которые он себе ставит”. Отправляясь от этого положения, Д. С. Лихачев, естественно, забирает в “стили” и характеры изображенных в древнерусской литературе князей, царей, дружинников, святых, и мироощущение авторов этих летописей, повестей, житий <...>» [18, с. 9]. Правы, конечно, оба. Просто один находит и претворяет в конкретный анализ нераздельность-неслиянность стиля со всем, что есть в произведении, а другой, совершенно верно ощущая необходимость более строгого разграничения, безуспешно ищет и не может найти его, тасуя традиционные понятия и категории: «...нельзя понимать дело так, будто стиль можно получить по принципу образ минус метод, потому что самый этот принцип негоден и к искусству совершенно не применим. В образе нет этой механической связи; стиль проявляется в нем лишь как поверхность, в которой отразилось и запечатлелось все его внутреннее содержание, но все-таки именно как поверхность. Таково реальное противоречие, с которым обязан считаться каждый исследователь искусства. <...> ...Стиль не отделим от метода, но все же и отделим...» [18, с. 32]. И долго в том же духе. Это не беспомощность весьма «подкованного» литературоведа — при обращении к феномену стиля *дает сбой сам терминологический аппарат*.

Особенно это касается попыток определения стиля через метод, направление и прочие «большие» категории: «Попытки определения стиля Лермонтова то как романтического, то как реалистического с элементами романтики, то как романтико-реалистического, то как стиля с элементами барокко, по-видимому, не могут привести к решению проблемы. Теоретическая неопределенность, спорность понятия стиля усугубляется в этих случаях многозначностью самих понятий “реализм” и “романтизм”; Лермонтов, своим творчеством “уточнивший” и во многом определивший понятие “русский романтизм”, сам же в своей индивидуальности нередко определяется через это понятие» [15, с. 533]. А между тем кое-что важное уже сказано, надо лишь продолжить мысль. Если стиль — *тотальность*, если он проблема не техники, а *видения*, следовательно, существует особая, *стилевая*, перспектива анализа, в которой привычная системная («компонентная») функциональность оказывается недостаточной. Более того, недостаточность, неполную релевантность феномену стиля демонстрируют привычные категории и дискурсивные правила, а значит, возникает двуединая задача: увидеть стиль именно в его собственной, *стилевой* перспективе, при необходимости ревизуя и трансформируя исследовательский аппарат. Сущностная оригинальность такого объекта, как художественное произведение, явно важнее, чем незабываемость понятий и категорий. Методология должна прислушаться к столь необычному предмету исследования и не сводить его к той или иной готовой парадигме, не мыслить *тотальное* и *уникальное* как *выводимое* из

привычных операций системно-функционального анализа, к тому же опирающихся на архаичный код.

Библиографический список

1. *Барт Р. S/Z*. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
2. *Бахтин М. М.* <Автор и герой в эстетической деятельности> // Собр. соч. : в 7 т. М. : Русские словари, 2003. Т. 1 : Философская эстетика 1920-х годов. С. 69—264.
3. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. 504 с.
4. *Бахтин М. М.* К вопросам методологии эстетики словесного творчества : I. Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве // Собр. соч. : в 7 т. М. : Русские словари, 2003. Т. 1 : Философская эстетика 1920-х годов. С. 265—325.
5. *Борев Ю. Б.* Эстетика : учеб. М. : Высш. шк., 2002. 511 с.
6. *Бродский И. А.* Поэт и проза // Соч. : в 6 т. СПб. : Пушкинский фонд, 1999. Т. 5. С. 129—141.
7. *Бычков В. В.* Эстетика : учеб. М. : Гардарики, 2004. 556 с.
8. *Габитова Р. М.* Философия немецкого романтизма: Гельдерлин, Шлейермахер. М. : Наука, 1989. 160 с.
9. *Гайденко П. П.* Прорыв к трансцендентному : новая онтология XX века. М. : Республика, 1997. 495 с.
10. *Гиршман М. М.* Литературное произведение : теория художественной целостности. М. : Языки славянской культуры, 2002. 527 с. URL: http://fictionbook.ru/author/mihail_girshman/literaturnoe_proizvedenie_toriya_hudoje/read_online.html (дата обращения: 03.02.2013).
11. *Иванюк Б. П.* Метафора и литературное произведение : (структурно-типологический, историко-типологический и прагматический аспекты исследования). Черновцы : Рута, 1998. 252 с.
12. *Касаткина Т. А.* О творящей природе слова : онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М. : ИМЛИ РАН, 2004. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/kasat/book/index.html (дата обращения: 03.02.2013).
13. *Компаньон А. де.* Демон теории : литература и здравый смысл. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 336 с.
14. *Лосев А. Ф.* Проблема художественного стиля. Киев : Collegium : Киевская академия евробизнеса, 1994. 288 с.
15. *Мелихова Л. С.* Стиль // Лермонтовская энцикл. М. : Сов. энцикл., 1981. С. 533—541.
16. *Михайлов А. В.* Проблема стиля и этапы развития литературы Нового времени // Михайлов А. В. Языки культуры : учеб. пособие по культурологии. М. : Языки русской культуры, 1997. С. 472—506.
17. *Мукаржовский Я.* Эстетическая функция, норма и ценность как социальные факты // Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М. : Искусство, 1994. С. 35—120.
18. *Палиевский П. В.* Постановка проблемы стиля // Теория литературы : основные проблемы в историческом освещении : в 3 т. М. : Наука, 1965. Т. 3 : Стиль. Произведение. Литературное развитие. С. 7—33.
19. *Подгаецкая И. Ю.* «Свое» и «чужое» в индивидуальном поэтическом стиле // Избр. ст. М. : ИМЛИ РАН, 2009. С. 184—217.
20. *Поспелов Г. Н.* Проблемы литературного стиля. М. : Изд-во МГУ, 1970. 330 с.
21. *Серль Р. Дж.* Перевернутое слово // Вопросы философии. 1992. № 4. URL: <http://travellers.narod.ru/philosof1.html> (дата обращения: 03.02.2013).

22. Сокал А., Бринкмон Ж. Интеллектуальные уловки : критика современной философии постмодерна. М. : Дом интеллектуальной книги, 2002. 248 с.
23. Соколов А. Н. Теория стиля. М. : Искусство, 1968. 222 с.
24. Стиль литературного произведения : (теория. Практикум) : учеб. пособие / Н. Л. Лейдерман, О. А. Скрипова и др. Екатеринбург : АМБ, 2004. 184 с.
25. Фуко М. Археология знания. СПб. : Гуманитарная Академия : Университетская книга, 2004. 416 с.
26. Хованская З. И. Анализ литературного произведения в современной французской филологии. М. : Высш. шк., 1988. 239 с.
27. Юнг К.-Г. Проблемы души нашего времени. М. : Прогресс, 1993. 336 с.

АНГЛИЙСКАЯ И ШОТЛАНДСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ: ИСТОКИ, РАЗВИТИЕ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Статья посвящена формированию, развитию и современному состоянию шотландской лексикографии, которая во многом сложилась под влиянием английской лексикографии. Анализируются основные тенденции, характерные для различных исторических периодов, начиная от глоссариев трудных и непонятных слов, прикнижных вокабуляров до академических словарей шотландского и английского языков. Рассматриваются принципы построения специальных шотландских терминологических словарей, а также интернет-справочников различного типа, которые сформировались на основе богатого исторического опыта английской национальной лексикографии.

Ключевые слова: истоки, формирование, развитие, становление, современное состояние, глоссарий, словарь, мегаструктура, макроструктура, микроструктура, входная единица, орфоэпическая, грамматическая, этимологическая пометы, заглавное слово, приложение.

The paper deals with description of development, formation and present state of Scottish lexicography which was founded under the influence of English national lexicography. Historical tendencies characteristic of each historic period are being traced beginning from glossaries of hard and unknown words up to the academic dictionaries of Scottish and English language. Special Scottish dictionaries of different terms and subject areas along with Internet reference sources are discussed in the paper too which are compiled on the basis of rich historic experience of English lexicography.

Key words: roots, formation, development, modern state, glossary, dictionary, megastructure, macrostructure, microstructure, keyword, orphoepic, grammar, etymological label, headword, appendix.

История различных национальных лексикографий изучалась учеными на протяжении многих столетий [13, 16], так же как и английская лексикография в течение многих лет была объектом исследования отечественных и зарубежных лингвистов прежде всего потому, что является старейшей в мире и за время своего многовекового существования накопила значительный опыт, как в практике, так и теории этой науки, отразившей лучшие лингвистические достижения английских ученых [1, 3, 4, 5].

Неоднократно описаны в исследованиях основные тенденции, сопутствующие созданию словарей английского языка, которое начиналось с так называемых *ранних глоссариев* трудных, непонятных слов (*difficult, remarkable, obscure words*) предписывающего типа, авторы которых рекомендовали соотечественникам принять норму словоупотребления великих писателей [2, 9, 17]. Дифференциальный словник и дифференциальная обработка слов в этих глоссариях сводились главным образом к грамматическим и этимоло-

гическим пометам. В XVII—XVIII веках появились *прикнижные глоссарии* к произведениям Чосера, Мильтона, Шекспира.

Интересно отметить, что подобно английской лексикографии в Великобритании самостоятельно развивалась и шотландская лексикография, которая во многом повторяла принципы составления ранних английских словарей. Вплоть до 1700 года в шотландской лексикографии формировались глоссарии трудных шотландских слов, одновременно с которыми появились и двуязычные справочники (*vocabularies*) с дифференциальным словником и дифференциальной разработкой слов [6].

Лексикографическая активность шотландских лексикографов до XVIII века сводилась к созданию небольших по объему глоссариев, в которых каждое слово имело краткую дефиницию и традиционный для лексикографической формы глоссария набор помет: этимологический, грамматический и орфоэпический маркеры. Первые шотландские глоссарии (подобно английским), появившиеся в Шотландии в 1150 году, можно разделить на два типа: 1) так называемые *internalglosses*, включавшиеся в латинские тексты и объяснявшие их на шотландском языке, и 2) *interlinearglosses* — алфавитные списки непонятных или трудных слов, которые сопровождали тексты и по сути своей были прикнижными глоссариями [18].

Интересно отметить, что среди первых справочников и в Англии, и в Шотландии составлялись и глоссарии специальных терминов. Так, в XVI веке появились первые *глоссарии юридических терминов*, но это были лишь единичные попытки отдельных образованных шотландцев, работавших в сфере юриспруденции. В этот же период в Англии зафиксирован первый глоссарий морских терминов (см.: [8]).

В 1710 году в Шотландии опубликован и первый глоссарий к произведениям шотландского поэта — Р. Бёрнса. Этот справочник неоднократно переиздавался и дополнялся новым языковым материалом. Его автор выявляет новые слова и значения, который внес поэт в шотландский диалект, и пытается показать их индивидуально-авторские значения с помощью стилистических помет. Видимо, он позаимствовал принципы составления писательских глоссариев у англичан, которые к этому времени имели целый ряд глоссариев к произведениям Чосера и Шекспира (см.: [10]). Их отличали алфавитный словник и дифференциальная разработка заглавных слов с особым акцентом на их происхождение. Более того, именно в XVIII веке начинают создаваться глоссарии, которые впоследствии заложили основу для формирования новых толковых словарей шотландского языка на исторических принципах.

В XIX веке объем словника шотландских и английских глоссариев увеличивается до трех тысяч входных единиц. Расширяется словарная статья (некоторые буквы, например А и К, занимают от 2 до 6 страниц). Толкования от кратких переходят к описательным, нередко представляя целые эссе о заглавном слове, его происхождении, значении и употреблении. Фактически, составители, имеющие глубокие лингвистические знания, переносят в глоссарии достижения филологической науки своего времени. При этом в шотландских глоссариях особое внимание уделяется толкованию исконно шотландских слов. Источником глоссариев служат литературные произведения и памятники шотландского языка. Многие из входных единиц глоссария почерпнуты из среднешотландских текстов: *aureate* (*golden*), *celcitude* (*highness*), *mellifluat* (*sweetflowing*) и др. [15].

В XIX веке одновременно выходят два словаря, которые вполне можно назвать своеобразной вехой в истории формирования лексикографии английского и шотландского языков. Это словарь С. Джонсона в Англии и **первый этимологический словарь шотландского языка** в двух томах, составленный доктором Дж. Джеймисоном [7].

Этот словарь, фактически, положил начало академической шотландской лексикографии и стал надежным источником для всех последующих толковых словарей шотландского языка различных типов и объемов. Еще в XIX веке Дж. Джеймисон одним из первых ученых высказал идею о необходимости сохранения шотландского языка, который может исчезнуть, если его не фиксировать в авторитетном толковом словаре, который он и создал, включив первоначально в его словник около 800 шотландских слов и словосочетаний с их подробным объяснением. Имеющий прекрасное образование и склонность к литературному творчеству, Дж. Джеймисон был дружен с В. Скоттом и другими известными шотландскими писателями. Он проповедовал идею о скандинавском происхождении шотландского языка и написал на эту тему диссертацию, которой впоследствии начнется его знаменитый словарь (см.: [14]).

В отличие от С. Джонса, Дж. Джеймисон не имел финансовой поддержки от государства, однако его сан священника позволял ему пользоваться церковными источниками. По этой причине автор словаря решил распространять его по подписке. В 1802 году он опубликовал «Проспект словаря» в журнале *Edinburgh Magazine*. Здесь он всячески подчеркивал необходимость изучения самого словаря, поскольку читатели — носители шотландского языка могли получить исчерпывающую информацию о лексике только в таком справочнике. Несмотря на некоторые недостатки словаря, он был первым справочником, который базировался на всех ранее изданных глоссариях к шотландским литературным памятникам.

Безусловно, составитель словаря использовал практику английской лексикографии, включил конкордансы, когда каждая цитата, сопровождающая заглавное слово, снабжалась подробным адресом, как это делалось в словарях языка Мильтона, Шекспира и т. п. Этот же метод лексикограф использовал и при цитировании памятников истории шотландского языка, дополнив словарные статьи энциклопедическими сведениями об обычаях и традициях шотландцев.

В 1825 году было опубликовано приложение к словарю (Supplement), затем последовало еще одно (Abridgement). В словнике впервые были зарегистрированы слова, взятые из шотландских газет и журналов, а также новых литературных произведений и изданной в 1824 году энциклопедии («Gallovidian Encyclopaedia»). Хотя к этому времени Дж. Джеймисон являлся национальным шотландским лексикографом, ему потребовались помощники. Таковыми стали волонтеры, которые внесли существенный вклад в формирование словника приложения.

Волонтерская практика развивалась и в английской национальной лексикографии, которая достигла апогея при создании «Оксфордского словаря английского языка», когда по принятой английским Филологическим обществом Reading Programme цитаты для словника собирали волонтеры. После смерти лексикографа, к концу XIX века, были изданы дополнительные материалы к словарю, несколько усовершенствованные в плане технического

оформления словарных статей. Эту работу осуществил У. Тейт, издавший дополнение к словарю в 1818 и в 1846 году, и другие лексикографы [12].

Интересно отметить тот факт, что в 1888 году известный английский лексикограф Ч. Мэккей, в это же время опубликовавший лучший в английской писательской лексикографии этимологический словарь языка Шекспира (см.: [8]), создал постджеймисоновский словарь шотландского языка. Он предназначил свой справочник конкретному пользователю — англичанам, читающим в подлиннике произведения таких знаменитых шотландцев, как Р. Бёрнс, В. Скотт и другие. Ч. Мэккей смело называл шотландским языком шотландский диалект. Он писал: «...the Scottish language? Yes, most decidedly a language and not a dialect as many English people believe» (цит. по: [15, p. 83]). Ч. Мэккей также включил в словарные статьи много цитат из произведений великих шотландских писателей и в большинстве случаев ввел этимологическую характеристику заглавных слов в микроструктуру справочника.

В XIX веке *глоссарии к литературным произведениям* продолжали появляться, причем нередко их создавали сами писатели. В частности, В. Скотт составил глоссарий к трем «Waverley Novels». Он нередко ссылался на Дж. Джеймисона и не претендовал на исчерпывающий справочник, а рассматривал его лишь как руководство к шотландскому словоупотреблению. В 2008 году словарь Дж. Джеймисона появился онлайн (www.scotsdictionary.com). Благодаря техническим инновациям, некоторые его прежние недостатки были успешно устранены (например, сейчас перекрестные ссылки легко достигаемы).

В 1792 году наблюдается расцвет *диалектной лексикографии* в Шотландии, когда объектом лексикографического описания становятся северные и южные диалекты. Составители таких справочников сосредоточили свое внимание на объяснении трудных и незнакомых слов из шотландских диалектов. Эти глоссарии предназначались прежде всего образованным людям не только в Шотландии, но и в Англии, так как многие диалектные слова постепенно исчезали, и авторы глоссариев стремились закрепить их в языке с помощью своих списков.

Первым серьезным диалектным словарем можно считать «Etymological Dictionary of the North Language in Shetland», составленный Дж. Джакобсоном и опубликованный в 1908—1921 годах (см.: [15]). Целью лексикографа было описание оставшихся от древнего периода развития шотландских диалектов, которые сформировались под влиянием древненорвежского языка. Для этого ученый предпринял ряд экспедиций на острова и удаленные окраины Шотландии, собрав 10 тысяч слов, только половина из которых осталась в шотландском словоупотреблении. Он также постарался проследить изменения в значениях, которые диалектизмы претерпели в ходе истории, и в произношении, которому он уделяет много внимания в своем словаре. Наряду с другими пометами, ученый ввел этимологический маркер и в толкования многих слов добавил культурологический комментарий, связанный с лексической разработкой слов, относящихся к культурологическому наследию.

Интересно отметить, что подобный словарь появился лишь в 1979 году. Это был «The Shetland Dictionary» Дж. Грэма, создавшего двуязычный справочник из двух частей: Shetland-English и English-Shetland и стремившегося сделать диалектизмы понятными и для шотландцев, и для англичан. Его комментарии предназначались прежде всего молодому поколению, исторически удаленному от истоков создания диалекта. Впоследствии в Интернете появи-

лась «The Shetlopedia Website» (<http://Shetlopedia.com>), которая сопровождается электронной версией указанного выше словаря и включает список шотландских слов с английскими эквивалентами. В 2010 году эта группа словарей пополнилась справочником А. Кристи-Джонстона «Shetland Words: a Dictionary of the Shetland Dialect». Словарь имеет особое научное значение, так как все составители ранних словарей не имели филологического образования и были лишь убежденными почитателями шотландского языка.

Многие из упомянутых лексикографических трудов предназначались для описания различных диалектов. Так, например, диалекты северо-востока Шотландии изучались в первую очередь У. Грегором в 1866-м и Д. Кинохом в 1996 и 2004 году. Диалекты других районов Шотландии (Dundee, Fife, West Lothian, Argyll, Glasgow и др.) подробно описаны в работах ученых, усилия которых также сводились к попытке сохранения языкового и культурного наследия шотландских диалектов [15]. Среди этих лексикографических произведений особое место занимает «The Roxburghshire Word-Book: Being a Record of the Special Vernacular Vocabulary of the Country of Roxburgh, with an Appendix of Specimen» (1923). Поскольку его автор имел прямое отношение к созданию «Большого Оксфордского словаря», он привнес в работу над диалектами строго научный подход. Словарь представляет собой авторитетный справочник, построенный на строгих исторических принципах, и в настоящее время служит надежным образцом для создания шотландских диалектных словарей.

С развитием промышленности в Шотландии появились и постепенно оформились в отдельную отрасль шотландской лексикографии *словари технических терминов* (например, терминов угледобывающей промышленности — «Glossary of Mining Terms Used in Fife» (1980) под редакцией Р. Д. Керра и других), которые составлялись параллельно с формированием толковых словарей шотландского языка.

Одновременно с изданием терминологических словарей в Шотландии и Англии продолжалась работа над созданием *словарей регистрирующего типа*, авторы которых отказались от дифференциального предписывающего словника и стремились как можно полнее представить словоупотребление. Среди них видное место занимает «Dictionary of the Older Scottish Tongue» (DOST), который специалисты называют образцом *справочника исторического типа* [11]. Здесь собраны не только ценные лингвистические сведения об истоках создания и развития шотландского языка, но и дается подробная экстралингвистическая информация, связанная с эволюцией шотландского общества. Следуя политике создания «Оксфордского словаря английского языка», автор DOSTа У. Грэш написал план словаря в начале XX века. В середине XX века работу продолжил Э. Эйткен, который также считал шотландский самостоятельным языком, а не диалектом, существовавшим до 1700 года, и отразил эту точку зрения в лексических портретах заглавных слов словаря. В качестве редактора словаря Э. Эйткен много работал не только над содержанием словарных статей, но и над их техническим оформлением, поскольку к середине XX века в английской лексикографии широко использовались новые принципы полиграфической семиотики.

В 1973 году к редактированию DOSTа подключился Дж. Стивенсон. Он внес новую струю в работу над словарем, решив отойти от принятой методики толкования и этимологического описания лишь устаревших слов, сконцентрировав внимание на шотландском языке и культуре 1200—1700 годов,

которые ранее оставались за пределами внимания исследователей. Он также разграничил синтаксическую и семантическую информацию в словарных статьях, поместив их в различных параграфах микроструктуры, чтобы лучше выполнить запросы пользователей, которые к концу XX века вышли на передний план при выборе словаря для конкретных целей.

После Э. Эйткина и Дж. Стивенсона работу над редактированием словаря возглавили Т. Уотсон и М. Дареу, к которым подключились специалисты-филологи из ведущих шотландских университетов. Используя новые достижения в теории и практике английской лексикографии, составители последних томов DOSTa не только усовершенствовали структуру словарных статей, но и ввели дополнительные грамматические и иллюстративные примеры. Работа над словарем была закончена в 2001 году. Словарь перевели в режим онлайн и сделали доступным широкому кругу пользователей. На примере DOSTa можно проследить этапы формирования и развития шотландской лексикографии, во многом сложившейся под влиянием академических словарей английского языка, составленных на исторических принципах.

Борьба за сохранение шотландского языка осуществляется и в настоящее время. Современные лексикографы продолжают работу над созданием еще одного авторитетного словаря шотландского языка «Scottish National Dictionary» (SND). Задача составителей состояла в том, чтобы показать не только историю, но и современное состояние шотландского языка. Источниками SND стали письменные и устные тексты из трех шотландских диалектов, причем предпочтение отдавалось местным газетам. Следует подчеркнуть, что если в DOSTe акцент делался и на шотландском, и на английском языках (what is shared with English), то в SND основное внимание уделялось исконно шотландским словам [15]. Более того, расширилась мегаструктура словаря. В заключительный том авторы ввели энциклопедические сведения (шотландские имена собственные, топонимы, названия ярмарок, рынков и т. д.), а в микроструктуру SND впервые включили произношение, значения систематизировали с помощью арабских цифр в различных секциях словарных статей, а также в хронологическом порядке зафиксировали цитаты с указанием на диалектные источники.

Как и подобает фундаментальным академическим словарям, SND создавался около 50 лет, и к моменту его выхода в свет в Шотландии усилился интерес к сохранению родного языка. В этом DOST и SND сыграли выдающуюся роль. Шотландский язык стал преподаваться во многих шотландских университетах и даже в США, а вынесение обоих словарей на платформу Интернета обеспечило заинтересованных пользователей серьезными справочными материалами, которые стали доступными широкому кругу лиц.

За этими двумя фундаментальными трудами последовали сокращенные варианты академических словарей, составленных в форматах *concise*, *pocket* и *gem*, которые к XX веку широко применялись в английской лексикографии ведущими издательствами, выпускающими словари (*Oxford University Press*, *Cambridge University Press*, *HarperCollins*). Выработанные английскими лексикографами методы сокращения словарных материалов для новых форматов справочников сводились к уменьшению входных единиц (редких слов, имен собственных, аббревиатур и т. п.), числа цитат и других сведений, характерных для академических словарей, построенных на исторических принципах.

Адресатом этих словарей стали в первую очередь студенты и школьники, изучающие шотландский язык в качестве родного.

Приняв учебно-ориентированную направленность современных словарей английского языка, составители шотландских словарей также начали публикацию серии *школьных словарей* (Scots School Dictionary) и *тезаурусов* (Scots Thesaurus). Одновременно с ними и в английской, и в шотландской лексикографии появились дополнительные материалы к учебным словарям: «Scots Word Books» с перечнями шотландских слов, «Scoog-cot» и «English-Scots Lists» с информацией учебного характера (произношением, толкованием, иллюстрациями).

В заключение отмечу, что английская и шотландская лексикографии развивались по аналогичным законам, воспринимая тенденции, характерные для каждого исторического периода. Они формировались начиная от словарей предписывающего типа до академических справочников регистрирующего типа. Их плодотворное сосуществование фактически создало единую британскую лексикографию, которая может служить образцом для многих стран.

Библиографический список

1. *Карпова О. М.* Английская лексикография : учеб. пособие. М. : Академия, 2011. 175 с.
2. *Карпова О. М.* Шекспировская лексикография нового времени: возвращение глоссариев // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 1. С. 48—53.
3. *Béjoint H.* The Lexicography of English: from Origins to Present. Oxford : Oxford University Press, 2010. 458 p.
4. *Cowie A. P.* The Oxford History of English Lexicography. Oxford : Oxford University Press, 2009. Vol. 1 : General-Purpose Dictionaries. 467 p.
5. *Cowie A. P.* The Oxford History of English Lexicography. Oxford : Oxford University Press, 2009. Vol. 2 : Specialized Dictionaries. 551 p.
6. *Dareau M.* Dictionary of the Older Scottish Tongue // Scotland in Definition : a History of Scottish Dictionaries / ed. by I. Macleod, J. D. McClure. Edinburgh : Birlinn Ltd., 2012. P. 116—143.
7. *Jamieson J.* An Etymological Dictionary of the Scottish Language. Edinburgh : Archibald Constable & Co., and Alexander Jameson, 1808.
8. *Karpova O.* English Author Dictionaries. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2011. 271 p.
9. *Karpova O.* GLOSSARIES of Remarkable and Obscure Words in the History of English Author Lexicography // Hel-lex 3 : New Approaches in English Historical Lexis, Tvarminne, March 7—10, 2012 : Book of Abstracts. Tvarminne, 2012. P. 26—27.
10. *Karpova O., Melentyeva O.* Chaucer and Shakespeare Glossaries: Do Modern Users still Need them Today? // Multidisciplinary Lexicography: Traditions and Challenges of the XXst Century. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 77—95.
11. *MacLeod I.* Scottish National Dictionary // Scotland in Definition : a History of Scottish Dictionaries / ed. by I. Macleod, J. D. McClure. Edinburgh : Birlinn Ltd., 2012. P. 144—171.
12. *O'Neill M.* The Scottish Contribution to the lexicography of English // Scotland in Definition : a History of Scottish Dictionaries / ed. by I. Macleod, J. D. McClure. Edinburgh : Birlinn Ltd., 2012. P. 265—291.
13. Perspectives on Lexicography in Italy and Europe / ed. by S. Bruti, R. Cella, M. Forschi Albert. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2009. 341 p.

14. *Rennie S. Jamieson's Dictionary of Scots : the Story of the First Historical Dictionary of the Scots Language.* Oxford : Oxford University Press, 2012. 282 p.
15. *Scotland in Definition : a History of Scottish Dictionaries* / ed. by I. Macleod, J. D. McClure. Edinburgh : Birlinn Ltd., 2012. 342 p.
16. *Webs of Words: New Studies in Historical Lexicology* / ed. by J. Considine. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2010. 242 p.
17. *Yesterday's Words: Contemporary, Current and Future Lexicography* / ed. by M. Mooijaart, M. van der Wal. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2008. 376 p.
18. *Williamson K. Lexicography of Scots before 1700 // Scotland in Definition : a History of Scottish Dictionaries* / ed. by I. Macleod, J. D. McClure. Edinburgh : Birlinn Ltd., 2012. P. 13—35.

ББК 81.01+81.034

К. М. Денисов

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВАРЕЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Проводится критический анализ словарей фонетической терминологии А. Л. Трахтерова, В. Н. Немченко и Р. Л. Траска, которые во многих отношениях являются образцовыми произведениями в сравнительно небольшом ряду подобных справочников. На основе сопоставительного лексикографического анализа предлагается авторское видение способов совершенствования фонетической терминологии.

Ключевые слова: словарь фонетических терминов, входная единица, структура словаря, терминологическая синонимия, терминологическая омонимия.

The article is devoted to the analysis of specialized dictionaries of phonetic terms, compiled by A. L. Trachterov, V. N. Nemchenko and R. L. Trask which in many aspects prove to be outstanding lexicographic works amongst the few existing ones. The author proposes certain innovations in the sphere of phonetic terminography on the basis of the critical analysis of those dictionaries.

Key words: phonetic terminology dictionary, entry, dictionary structure, terminological synonymy, terminological homonymy.

Фонетическая терминология находит отражение частично в общих толковых словарях, а также в специализированных словарях LSP, количество которых постоянно увеличивается. Каждый из словарей представляет терминосистему определенного объема.

С целью создания универсального толково-энциклопедического словаря фонетических терминов следует провести поэтапный анализ существующих справочников данного LSP. На необходимость подобной критики и лексикографического анализа словарей LSP, приводящего в результате к выработке новых терминометрических подходов, указывают ведущие лексикографы и терминоведы [1, 3, 6, 7].

Критический анализ существующих специальных словарей является важным звеном изучения «перспективы пользователя» и проводится с помощью методики, разработанной О. М. Карповой [2] и получившей дальнейшее развитие в трудах представителей ивановской лексикографической школы.

Справочник выдающегося отечественного лингвиста А. Л. Трахтерова «Английская фонетическая терминология» [5] представляет собой двуязычный, или переводной, терминологический словарь, мегаструктура которого включает в себя предисловие, словник, приложение с русско-английским указателем, оглавление. В предисловии автор сообщает нам цели данного словаря, среди которых следует выделить улучшение научного уровня и повышение эффективности преподавания фонетики английского языка, и дает практические советы по пользованию справочником. Собственно словник включает в себя 307 страниц и содержит более 2000 входных единиц, которые расположены в алфавитном порядке.

Справочник освещает звуковой строй современного английского языка, также здесь приводятся данные из фонетики русского языка, которые необходимы для сопоставления. В словаре рассматриваются основные вопросы общей фонетики и частных фонетик других языков. Поскольку фонетика неразрывно связана со многими лингвистическими дисциплинами, в справочник включена и общелингвистическая терминология, а также термины из смежных областей языкознания. Кроме этого, автор помещает в словарь данные других наук. Так, в составе справочника появляются основные анатомические термины и сведения о строении мышц речевого аппарата и их функциях в процессе артикуляции. Например:

inferior longitudinal muscle /ɪn'fɪərjə lɒndʒɪ'tjuːdɪnl 'mɪsl/ нижняя продольная мышца языка (*лат.* Musculus longitudinalis linguae inferior). Парные мышцы, проходящие по обе стороны нижней толщи языка от корня до кончика. Сокращение этих мышц оттягивает кончик языка вниз и выгибает спинку дугой, образуя так называемые дорсальные уклады.

Базовые термины даются в простом переводе на русский язык. В сложных случаях в справочнике приводятся необходимые толкования, в которых отражаются или установившиеся в науке взгляды, или различные точки зрения отдельных авторов на проблему. Словарная статья имеет следующую структуру: заглавное слово (на английском языке) — дефиниция (на русском языке). Стоит отметить, что толкования терминов во всех возможных случаях сопровождаются иллюстративными примерами из английского, русского и других языков. Словарные статьи, как правило, снабжены таблицами, рисунками и схемами, подкрепляющими приводимые объяснения. В некоторых случаях указывается автор термина.

После словника в словаре следует приложение. Справочник приспособлен и для нахождения русско-английских соответствий. Каждый английский термин имеет порядковый номер по своей начальной букве, а в конце помещен алфавитный список русских терминов с соответствующими ссылками на статьи справочника.

Словарь В. Н. Немченко «Основные понятия фонетики в терминах» [4] также по праву занимает видное место среди справочников LSP. Он предназначен главным образом для студентов и преподавателей, занимающихся исследованием фонетики и лингвистики, и включает в себя термины, с которыми пользователь наверняка столкнется при прочтении профильных монографий, изучении соответствующих курсов и учебных программ.

Справочник представляет собой печатный одноязычный терминологический словарь, который включает введение, словник, приложение и оглавление. В предисловии есть отдельный раздел «Принципы составления словаря», где приводятся подробные указания по работе с ним. Собственно словник включает в себя 230 страниц и содержит около 1500 входных единиц, которые расположены в алфавитном порядке.

Данный справочник освещает прежде всего звуковой строй современного русского языка. Тем не менее в словаре затронуты основные вопросы общей фонетики, а также частных фонетик других языков. Для *синонимичных терминов*, обозначающих одно и то же лингвистическое понятие, определение значения (или разных значений) приводится в одной словарной статье при описании наиболее обычного, наиболее употребительного, частотного синонима. Для *омонимичных терминов* (терминов, используемых одновременно в различных терминологических подсистемах) указываются все значения, в которых они употребляются в обследованных автором текстах. При этом в первую очередь объясняются те значения, которые являются наиболее обычными и чаще встречаются в специальной литературе. Определение каждого значения приводится в разных абзацах с соответствующим цифровым обозначением.

Текстовые иллюстративные материалы используются в словаре с целью пояснения и уточнения значений описываемых терминов. Кроме того, в качестве иллюстративного материала приводятся отрывки текстов, в которых объясняются те или иные признаки, особенности обозначаемых терминами явлений. Такое сочетание корпуса представленных употреблений описываемой терминологии с авторизованными примерами соответствующего научного дискурса является несомненной заслугой автора-составителя словаря и значительно повышает уровень надежности и дефинитивности приводимой им специальной терминологии.

Введенный в словарь справочный аппарат (отсылки к текстам по описываемым терминам) дает возможность привлечь большой массив использованной при его составлении специальной литературы для углубленного, всестороннего изучения конкретных вопросов фонетики.

В тех случаях, когда иллюстративный материал в словарь не включается, обычно делаются отсылки к источникам, в которых описываются или употребляются соответствующие термины. Такие отсылки носят справочный характер, они могут быть использованы для поиска необходимой специальной литературы по соответствующим вопросам фонетики. Кроме того, они заключают в себе некоторую дополнительную информацию об описываемых терминах: о степени их распространенности, времени функционирования в историческом поле языковедения.

Словарная статья в рассматриваемом справочнике имеет следующую структуру: заглавное слово — дефиниция — иллюстративные текстовые примеры, поясняющие и уточняющие значение (межсистемные значения — в случаях межсистемной терминологической омонимии или возможной внутрисистемной синонимии) описываемого термина, со ссылками на текстовые источники. Например:

Пауза. 1. Интервал между отрезками речи (фонетическими словами, речевыми тактами, синтагмами) как суперсегментная фонетическая единица, как компонент интонации. «...Фразы разделяются в речевой цепи паузами, т. е.

остановкой звучания, разрывающего звуковую цепь; во время пауз говорящий вдыхает воздух, необходимый для произнесения следующей фразы». (Реформатский, 1967, с. 187). «...Пауза, с одной стороны, объединяет синтагму в единое целое, а с другой — отделяет ее от следующей». (Матусевич, 1976, с. 248; см. также с. 232—233). Т. п. см. также: Интонация. (Зиндер, 1979, с. 273; Матусевич, 1976, с. 241; см. также: Аванесов, 1956, с. 60—61; Зиндер, 1979, с. 14, 277—278; Кодухов, 1987, с. 124; Маслов, 1987, с. 46, 72; Рус. грам., 1980, с. 98; Щерба, 1957, с. 146; Щерба, 1974, с. 241).

2. То же, что выдержка смычки. (См.: Бондарко, 1977, с. 68, 71).

3. То же, что акустический нуль. (См.: Зиндер, 1979, с. 84; Панов, 1967, с. 202).

После словника следует приложение — алфавитный перечень работ, которые В. Н. Немченко использовал при составлении данного словаря. В качестве источников для отбора и описания терминов в словаре приведены авторитетные лексикографические справочники, учебные пособия и научные труды знаменитых ученых. Наличие надежных источников значительно повышает престиж словаря и делает его привлекательным для любого пользователя.

При лексикографировании терминов автор проанализированного словарного издания применяет описательные (в большинстве случаев) либо отсылочные дефиниции. Практически в каждой словарной статье имеются примеры, то есть пользователь может сразу же увидеть, как данное слово используется в дискурсе, а также предлагаются смежные термины.

Анализу было подвергнуто одно из изданий словаря фонетических терминов Р. Л. Траска «A Dictionary of Phonetics and Phonology» [8]. Он представляет собой одноязычный толковый, печатный терминологический словарь, главным образом предназначенный для студентов и преподавателей, занимающихся исследованием фонетики и лингвистики.

К справочнику прилагается обширный список теоретической литературы по фонетике, в состав которого включено более 400 наименований, послуживших основными источниками выборки входных единиц словаря. В списке приведены глоссарии, учебные пособия и научные работы таких ученых, как Д. Кристал, Х. Грассман, Д. Джоунз, О. Есперсен, Р. Якобсон, Р. Л. Траск и другие, статьи из университетской прессы Оксфорда, Кембриджа, а также наиболее авторитетные словари.

Мегаструктура словаря представлена следующим образом: оглавление (Contents), введение (Preface; Acknowledgements), словник (A—Z), приложения, включающие международный фонетический алфавит, исправленный в 1993 году (the International Phonetic Alphabet; revised to 1993) и список справочных работ (References). Такое оформление мегаструктуры является весьма удобным для быстрого поиска нужной информации.

В предисловии приведены подробные указания по пользованию словарем. Изначально определены разделы фонетики, терминология которых является наполнением данного словаря. Непосредственно перед словником дана транскрипция звуков английского языка, функциональная диакритика и сокращения.

Макроструктура словаря представлена словником, содержащим более 2000 входных единиц, расположенных в алфавитном порядке. Основная часть словаря посвящена фонетическим терминам, которые находятся в употреблении на протяжении долгого времени и будут использоваться в ближайшем будущем: *alternation*, *contour tone*, *rule loss*. Следует отметить, что в

справочнике также представлена терминология классической фонологии, включая термины, введенные в обиход пражской, казанской, московской, петербургской школами, Д. Джоунзом и американскими структуралистами: *phoneme, archiphoneme, diaphone, allophone* и т. д.

«A Dictionary of Phonetics and Phonology» охватывает и термины генеративной (порождающей) фонологии, введенные в употребление *absolute neutralization, systematic phoneme*. Необходимо также обозначить, что словарь включает в себя термины фонологии, введенные в употребление за последние двадцать лет: *coronal underspecification, hot feature, via rule*. Из современных достижений фонологии представлены термины автосегментной и метрической фонологии: *demibeat, dumping*. Данный словарь освещает фонологию не только английского: *dark l, Estuary English, Great Vowel Shift, Received Pronunciation, rhotic accent, velar softening*, но и других языков: *Grassmann's Law, liaison, radoppiamento sintattico, rendaku, seseo, yer*. Автор также включил в словарь ряд малоупотребительных входных единиц, в связи с тем что иногда их весьма трудно найти в справочной литературе: *anlaut, surd*. Определенный процент входных единиц занимают новые термины. К сожалению, они никак не обозначены в макроструктуре словаря, что, на наш взгляд, является его недостатком. Целесообразно было бы ввести пометы типа «New» или «New use», чтобы пользователи обратили внимание на неологизмы и употребляли их.

Следует обратить внимание на то, что для некоторых входных единиц в словнике представлены повторные определения, описана их противоречивость и даются рекомендации по их использованию. Например:

Flap /ˈflæp/ *n.* 1. A consonant whose articulation involves an articulator's being withdrawn from its rest position and then moved rapidly back to its rest position in such way that it strikes another articulator during its trajectory. The most familiar flap is the retroflex flap of many Indian languages; several African languages have a labiodental flap for which Ladefoged has proposed the symbol. *Adj. Flapped. Note: Those who, like Laver (1994), prefer to regard a flap as a type of stop use the term flapped stop for what most others just call a 'flap'.*
2. A frequent but inappropriate term for **tap**, sometimes used as a cover term including both **flap** and **tap**. This usage should be avoided.

После словника в словаре следует приложение, которое состоит из двух разделов. Первый раздел вмещает в себя международный фонетический алфавит, который представляет систему знаков для записи транскрипции на основе латинского алфавита. Второй раздел включает список справочных работ, использованных Лари Траском при составлении данного словаря фонетических терминов.

Словарная статья анализируемого справочника состоит из дефиниции, иллюстративных примеров, отсылочных помет, ссылок на англоязычные публикации. Например:

Ablaut /ˈæblaʊt/ *n.* (also **vowel gradation, apophony**) 1. A morphological process expressed by a change in the quality of a vowel within a root or stem for purely grammatical purposes, with the vowel alternation typically serving as the only exponent of the grammatical distinction. English examples include the inflectional patterns exhibited by 'strong' verbs like *sing/sang/sung* and *write/wrote/written*. The term is most usually applied to such phenomena in the older Indo-European languages, in which it was grammatically central: Latin *tego* 'cover' but *toga* 'toga', Greek *lego* 'read' but *logos* 'word', Latin *sedeo* 'sit' but *sodalist* 'companion'; but it is also sometimes applied to similar phenomena

in other languages. Ablaut differs from **umlaut** only in its historical source: originally, 'ablaut' was applied to cases of vowel alternation for which no phonetic motivation could be identified. See also **e-grade**, **o-grade** and **zero grade**. 2. A historical change by which such an alternation comes about. *Coates (1994) recommends restricting 'ablaut' to sense 2 and using 'apophony' for sense 1. He also suggests the term 'consonantal apophony' for those instances of Celtic mutation in which no overt trigger is present.*

В структуру данной словарной статьи входят: заглавное слово, толкование значения, детальное рассмотрение термина, иллюстративный пример, внутритекстовые ссылки, ссылка на англоязычную публикацию. Словарная статья является достаточно полной и обладает необходимой для профессионального пользователя информацией.

Необходимо отметить, что в представленной словарной статье весьма много дополнительной информации, которую удобнее было бы разбить на самостоятельные разделы с помощью ориентирующей нумерации. Например, в ней отсутствует ссылка на электронный адрес в Интернете, хотя она была бы весьма полезна для того, чтобы получить более подробную информацию об аблауте. На наш взгляд, ее необходимо расположить под цифрой шесть. Предложенная структура была бы более удобна для пользователя, поскольку такое деление по категориям можно найти только в словарях LSP.

Безусловно, включение в микроструктуру словаря указанных информационных категорий позволило бы оперативно получить необходимые сведения, однако в данном справочнике существует ряд терминов, дефиниции которых представлены в слишком краткой форме. Часть входных единиц, тем не менее, получает подробное описание. Это главным образом относится к обработке основных лингвистических понятий. Так, например, в словарной статье термина «phonetics» дается развернутое толкование заглавного слова и приводятся самостоятельные разделы фонетики, которые выделяет автор данного справочника: *Articulatory phonetics, Acoustic phonetics, Auditory phonetics, Instrumental phonetics, General phonetics, Linguistic phonetics*. Каждый из вышеприведенных разделов фонетики также имеет собственную словарную статью, которая содержит в себе дефиницию. Например:

Linguistic phonetics *n.* The study of phonetics from the point of view of the ways in which individual languages exploit phonetic distinctions for linguistic purposes.

Более того, чтобы дать полное представление о том или ином разделе, авторы делают ссылки на исследователей, работающих в данной области. Например:

Auditory phonetics *n.* The branch of phonetics dealing with the way in which the human ear and brain process and interpret speech sounds. See Borden and Harris (1980), Pickett (1980), Denes and Pinson (1993) or Lieberman and Blumstein (1988) for an introduction.

Заметим, что выбранные автором разделы фонетики не вполне отражают многообразие ее разновидностей. Так, например, нельзя обойти стороной такие разделы фонетики, как историческая или этимологическая фонетика, не считая при этом большого количества ее прикладных сфер. Вызывает вопрос также термин «лингвистическая фонетика». Словом, в этом случае есть повод подумать об унификации изначального деления логико-понятийной сферы «фонетика» на адекватное количество сегментов, соответствующих отраслям, сложившимся в процессе развития данной предметной области.

Что касается недостатков, следует отметить: во многих дефинициях присутствует синонимия, хотя известно, что в случаях наличия синонимичных терминов или терминологических словосочетаний только одно из них должно быть выбрано и использоваться в пределах нормализующих определений.

Среди общих недостатков, свойственных данным трем справочникам, необходимо выделить:

- применение только черного и белого цветов при графическом отражении помет;
- отсутствие звукового сопровождения;
- отсутствие электронной версии словаря.

В заключение следует подчеркнуть, что изучение фонетики имеет образовательное и культурное значение для каждого, кто осознает важность полноценного владения языком и качественного уровня межличностного общения. Лексикографическое описание предметной области фонетики в деталях наряду с логико-концептуальным моделированием ее понятийной сферы облегчает установление базовых системных связей в отражающей ее терминологии. Словарь фонетических терминов нового поколения должен быть более энциклопедически информативным, специализированным и ориентированным на пользователя. При безусловном сохранении бумажных носителей его компоненты следует снабдить видеозвуковыми демонстрационными и иллюстративными версиями.

Библиографический список

1. *Авербух К. Я., Карпова О. М.* Лексические и фразеологические аспекты перевода. М. : Академия, 2009. 173 с.
2. *Карпова О. А.* Английская лексикография : учеб. пособие. М. : Академия, 2010. 175 с.
3. *Лейчик В. М.* Терминоведение : предмет, методы, структура. М. : Либроком, 2009. 255 с.
4. *Немченко В. Н.* Основные понятия фонетики в терминах : учеб. словарь-справочник. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1993. 246 с.
5. *Трахтеров А. Л.* Английская фонетическая терминология. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1962. 350 с.
6. *Hartmann R. P. K.* European Dictionary Culture // Proceedings of the Ninth EURALEX International Congress. Stuttgart, 2000. P. 385—391.
7. *Nielsen S.* The Bilingual LSP Dictionary. Principles and Practice for Legal Language. Tübingen, 1994. 308 p.
8. *Trask R. L.* A Dictionary of Phonetics and Phonology. London : Taylor & Francis, 2012. 448 p.

ББК 81.432.1-400

О. А. Ужова

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЕ СЛОВАРИ — УЧЕБНЫЕ СЛОВАРИ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена анализу становления лингвострановедения и лингвострановедческой лексикографии. Особый акцент делается на описании принципов формирования словника страноведческого словаря, рассматриваются проблемы обработки безэквивалентной лексики, перевода ее в двуязычном словаре. Автор приходит к выводу о том, что появление лингвострановедческих словарей знаменовало в лексикографии переход от филологического описания слова к комплексному филологическому и культурному описанию с привлечением элементов этнолингвистического знания.

Ключевые слова: лексикография, словарь, входные единицы, дефиниция, перевод, словарь культуры, картинный пример.

The paper is devoted to the description of dictionaries of culture with special reference to lexicographic treatment of their entries. The author claims that the emergence of this type of dictionaries marks the transition from philological description of a word to philological and cultural one.

Key words: lexicography, dictionary, entry, definition, translation, dictionary of culture, picture example.

На начальном этапе становления жанра лингвострановедческих словарей в 70-х годах XX века цель его развития определялась не столько контекстом диалога культур, сколько, как точно определили Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, необходимостью выхода из языковой изоляции [3]. Нам представляется, что объективной ситуации для ведения активного двустороннего диалога еще не существовало. Существовал социальный заказ на лексикографирование культурного компонента словаря, где бы отражалась национальная специфика. Функция первых лингвострановедческих словарей заключалась именно в этом. Словарь, получивший название лингвострановедческого, был создан решением ученого совета Института русского языка им. А. С. Пушкина в 1974 году. Следует отметить, что предварительно разрабатывались основные понятия лингвострановедческой лексикографии. С точки зрения лексикографии конкретизировались приемы семантизации слова, исследовались концепции лексического фона, семантической доли, безэквивалентного слова. Во главу угла ставились проблемы отбора словника (источники и способы его формирования), обсуждались вопросы мега-, макро- и микроструктуры словаря.

Первые лингвострановедческие словари (словари русской культуры для иностранцев) четко отразили личную позицию их авторов. Данная позиция, естественно, выражала и социокультурные установки общества, в котором словари создавались. Очевидно, что эти словари были продуктом своего времени, и сегодня для исследования они интересны с исторической точки зрения.

Об идеологической ангажированности первых словарей подобного типа пишут классики лингвострановедения Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров.

© Ужова О. А., 2013

В начале 90-х годов XX века они справедливо назвали эту функцию словаря «индоктринационной». Она логично обосновывалась с точки зрения идеологии того общества, в котором создавалась: с лингвострановедением ассоциировалось «одностороннее освещение действительности, использование идеологических штампов и т. д.» [3, с. 184]. Например, в словаре «Великобритания» можно встретить материалы, которые советские соавторы англичанина А. Рума посчитали своим долгом внести в справочник для более правильного, с их точки зрения, освещения современной жизни и истории Великобритании: расстановка классовых сил в стране, борьба трудящихся за свои права, ленинские места в Лондоне и т. д. По мнению М. С. Колесниковой, с подобными идеологическими оценками связано негативное отношение к лингвострановедческому ракурсу изучения языков в зарубежной науке, например в ФРГ [6].

Уже в первых англо-русских лингвострановедческих словарях языковые единицы можно проанализировать с когнитивной точки зрения, то есть посмотреть, как языковые формы «отражают видение мира человеком, способности его концептуализации в языке» [1, с. 5]. Анализируя словарные толкования реалий в двуязычном страноведческом словаре, можно не только увидеть содержательные признаки вокабулы, но и обнаружить важность определенных концептуальных признаков для данного общества. Рассмотрим вокабулу *girl Friday* из лингвострановедческого словаря «Великобритания» [2]:

girl Friday [фонет. символы] *разг.* девушка Пятница, безотказная помощница (*соб. секретарь*) (по аналогии с *man Friday* — Пятницей, слугой в романе Д. Дефо [Daniel Defoe, 1650-1731] «Робинзон Крузо» [“Robinson Crusoe”])

Девушка Пятница в трактовке словаря не только секретарь, но и безотказная помощница, то есть работница, соответствующая «пуританской трудовой этике». В одноязычном справочнике «Cambridge Idioms Dictionary» [12] данный подтекст отсутствует:

a girl/ man/ person Friday

a person who does many different types of usually not very interesting work in an office *** *Man Friday* is the name of the servant in the book *Robinson Crusoe* by Daniel Defoe • *The ad said, “Person Friday required for general office duty”.*

В связи с этим подтверждается мнение Н. Г. Болдырева, согласно которому «наличие разных дефиниций в разных словарях свидетельствует о том, что содержание концепта, в принципе, до конца неисчислимо» [1, с. 96]. Следовательно, возникает предположение: количество единиц описания в лингвострановедческой лексикографии становится практически безграничным, поэтому проблема формирования словника выступает центральной, а ракурс описания этих единиц усложняется.

Естественно, что при работе над двуязычным лингвострановедческим словарем возникла проблема перевода, особенно острой она стала при обработке безэквивалентной лексики (БЭЛ). Существуют разные способы ее выделения. Лексикографические издания традиционно считаются авторитетными источниками безэквивалентной лексики. Например, в исследовании О. Н. Иванищевой для выделения подобных единиц привлекаются двуязычные и лингвострановедческие словари [4]. Иногда само определение БЭЛ дается на основании способов ее перевода по определенному словарю: «Если слово в переводном словаре транскрибируется или транслитерируется, то оно

относится к БЭЛ» [11, с. 12], то есть решение проблемы перевода влияет на квалификацию лексической единицы.

В лингвострановедческом словаре «Великобритания» [2] основным средством передачи заимствованных слов является практическая транскрипция, при этом фонемы языка-источника заменяются наиболее близкими к ним фонемами заимствующего языка. Иногда укоренившиеся в русском языке иноязычные модели заставляют выбрать ту, а не иную передачу новых, похожих по структуре английских заимствований. Булочка с бифштексом называется *hamburger* (от немецкого города Гамбурга), и в русской передаче этого названия сохраняется элемент *-бург-* (по нормам транскрипции английских слов было бы *-берг-*). Интересно отметить, что согласно тем же правилам в этом словаре данная реалия выглядит как *хамбургер*:

Hamburger [фонет. символы] хамбургер, котлета, рубленый бифштекс в булочке (название по городу Гамбургу).

Только в 90-х годах XX века эта реалия приобрела современный вид *гамбургер*, что зарегистрировано в лингвострановедческом словаре «Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии» Г. Д. Томашина [10]:

Hamburger [фонет. символы] гамбургер {рубленый бифштекс в мягкой булочке}.

Если в первых лингвострановедческих словарях основополагающим являлся принцип актуального историзма, то в 90-х годах XX века этот принцип продолжает развиваться и формулируется как принцип дифференциации диахронного и синхронного планов. Основываясь на этом принципе, можно разграничивать переводные значения как различные реалии. В свою очередь, автор словаря «Австрия» Н. В. Муравлёва считает, что одна из заметных проблем при переводе в двуязычном лингвострановедческом словаре — это создание неадекватного представления в сознании получателя информации и неверных, в том числе национальных, коннотаций. Такие переводческие потери, как неблагозвучие и нулевая информативность, являются более предпочтительными, чем указание на признак, который повлек бы за собой национально-культурную интерференцию. В своем словаре она предлагает разработку перевода, где сочетаются дополняющий, уточняющий, разъясняющий комментарий к различным значениям одной лексической единицы [7].

В сфере межкультурной коммуникации нередки случаи нарушения лексического параллелизма, когда лексические псевдоэквиваленты попадают в лингвострановедческие словари, что может привести к социокультурным сбоям. Следствием пренебрежения одним из значений при лексикографическом кодировании иногда является псевдопараллелизм. Английское слово *industrial estate* определяется как «an area of land where industrial companies have their buildings». Большинство лингвострановедческих словарей предлагают переводной эквивалент для данного словосочетания *промышленная зона*, что сужает его значение, так как в *industrial estate* входят не только собственно производственные площади, но и здания, офисы предприятий.

Нарушение лексического параллелизма может стать следствием изменения стилистического регистра при переводе, когда, например, *almshouse* превращается в *богадельню*. Видно, что степень сниженности лексической единицы значительно влияет на дифференциацию коннотативного фона.

Итак, можно выделить следующие тенденции, когда словарь, пытаясь решить проблему, не в состоянии обеспечить полный параллелизм. Одна из них — это регистрация в словаре паллиативных вариантов перевода. Они не могут быть признаны однозначно удачными, но, не обладая, например, национально-маркированными коннотациями, могут рассматриваться как кодифицированные паллиативы для данного этапа развития межкультурной коммуникации. Например, перевод *Christmas Eve* как *канун Рождества* можно рассматривать в качестве паллиативного варианта, который не имеет национальных коннотаций, как, например, *Сочельник*. В результате появляются разнообразные формы объяснительных переводов, культурных комментариев, вербальных изъяснений на языке перевода, например:

Boxing Day [фонетические символы] день рождественских подарков / второй день Рождества — Christmas {26 декабря; офиц. выходной день — bank holiday; в этот день принято дарить подарки; состоятельные люди тж. дают небольшие деньги прислуге, почтальону и т. п.} [10].

Другая тенденция — появление и регистрация псевдопараллелей в словнике лингвострановедческого словаря. Это многочисленные «буквализмы», зафиксированные в словарях: *экипажная публика, драматургия кухонной раковины, шотландская пьеса (carriage trade, kitchen-sink trade, Scottish play)* [10].

Компенсующая роль картинного примера весьма удачно продемонстрирована в лингвострановедческом словаре Н. В. и Е. Н. Муравлёвых «Австрия» [7]. Практически на каждой странице словаря имеется остенсивный пример. Пример со словом *Klapotetz*, которое толкуется как «хлопушка», иллюстрируется как вертушка на длинном шесте, что соответствует действительности. Разработка принципов предметной и культурной соотносительности при семантизации вокабул в лингвострановедческих словарях, детализация их вербальной обработки с учетом межкультурной перспективы — все это обеспечивает более полное проникновение в природу слова и, вне всякого сомнения, весьма значимо для создания этих типов словарей.

Таким образом, появление лингвострановедческих словарей знаменовало в лексикографии переход от филологического описания слова к комплексному филологическому и культурному описанию с привлечением элементов этнолингвистического знания.

Библиографический список

1. Болдырев Н. Г. Когнитивная семантика. Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. 123 с.
2. Великобритания : лингвострановед. слов. : 9500 единиц / А. Р. У. Рум, Л. В. Колесников, Г. А. Пасечник и др. М. : Рус. яз., 1978. 480 с.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М. : Рус. яз., 1990. 245 с.
4. Иванищева О. Н. Лексикографирование культуры в двуязычном словаре : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005.
5. Карпова О. М. Английская лексикография. М. : Академия, 2010. 175 с.
6. Колесникова М. С. Лексикографический аспект лингвострановедения : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.

7. Муравлёва Н. В., Муравлёва Е. Н. Австрия : лингвострановед. слов. М. : Рус. яз. Медиа, 2003. 656 с.
8. Прохоров Ю. Е., Чернявская Т. Н. Лингвострановедение сегодня: от итогов симпозиума к перспективам конгресса // Рус. яз. за рубежом. 1994. № 3. С. 110—114.
9. Томахин Г. Д. Лингвострановедение: что это такое? // Иностр. яз. в шк. 1996. № 6. С. 22—27.
10. Томахин Г. Д. Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии : лингвострановед. слов. М. : АСТ-Пресс Книга, 2003. 720 с.
11. Цзян Сипин Л. К вопросу о безэквивалентной лексике : (на материале русского и китайского языков) // Вестн. СПбГУ. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. 2004. № 4. С. 109—112.
12. Cambridge Idioms Dictionary. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 505 p.

ББК 81.432.1+81.001.4

Е. А. Вансяцкая

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИРЕМИЧЕСКИХ НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ КОММУНИКАЦИИ (Гендерный аспект)

Рассматриваются невербальные компоненты миремического класса. Проводится анализ способов репрезентации компонентов данного класса в речи коммуникантов — мальчиков и девочек. Анализируются наиболее распространенные языковые корреляты невербальных компонентов миремического класса, описываемые в литературе для детей.

Ключевые слова: невербальные компоненты коммуникации, миремический класс, эмоциональная реакция, языковой коррелят, гендерный аспект, литература для детей.

The article describes eye-contact non-verbal components. The ways of representing the components of this class in the discourse of children-speakers are described. The most frequent language correlates of eye-contact non-verbal components are analyzed. The examples are taken from the literary texts addressed to children-readers.

Key words: non-verbal components of communication, eye-contact, emotional reaction, language correlate, gender aspect, literary texts for children.

Специалистами по общению подсчитано, что современный человек произносит за день около 30 тысяч слов, или примерно 3 тысячи слов в час [3, с. 59]. Речевое общение, как правило, сопровождается несловесными действиями, помогающими понять и осмыслить речевой текст. Эффективность любых коммуникационных контактов определяется не только тем, насколько понятны собеседнику слова и другие элементы вербальной коммуникации, но

© Вансяцкая Е. А., 2013

и умением правильно интерпретировать визуальную информацию, то есть взгляд партнера, его мимику и жесты, телодвижения, позу, дистанцию, темп и тембр речи. Ведь даже если язык является самым эффективным и продуктивным инструментом человеческого общения, все же он его не единственный инструмент. Невербальная коммуникация — одна из важнейших областей функционирования знаков и знаковой информации и занимает значительное место в жизни человека и общества.

Вопросы невербальной коммуникации представляют интерес для ученых различных научных направлений — социальной психологии, антропологии, биологии, лингвистики [1, 2, 4, 6, 7, 8, 17, 18, 19, 22]. При этом необходимо отметить, что внимание психологов и лингвистов растет к проблемам детской речи и поведения детей [10, 12, 13, 15, 23]. Тем не менее система обозначений эмоций для детской аудитории на материале художественной литературы только начинает разрабатываться в лингвистической науке, следовательно, изучение способов репрезентации различных типов невербальных компонентов коммуникации (НВК) представляется особо актуальным.

Уже неоднократно отмечалось, что НВК могут быть различных классов [5]. Наиболее распространенным считают паралингвистический класс, который исследует параязык — «дополнительные к речевому звуковые коды, включенные в процесс речевой коммуникации и могущие передавать в этом процессе смысловую информацию» [7, с. 27]. В этом классе целесообразно выделить фонационные и респираторные НВК. Кинетический класс НВК является следующим по распространенности. Кинетическая система знаков включает в себя жесты, мимику и пантомимику. Язык тела может рассказать очень многое о чувствах и намерениях коммуникантов. Биологические корни языка тела лежат в различных позах животных (поза утрашения, подчинения и т. д.). Известно, что первоначальные исследования в этой области проведены еще Ч. Дарвином (см.: [6, с. 47]). В этом классе можно различать следующие виды НВК: жестовые, мимические, пантомимические и тактильные.

Наименее изученным классом является класс миремических НВК. Термин «миремический» введен Х. Шерером, который предложил назвать взгляд «мирема» [25]. Глаза не зря называют зеркалом души. Психологи свидетельствуют, что глаза своими движениями и реакцией зрачка сигнализируют об эмоциональном, психическом и физическом состоянии индивида [11, 14].

В социально-психологических исследованиях изучается частота обмена взглядом, длительность взгляда, смена его статики и динамики, избегание взгляда и т. д. Время, уделяемое визуальному контакту в общении, разнится от 28 до 70 % [9, с. 209]. Специалисты выделяют 5 функций взгляда [9, с. 194]:

- регулировка процесса коммуникации;
- проверка обратной связи;
- отражение когнитивной активности;
- выражение эмоций;
- выражение характера межличностных отношений.

Необходимо отметить, что для выявления способов репрезентации миремических НВК нами были проанализированы различные произведения англоязычной литературы. Методом сплошной выборки были отобраны примеры, соответствующие ряду параметров. Весь корпус примеров исследовался по гендерному принципу: к маскулинной группе отнесены те, где в коммуникации миремические НВК используются мальчиками, к феминин-

ной группе — где НВК данного класса используются девочками. Группы миремических НВК, репрезентирующие коммуникацию мальчиков и девочек, состоят из равного количества примеров. Дальнейшее деление прошло по знаку переживаемых эмоциональных реакций (ЭР): отрицательные и положительные.

Анализ позволит выяснить частотность изучаемого явления в художественных произведениях для детей. Установив способы представления данного класса НВК, предполагается выявить наиболее часто употребляемые языковые корреляты, «эксплуатируемые» миремическим классом НВК в маскулинном и фемининном поведении. При этом интересно провести сравнительный анализ языковой репрезентации маскулинного и фемининного невербального поведения детей — установить сходство и различие.

Начнем с анализа невербального поведения мальчиков, представленного миремическим классом НВК. Нами было установлено, что в текстах отражаются выражение глаз, их движение, различные виды взглядов и их интенсивность, зрительный контакт, а также физиологическая реакция, связанная с глазами (слезы).

Языковые корреляты при выражении *положительных ЭР* достаточно разнообразны.

Основой глагольных словосочетаний являются глаголы, описывающие взгляд: to look, to stare, to glance, to watch, to peek. Как правило, они дополняются различными языковыми единицами положительной направленности.

К превалирующим видам словосочетаний относятся:

➤ глагольные, где маркером положительной окраски является наречие: to look admiringly, to stare at smb cheerfully, to gaze at smb gaily. Наречия, входящие в состав словосочетания, имеют положительную окраску, которая подтверждается словарной дефиницией:

— admiringly («in the manner of showing that you think someone or something is very impressive or attractive» [20]);

— cheerfully («happy, or behaving in a way that shows you are happy» [20]);

— gaily («in a happy way» [20]);

➤ глагольные, в состав которых входят существительные, называющие переживаемую ЭР: to gaze at her with pleasure, to look around in astonishment. Существительные «pleasure», «astonishment» окрашены положительно.

➤ именные: kindness in his eyes, a glint of amusement in the eyes. Опорным компонентом в структуре подобного рода является положительно окрашенное существительное, называющее ЭР.

При выражении *отрицательных ЭР* в качестве языковых коррелятов миремического класса также используются глаголы, описывающие взгляд: to look, to stare, to glance, to watch, to peek. Как правило, они дополняются различными языковыми единицами отрицательной направленности. Среди наречий, маркирующих вектор ЭР, часто встречаются «to glance impatiently», «to look suspiciously», «to stare at her crossly», «to watch coldly», «to peek furiously». Их значение определяется посредством словарной дефиниции:

— impatiently («annoyed by something bad and not willing to accept it» [21]);

— suspiciously («in a way that makes you think that something is wrong» [16]);

- crossly («in an annoyed or angry manner» [16]);
- coldly («in an unfriendly way and without emotion» [16]);
- furiously («in a very angry way» [16]).

Эмоциональная окрашенность взгляда часто передается глагольными словосочетаниями, где существительное называет переживаемую коммуникантом ЭР: to stare at smb with irritation, to look in awe, to glare at her in horror. Каждое существительное в своей структуре имеет негативную сему:

- irritation («the feeling of being annoyed about something, especially something that happens repeatedly or for a long time» [20]);
- awe («a feeling of great respect sometimes mixed with fear or surprise» [16]);
- horror («an extremely strong feeling of fear and shock, or the frightening and shocking character of something» [16]).

Наряду с нейтральными глаголами авторами художественных произведений используются негативно коннотированные глаголы «to scowl», «to glower», «to lower». Их отрицательная семантика подтверждается с помощью дефиниционного анализа:

- scowl («to look at someone or something with a very annoyed expression» [16]);
- glower («to look very angry, annoyed or threatening» [16]);
- lower («to look threatening or annoyed» [20]).

Особенности различных взглядов передают словосочетания с существительным «look». Это глагольные словосочетания «to exchange a guilty look», «to flash an unfriendly look», «to take a sheepish look», «to give an ugly look»,

«to cast a dirty look», в которых маркер интенсивности ЭР определяется по прилагательному, окрашенному отрицательно. Это подтверждает словарная дефиниция:

- guilty («feeling very ashamed and sad because you know that you have done something wrong» [20]);
- unfriendly («showing dislike and no sympathy» [16]);
- sheepish («embarrassed because you know that you have done something wrong or silly» [16]);
- ugly («unpleasant to look at; not attractive» [16]);
- dirty («used to emphasize that you think someone or something is bad, dishonest, or immoral» [20]).

Значительна группа словосочетаний различной структуры с существительными «tears» и «eyes», которые описывают физиологическую реакцию человеческого организма — слезы. Это прежде всего предикативные словосочетания: tears stinging his eyes, tears ran down his face, tears flooded his eyes, которые передают отрицательные ЭР.

Далее обратимся к способам репрезентации миремического класса НВК в речи девочек. При этом необходимо отметить элементы сходства. При описании невербального поведения коммуниканта-девочки автор художественного произведения обращает особое внимание на движение глаз, интенсивность и длительность взгляда, зрительный контакт коммуникантов, а также на слезы как физиологическое проявление данного класса НВК.

При выражении *положительных ЭР* чаще всего используется языковой коррелят «eyes». При описании степени открытости и закрытости ключевыми

становятся прилагательные «wide», «narrow» и глаголы «to open», «to close», «to narrow», «to widen». Наиболее распространенными являются:

— предикативные словосочетания: she narrowed her eyes, her eyes were narrow, her eyes widened in horror, her eyes opened wide;

— словосочетания, образованные по модели N + V: her eyes shone, her eyes gleamed.

Глаголы «to look», «to watch», «to gaze», «to stare», описывающие взгляд, являются достаточно распространенными. Они могут как употребляться сами по себе (she gazed at him for a long time, she stared at him again, she was watching them all the time), так и дополняться положительно коннотированными наречиями (tenderly, softly, happily, pleasantly, joyfully, smugly). Вектор ЭР определяется по словарной дефиниции:

— tenderly («in a gentle, loving or sympathetic way» [16]);

— softly («gently» [20]);

— happily («in a nice way, having feelings of pleasure» [24]);

— pleasantly («in the enjoyable or attractive manner to make you feel happy» [20]);

— joyfully («very happily» [24]);

— smugly («in a way that shows too much satisfaction or confidence» [16]).

Значительную часть ЯК составляют те, которые передают *отрицательные ЭР*.

Особенностью фемининной группы является значительное использование языковых коррелятов с ключевыми компонентами «tears» и «eyes»: eyes brimmed with tears, her eyes filled with tears, tears were rolling down her face, a tear was streaming down her cheek, she burst into tears, she shed a few tears.

Достаточно часто употребляются глагольные номинации «to look», «to watch», «to stare» с наречиями отрицательной направленности. Маркерами интенсивности ЭР выступают следующие наречия:

— nervously («in a worried or frightened manner about something that may happen» [24]);

— fiercely («in a frightening, violent or powerful way» [16]);

— grimly («in a worrying manner, without any hope» [21]).

Наряду с нейтральными глаголами авторами художественных произведений используются негативно коннотированные глаголы «to scowl», «to glower», «to lower». Их коннотация определяется с помощью дефиниционного анализа.

При этом значение нейтральных глаголов может быть усилено наречиями с отрицательной семой, например:

— ferociously («in a very strong, severe, and unpleasant way» [20]);

— gloomily («in a sad manner because you think the situation will not improve» [24]);

— accusingly (in the manner suggesting that you think someone has done something bad» [16]).

Опираясь на результаты проведенного анализа, мы можем выявить элементы сходства и различия при репрезентации НВК миремического класса мальчиками и девочками. Хотя миремический класс не принадлежит к числу наиболее распространенных, он представляет определенный интерес для исследователей. При выражении положительных ЭР данный класс НВК преобладает в невербальном поведении мальчиков (мальчики — 7 %, девочки —

4 % от общего числа примеров). Рассматривая отрицательные ЭР, мы наблюдаем, напротив, значительное преобладание этого вида НВК в невербальном поведении девочек (девочки — 8 %, мальчики — 2 %).

Нами было установлено определенное сходство языковых коррелятов миремического класса в маскулинной и фемининной группах. НВК миремического класса у коммуникантов-мальчиков чаще всего репрезентируются глагольными, именными и предикативными словосочетаниями. Кроме того, достаточно часто используются как глаголы нейтральной семантики, так и глаголы с четко выраженной положительной/отрицательной коннотацией. Распространенными являются словосочетания с опорными существительными «tears» и «eyes».

Характеризуя невербальное поведение коммуникантов-девочек, можно отметить преобладание глаголов нейтральной семантики, которые модифицированы номинациями положительной и отрицательной коннотации, а также словосочетаний, образованных по различным моделям. Среди языковых единиц, входящих в языковые корреляты, можно выделить существительные «tears», «eyes».

Библиографический список

1. Бутовская М. Л. Язык тела: природа и культура : (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М. : Научный мир, 2004. 440 с.
2. Вансяцкая Е. А., Карташкова Ф. И. Невербальные компоненты коммуникации в английском художественном тексте. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. 152 с.
3. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. 4-е изд. М. : URSS, 2009. 169 с.
4. Ганина В. В. Фемининное невербальное поведение, маркирующее эмоцию удивления : (на материале англоязычного художественного текста) // Известия вузов. Сер.: Гуманитарные науки. Иваново : ИГХТУ, 2010. Т. 1, вып. 1. С. 58—61.
5. Ганина В. В., Карташкова Ф. И. Эмоции человека и невербальное поведение: гендерный аспект. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2006. 208 с.
6. Колшанский Г. В. Паралингвистика. М. : Наука, 1974. 79 с.
7. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 581 с.
8. Мегрбян А. Психодиагностика невербального поведения. СПб. : Речь, 2001. 253 с.
9. Нэп М., Холл Дж. Невербальное общение. 6-е изд. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК ; М. : Олма-Пресс, 2004. 254 с.
10. Румянцева И. М. Психология речи и лингвопедагогическая психология. М. : ПЕР СЭ : Логос, 2004. 319 с.
11. Фаст Дж. Язык тела. М. : Вече : АСТ, 1997. 429 с.
12. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок : лингвистика детской речи. М. : ВЛАДОС, 2000. 238 с.
13. Юрьева Н. М. Проблемы речевого онтогенеза: производное слово, диалог : экспериментальные исследования. М. : ИЯЗ РАН, 2006. 488 с.
14. Argyle M. Bodily Communication. London : Taylor & Francis, 1988. 363 p.
15. Brain C., Mukerji P. Understanding Child Psychology. Cheltenham : Nelson Thornes Ltd., 2005. 198 p.
16. Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 25.12.2012).
17. Ekman P., Friesen W. V. Detecting Deception from the Body or Face // J. of Personality and Social Psychology. 1974. Vol. 29. P. 288—298.

18. *Hall J. A.* Gender effects in decoding nonverbal cues // *Psychological Bulletin*. 1987. Vol. 85. P. 845—858.
19. *Hall E. T.* *The Silent Language*. New York : Doubleday, 1990. 217 p.
20. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 12.01.2013).
21. Macmillan Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 28.12.2012).
22. *Non-verbal Communication* / ed. by R. A. Hinde. Cambridge : Cambridge University Press, 1979. 445 p.
23. *Maines B.* *Reading Faces and Learning about Human Emotions*. London : Lucky Duck Publishing Ltd., 2003. 97 p.
24. Oxford Dictionaries Online. URL: <http://oxforddictionaries.com> (дата обращения: 11.01.2013).
25. *Scherer H. S.* *Sprechen im Situativen Kontext*. Tübingen : Stauffenberg Verlag, 1984. 362 S.

ББК 81.04

С. А. Маник

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЛЕКСИКИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ ФАКТОРАМИ

Статья посвящена вопросу воздействия экстралингвистических факторов на развитие и функционирование английской лексики общественно-политической жизни. Рассматриваются варианты таких факторов, культурологические особенности, а также способы их отражения в одноязычных и двуязычных специализированных словарях политики. Многочисленные примеры показывают специфику изучаемой лексики.

Ключевые слова: экстралингвистические факторы, общественно-политическая лексика.

The article considers the influence of extralinguistic factors on development and usage of English vocabulary of socio-political life. Possible variants of such factors, cultural peculiarities and ways of their description in modern mono- and bilingual specialized reference books of Politics are discussed. Numerous illustrative examples reflect specific character of the vocabulary under analysis.

Key words: extralinguistic factors, socio-political vocabulary.

Традиционно к экстралингвистическим факторам относят параметры внеязыковой социальной действительности, обуславливающие изменения в языке как глобального, так и частного характера, а именно: демографические параметры (численность населения, говорящего на том или ином языке; способ расселения; возрастная дифференциация носителей языка и т. п.); социальную структуру общества; культурно-языковые особенности (наличие письменных традиций, культурно обусловленные языковые контакты и т. п.). Они не только оказывают воздействие на развитие языка, но и играют одну

© Маник С. А., 2013

из важнейших ролей в понимании слов, концептов, культуры того или иного народа/общества. Данная статья посвящена рассмотрению влияния экстралингвистических факторов на лексику общественно-политической жизни.

Знания об окружающем мире, о происходящем вокруг, о некоторых исторических событиях и личностях, громких скандалах внутри и за пределами своего общества способствуют пониманию текстов общественно-политической тематики. Эти тексты несут в себе определенную информацию о данном явлении, отношении к нему в (мировом) (со)обществе, позволяют склонять к конкретной позиции и желаемым действиям, манипулировать людьми. Например, в американской реальности довольно распространено словосочетание *Teflon-(coated) presidency* — способность президента отклонять обвинения в коррупции или аморальности. Оно некоторое время служило прозвищем президента Рональда Рейгана, поскольку именно в его адрес впервые было употреблено данное словосочетание. Умение президента Рейгана отклонять какие-либо обвинения в коррупции в его адрес или в адрес его администрации, выходить чистым из воды было соотнесено конгрессменом Патрицией Шрейдер (Patricia Schroeder) в 1983 году с характеристиками тефлоновых непригораемых сковородок:

Last Sunday marked the centennial of Ronald Reagan's birth. The anniversary occasioned numerous tributes and remembrances, most of which noted Reagan's celebrated skills as the "Great Communicator" and his reputation for developing a "Teflon Presidency" — one that somehow escaped blame for the economic problems of the day. That latter sobriquet was coined by Democratic Congresswoman Pat Schroeder in a 1983 speech on the House floor, when she said of then President Reagan: "He has been perfecting the Teflon-coated presidency: He sees to it that nothing sticks to him". Schroeder's exasperation was shared by many Democrats at the time, and it is a characterization that, as last Sunday's remembrances indicates, has only grown more widespread through the intervening years¹.

Со временем данный термин стал широко использоваться относительно многих американских президентов, сталкивающихся с нарастающими экономическими и социальными проблемами и новыми обвинениями (см. фрагмент страницы «New York Observer»² на рисунке).

¹ URL: <http://blogs.middlebury.edu/presidentialpower/2011/02/08/reagan-obama-and-the-myth-of-the-teflon-presidency/> (дата обращения: 07.01.2013).

² URL: <http://observer.com/2009/06/the-new-teflon-president-2/> (дата обращения: 06.01.2013).

Важно отметить, что данное понятие несвойственно российской действительности (хотя эта фирма и качество ее кухонный посуды известно многим), подобных ассоциаций не возникает в нашем обществе, но негатив к зачастую бесполезным и в то же время многочисленным обвинениям в коррумпированности чиновников администрации президента в нем ощущаем.

Целесообразно отметить, что фигура политического деятеля играет очень важную роль при формировании значения или появлении новой лексической единицы общественно-политической лексики (ОПЛ). Так, в различные периоды популярности той или иной личности в английский язык вошли следующие слова: *Obamania; Clintonomics; McCarthyism; Martin, Barton, and Fish; Marshall Plan; Truman Doctrine; Eisenhower Doctrine; Kennedy Round; Bailey Memorandum; Nervous Nellies; Johnson treatment; Nixonomics; Tricky Dick; Billygate; let Reagan be Reagan; Hillarycare; Monicagate* etc. Политические и общественно важные события, конфликты, договоры и соглашения также находят отражение в формировании лексики общественно-политической жизни: *Balkanization, war on terror, ethnic cleansing, Saturday Night Massacre, stone-walling, Vietnamization, New Frontier, Good neighbor policy* etc.

С другой стороны, в английский язык вошло понятие советской действительности *Gulag* (ГУЛАГ), но в немного искаженном виде. Так, нам известно, что ГУЛАГ — акроним Главного управления исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключений, в 1934—1956 годах это было подразделение НКВД (МВД), осуществлявшее руководство системой исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). В лагерях были установлены тяжелейшие условия, применялись суровые наказания за малейшие нарушения режима, была чрезвычайно высокая смертность от голода, болезней и непосильного труда. Заключенные бесплатно работали на строительстве каналов, дорог, промышленных объектов на Крайнем Севере, Дальнем Востоке и в других регионах. После выхода в свет книги А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» (1973) понятие *ГУЛАГ* стало синонимом лагерей и тюрем НКВД с политическими заключенными, тоталитарного режима в целом, а в английский язык вошло слово *Gulag*. Интересно отметить, что в «Safire's

Polytical Dictionary» оно трактуется как «acronym for the Soviet slave labor camps; now a symbol of harsh banishment or imprisonment; a place or situation of great suffering and hardship, likened to the atmosphere in a prison system or a forced labor camp» [3]. Следовательно, в результате перевода книги, имевшей настолько сильное влияние в СССР, западный менталитет воспринял идею исправительно-трудовых лагерей, скорее даже мест с жесткими и суровыми условиями содержания, мест, приносящих страдания и трудности. Во времена Советского Союза это слово часто встречалось в западной прессе в контексте дискуссий об использовании исправительного труда или отсутствия прав человека на территории СССР. Например:

It was Texas under the incompetent rule of then Governor George W. Bush that became known as the **gulag** state of Texas for having turned a social problem into just another GOP scam, a get rich quick scheme, another way in which GOP blood-suckers feed at the public trough (Gulag Nation: Over One in One Hundred Americans Are in Prison. URL: http://www.opednews.com/articles/opedne_len_hart_080301_gulag_nation_3a_over_o.htm);

She fought a war to evict the Argentineans from the Falklands — a war that not only showed the fighting spirit of the British forces, but compelled the Soviets to accept that the West would fight to defend itself. She supplied Blowpipe missiles to the Afghan resistance that gave Reagan the incentive and justification to insist that American intelligence agencies should supply them with the more effective Stinger missiles. She prevented — it was almost her last political act of importance — the European Union from accepting the legitimacy of the Soviet incorporation of the Baltic countries inside its multinational **Gulag**. Above all, she rallied the Europeans to ensure the installation of U.S. missiles in Western Europe to match the Soviet planting of SS-20s in the Soviet satellites. Let me give one example of the many times she acted to stiffen the spines of Western European governments either weakened by the leftward drift of their social democratic parties or frightened by the massive anti-installation rallies of the so-called “peace movement” West Germany's Helmut Schmidt — another friend of the U.S. and a strong antiCommunist — was losing the battle to (USA Today Magazine. 2009. Vol. 137, iss. 2766. P. 22).

Необходимо подчеркнуть, что во многих политических словарях зарегистрирована экстралингвистическая справка, поскольку зачастую реалии политической жизни связаны с именами политиков, общественных деятелей, ссылкой на какие-либо исторические события, документы и т. п. Без этой информационной категории довольно сложно понять суть обозначаемого явления.

Так, в электронном словаре «Political Dictionary» [2] приводится следующая дефиниция словосочетания *Affirmative action*:

...the giving of preferential treatment to women and minorities in business and education to redress the effects of past discrimination. Affirmative action began in the 1960s; it has benefited hundreds of thousands of minorities and helped the creation of an African-American middle-class. The number of women in professional and managerial jobs has also increased considerably as a result of affirmative action. However, during the 1990s affirmative action has become a contentious issue. While the bulk of minorities and civil rights leaders still support it, many conservatives claim that it amounts to “reverse discrimination”. Supreme Court decisions in 1995 limited the scope of affirmative action programs in business and education. In 1997, California banned preferential treatment for minorities or women in state hiring practices.

Также в двуязычном словаре «ABBYU Lingvo» вместе с переводным эквивалентом зафиксированы дополнительные комментарии, предоставляющие экстралингвистическую справку об этом американском феномене:

affirmative action — компенсационная дискриминация (прием на работу с намеренным предоставлением преимуществ традиционно дискриминируемым группам; первоначально политическая программа, направленная на ликвидацию расовой дискриминации).

В дефиниции англоязычного словаря, безусловно, внимание привлекает известный стилистический прием, когда объединяются такие несинонимические понятия, как *женщины (women)* и *меньшинства (minorities)*, но его авторы добавляют историческую справку развития событий для их наиболее полного отражения и лучшего понимания разногласий по данному вопросу в американском обществе.

Таким образом, экстралингвистические факторы играют большую роль в интерпретации и использовании ОПЛ.

Библиографический список

1. ABBYU Lingvo 12. Moscow, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
2. Safire's Political Dictionary. Oxford : Oxford University Press, 2008. 862 p.
3. Political Dictionary. URL: <http://www.iamericanspirit.com/politicaldictionary.html> (дата обращения: 09.01.2013).

РЕЦЕНЗИИ

О. М. Карпова

Рец. на кн.: **Scotland in Definition : a History of Scottish Dictionaries / ed. by I. Macleod, J. D. McClure.** Edinburgh : Birlinn Ltd., 2012. 342 p.

Рецензируемая коллективная монография посвящена подробному анализу истоков, становления и современного состояния старейшей отрасли британской национальной лексикографии — шотландской. Необходимо отметить, что вплоть до настоящего времени в теории лексикографии не существовало такого полного исследования практики составления словарей шотландского языка с учетом исторически сложившихся особенностей и тенденций. При этом отмечу, что авторы книги называют шотландский языком, а не диалектом, как это принято в британской национальной лексикографии.

Монография имеет четкую структуру, которая позволила авторам всесторонне рассмотреть основные этапы формирования и развития шотландской лексикографии в свете историко-типологического подхода. Книга включает три части и дополнения (notes, bibliography, index). Особого одобрения заслуживает предложенный список словарей («Dictionaries and Word Lists», с. 313—331), где собраны все словари шотландского языка, изданные с XVIII в. по настоящее время. Такой указатель публикуется впервые и вполне может служить надежным путеводителем по шотландской лексикографии.

Остановимся на наиболее интересных разделах книги, состоящей из трех частей: «Scots Dictionaries», «Gaelic Lexicography» и «The Scottish Contribution to English Dictionaries». Часть I посвящена описанию различного рода средневековых глоссариев, опубликованных до 1700 г., и открывается главой 1 «Lexicography of Scots before 1700», где К. Уильямсон описывает принципы построения первых глоссариев шотландского языка (от одноязычных до двуязычных глоссариев с дифференциальным словником и дифференциальной разработкой слов). Автор впервые выделяет два типа глоссариев, которые называет *internal* и *interlinear glosses*. Словарные статьи содержали типичные для ранних глоссариев этимологическую, орфоэпическую и грамматическую пометы, а также краткие толкования заглавных слов. Как справедливо отмечает К. Уильямсон, в XVI в. появились и первые *специальные глоссарии юридических терминов*, но это были лишь единичные попытки отдельных образованных шотландцев, работавших в сфере юриспруденции.

Особый интерес, на мой взгляд, представляет глава 2 «Glossaries and Scotticisms: Lexicography in the Eighteenth Century», посвященная изучению глоссариев древнешотландского языка, относящихся к 1710 г. Ученый рассматривает ряд авторитетных глоссариев шотландских диалектов, среди которых особое внимание привлекают глоссарии к произведениям Р. Бернса (с. 50—54). Следует отметить, что здесь удачно показана роль шотландской лексики в формировании глоссария как важной лексикографической формы, которая в этот исторический период пополнилась новыми информационными

© Карпова О. М., 2013

категориями, позволившими передать специфику шотландских слов лексикографическими средствами.

Глава 3 «Jamieson and the Nineteenth Century», безусловно, является кульминацией монографии, поскольку в ней рассматривается первый этимологический словарь шотландского языка (в двух томах), составленный Дж. Джеймсоном (1808), ознаменовавший собой становление шотландской академической лексикографии. В течение XIX в. словарь неоднократно дорабатывался, дополнялся и совершенствовался не только самим автором, но и его последователями. Еще в XIX в. Дж. Джеймсон одним из первых ученых высказал идею о сохранении шотландского языка, который может исчезнуть, если его не фиксировать в авторитетном словаре. Начав формировать словарь с 800 слов, с течением времени лексикограф включил в его макроструктуру 18 тысяч входных единиц.

В отличие от многих лексикографических произведений его времени, статьи словаря Дж. Джеймсона содержат энциклопедическую информацию, относящуюся к обычаям и традициям шотландского фольклора. Таким образом, он фактически одним из первых в мировой лексикографии зафиксировал в микроструктуре словаря культурологический аспект. И если сегодня эта тенденция представляется вполне естественной, то во времена Дж. Джеймсона она была по-настоящему революционной. Вплоть до 2008 г. словарь Дж. Джеймсона оставался образцом для подражания. А когда он появился онлайн (www.scotsdictionary.com), благодаря техническим инновациям некоторые его прежние недостатки были успешно устранены (например, сейчас перекрестные ссылки легко достигаемы).

В последующих главах монографии авторы подробно анализируют лексикографические произведения, фиксирующие лексику из шотландских диалектов. Среди них: «Etymological Dictionary of the North Language in Shetland», «Shetland-English. English-Shetland», впоследствии появившиеся в Интернете (the Shetlopedia Website: <http://Shetlopedia.com>); «The Orkney Nom, 1881—1965»; «Orkney Wordbook. A Dictionary of the Dialect of Orkney» (издания 1988, 1995 гг.) и многие другие труды, сформировавшие в шотландской лексикографии самостоятельную группу *диалектных справочников*.

Далее подробно анализируются принципы построения *специальных глоссариев*, начиная от справочников *юридических терминов*: «A Dictionary of the Law of Scotland Intended for the Use of the Public at Large, as Well as of the Profession», «Glossary of Scottish and European Union Legal Terms and Latin Phrases», заканчивая глоссариями *технических терминов*, которые появились в Шотландии в XIX в. с развитием техники: «Glossary of Mining Terms Used in Fife», «Glossary of Scottish Building», «A Glossary of Scottish Dialect Fish and Trade Names». Нельзя не согласиться с мнением И. Маклеод о том, что именно эти терминологические глоссарии создали основу для развития терминологических словарей технических терминов, которые и сегодня успешно развиваются в шотландской лексикографии.

Особого внимания заслуживают главы 5 и 6, в которых описываются два академических словаря шотландского языка, построенные, подобно Оксфордскому словарю, на исторических принципах. Это «Dictionary of the Older Scottish Tongue» (DOST) и «Scottish National Dictionary» (SND), авторы которых считали шотландский язык самостоятельным языком, а не диалектом. В 2001 г. словари перевели в онлайн-режим и сделали доступными широкому кругу пользователей. Интересно отметить, что в этих словарях основное вни-

мание уделялось исконно шотландским словам, причем в заключительный том SND лексикографы включили энциклопедические сведения (шотландские имена собственные, топонимы, названия ярмарок, рынков и т. д.).

На их основе шотландские лексикографы создали три формата справочников: *concise*, *pocket* и *gem*, которые в XX в. широко использовались в практической английской лексикографии. Ученые подробно описывают в монографии методы модификации мега-, макро- и микроструктуры этих форматов словарей. Их основным адресатом стали студенты, изучающие шотландский язык в качестве родного. За этими справочниками последовали также принятые ведущими английскими издательствами словари для школьников «Scots School Dictionary» и «Scots Thesaurus».

Следуя сложившейся в XX в. в английской лексикографии практике создания *комплексных справочников*, появились так называемые «Scots Word Books» с перечнями шотландских слов, «Scoor-cot» — новый тип справочника, а также списки «English-Scots Lists» с произношением, дефиницией и графическими иллюстрациями учебного характера. Это были глоссарии с ограниченным набором трудных и непонятных слов. Таким образом в современную шотландскую лексикографию вернулась старая лексикографическая форма — глоссарий трудных слов, с которых начинались первые справочники шотландского языка.

В монографии также рассмотрены словари шотландского языка, вышедшие в других странах (например, Германии), а также интернет-словари (Scots-Online), которые нередко включали наряду с алфавитными понятийные словники.

Часть II содержит весьма специфическую информацию, которая представляется интересной лишь для узкого круга читателей и по этой причине в рецензии не рассматривается. Однако в части III коллективной монографии ярко демонстрируются тесные связи между английской и шотландской лексикографией, что приводит к следующему выводу. Богатый опыт английской лексикографии полностью отразился на формировании шотландской, которая использовала в практике составления словарей шотландского языка модели словарей английского языка, а также форматы словарей и уже апробированную микроструктуру справочников. Иными словами, шотландская лексикография полностью использовала богатый исторический опыт создания словарей английского языка на шотландском языковом материале.

А. Н. Таганов

Рец. на кн.: Debov V. Dictionnaire des rimes en verlan dans le rap français. Paris : La maison du dictionnaire, 2012. 315 p.

Доцент кафедры германской и романской филологии ИвГУ Валерий Михайлович Дебов уже не первый год работает в области изучения особенностей современного живого, разговорного французского языка, обращаясь к самым подвижным, динамичным формам его функционирования — к моло-

© Таганов А. Н., 2013

дежной разговорной лексике. Результатом этого труда стали: «Словарь верланов современного молодежного французского языка» (Иваново : Иван. гос. ун-т, 2006), «Верлан — код французского рэпа (О девиантном словотворчестве в молодежном социолекте)» (Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008), «Словарь верлан-рифм французского рэпа (Инновационные элементы молодежного стихотворчества)» (Иваново : Иван. гос. ун-т, 2010).

В них автор собрал и исследовал весьма обширный пласт верланов, дающий представление о широте и распространенности этого явления в современном молодежном языке. Две из опубликованных книг В. М. Дебова были обращены к особой сфере бытования верлана — молодежной музыкальной культуре.

Работы В. М. Дебова получили достаточно широкую известность в нашей стране. Объясняется это их научной новизной, актуальностью, исследовательской доскональностью и тщательностью. Известный как в нашей стране, так и за рубежом ученый-лингвист Эда Моисеевна Береговская, рецензируя книгу «Верлан — код французского рэпа (О девиантном словотворчестве в молодежном социолекте)» и оценивая степень изученности этого языкового явления, пишет: «Французские арготологи, конечно, не обошли его своим вниманием <...> Но такого словаря верланов современного французского языка, какой подготовил и опубликовал В. М. Дебов, нет и во Франции»

[2, с. 29]. Несколько позднее, анализируя историю изучения французского арго в современной российской лингвистике, она характеризует упомянутые работы В. М. Дебова как одно из весьма важных звеньев в существующем на сегодняшний день общем комплексе фундаментальных исследований, посвященных указанной проблеме (см.: [1 с. 9—10]).

Думается, вполне закономерно, что результаты столь целенаправленного и упорного труда не могли остаться незамеченными и за границей. Подтверждением тому — появление в парижском издательстве «La maison du dictionnaire» французского издания книги В. М. Дебова «Словарь верлан-рифм французского рэпа (Инновационные элементы молодежного стихотворчества)» (Debov V. Dictionnaire des rimes en verlan dans le rap français. Paris : La maison du dictionnaire, 2012).

Актуальность, научная значимость исследования В. М. Дебова, признанная, как мы видим, не только в нашей стране, но и во Франции, обусловлены тем, что оно обращено к одной из самых интересных разновидностей молодежного социолекта Франции — верлану, который представляет собой особую сленговую форму языка, основанную на своеобразной лексической кодировке, заключающейся в перестановке слогов или звуков. Вместе с тем словарь не носит узкоспециализированного характера, не сводится к сбору и фиксации рассматриваемых лексических явлений. Он обозначает круг вопросов, связанных с феноменом верлана, которые затрагивают проблемы не только лингвистического плана, но и социального, эстетического, так как рецензируемая работа, обращаясь к рэпу как к главному исследовательскому материалу, не становится простой суммой примеров лексических единиц, образованных путем верланзации; в ней исследуются поэтический потенциал верлана, возможности создавать на его основе новые поэтические структуры, расширять границы рифмы.

Всего в словнике более 600 верланизмов, участвующих в образовании нового типа рифм во французском рэпе, среди которых существуют рифмы двухкомпонентные, трехкомпонентные, четырехкомпонентные.

Обилие примеров создает уникальный языковой контекст, который дает представление о разнообразии и богатстве рэперской культуры. Феномен верлана как механизма словообразования интересен сам по себе, однако вдвойне интересна его роль в поэтическом творчестве. Автор весьма основательно подошел к отбору исследуемого материала. В списке источников рэперских групп и индивидуальных исполнителей, чьи тексты послужили основой для создания словаря, 175 пунктов. Словарная статья сделана тщательно и продуманно. Она предоставляет расшифровку каждой лексической единицы, ее транскрипцию, лексический ряд, который составляют слова, рифмующиеся с указанным верланизмом и подтвержденные примерами из текстов современного рэпа Франции.

Словарь, изданный поначалу в России, безусловно, представляет большой интерес не только для специалистов, занимающихся проблемами лексикологии, но и для тех, кто сталкивается с современной живой речью и увлечен проблемами французского языка и музыкального искусства. Однако особо следует подчеркнуть, что исследование В. М. Дебова оказалось востребованным и во Франции, о чем свидетельствует предисловие к французскому изданию. Его автор, французский ученый, профессор Кристоф Рюбен, подробно анализируя словарь В. М. Дебова, отмечает оригинальность и «крайнюю полезность книги» [3, р. 5]. Он выделяет две особо ценные исследовательские составляющие рецензируемого издания: изучение собственно механизма образования верланизмов и, кроме того, процесса создания рифм в рэпе на их основе. «Точность, убедительность, плодотворность проделанной работы, — замечает Кристоф Рюбен, — впечатляют» [3, р. 5].

Завершая рецензию, еще раз обратимся к мнению Э. М. Береговской. «В России, — замечает она, — есть около десятка лингвистов, которые занимаются французским аргю. В. М. Дебов — единственный из нас, кто взял на себя нелегкий, но всем нужный и полезный труд лексикографа и добился в этом деле серьезных успехов» [2, с. 30].

Остается только поздравить В. М. Дебова с удачным исследованием и пожелать новых успешных результатов в научной деятельности.

Библиографический список

1. *Береговская Э. М.* Изучение французского аргю в России // Французская арготология в России : коллектив. моногр. Смоленск : Изд-во Смол. гос. ун-та, 2011. С. 5—10.
2. *Береговская Э.* Словарь, который дает больше, чем обещает // *La Langue française*. 2011. Октябрь. С. 28—30.
3. *Rubin Ch.* Préface // *Debov V.* Dictionnaire des rimes en verlan dans le rap français. Paris : La maison du dictionnaire, 2012. P. 5—9.

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШКОЛЫ-СЕМИНАРЫ ПО ЛЕКСИКОГРАФИИ

В 1995 г. кафедра английской филологии инициировала проведение международных лексикографических школ-семинаров, объединяющих лингвистов, известных теоретиков и практиков составления словарей и терминологов из России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Бессменным председателем программного комитета является доктор филологических наук, проф. Ольга Михайловна Карпова. Изначально идея организации форума была предложена основателем Европейской ассоциации лексикографов (ЕВРАЛЕКС) доктором Р. Р. К. Хартманном. Каждые два года Ивановский государственный университет становится площадкой для представительного международного форума ученых-лексикографов.

По мнению членов оргкомитета школы-семинара, форма ее проведения прекрасно отражает идеи преемственности и передачи опыта, творческих споров и плодотворного обмена информацией, свойственных современному научному сообществу. Именно в таком формате начинающие исследователи могут не только посетить лекции ведущих отечественных и зарубежных ученых, познакомиться с известными лексикографами, но и представить собственные научные изыскания, получить опыт ведения научных дискуссий.

Тематика конференций чрезвычайно разнообразна. Достаточно вспомнить школы-семинары лишь нескольких последних лет: «Язык. Культура. Словари» (2001); «Лексика, лексикография, терминография в русской, американской и других культурах» (2005); «Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения» (2007); «Новое в теории и практике лексикографии: синхронный и диахронный подходы» (2009); «Лексикографические ракурсы: традиции и вызовы XXI века» (2011).

За эти годы приглашенными лекторами школы-семинара стали экс-президент ЕВРАЛЕКС К. Варантола (Финляндия), член правления ЕВРАЛЕКС Р. Ватведт Фьельд (Норвегия), нынешний президент ЕВРАЛЕКС Дж. ДеСезарис (Испания), почетный профессор ИвГУ К. Хейсли (США), известный терминолог Х. Пихт (Германия), президент Всемирной ассоциации по исторической лексикографии Дж. Коулман (Великобритания), экс-президент Африканской лексикографической ассоциации Руфус Гаувз (Южная Африка), президент Национального общества прикладной лингвистики и Российской ассоциации преподавателей английского языка С. Г. Тер-Минасова (Россия) и многие другие видные ученые, прочитавшие на пленарных заседаниях более 50 докладов.

С каждым годом расширяется география участников школы-семинара. Гостями конференции в разное время были лексикографы из Канады, ЮАР, Германии, Италии, Франции, Норвегии, Дании, Финляндии, Сербии, Хорватии, Израиля, Японии, Китая, Вьетнама, Латвии, Литвы, Украины, Белоруссии, 45 городов России. Каждая конференция собирает до 200 участников, среди которых доктора и кандидаты наук, аспиранты и студенты.

Доклады, прочитанные на пленарных и секционных заседаниях, семинарах и круглых столах во время работы международных школ-семинаров, нашли отражение в сборниках материалов конференций (девять томов), опубликованных в издательстве «Ивановский государственный университет».

Повышенный интерес к конференциям традиционно проявляют такие издательства, как «Астрель», «Академия», «АВВУ Lingvo», «HarperCollins» и др. Так, с 1998 г. успешно реализуется сотрудничество с лексикографическим домом «HarperCollins» (Великобритания). Профессор О. М. Карпова и ее ученики подготовили более 100 рецензий на новые словари серии «Collins», отразив в них специфику российского пользователя лексикографических продуктов. Рецензии регулярно публикуются в информационном бюллетене СПбГУ «ЯЛИК» и вестниках Воронежского и Ивановского университетов.

В 2007 г. авторитетное издательство «Cambridge Scholars Publishing» (<http://www.c-s-p.org/>) выступило с инициативой опубликовать коллективный труд по итогам работы VI Международной школы-семинара. К настоящему времени в свет вышло четыре коллективные монографии под редакцией проф. О. М. Карповой и проф. Ф. И. Карташковой: «Essays on Lexicon, Lexicography, Terminography in Russian, American and Other Cultures» (2007), «Lexicography and Terminology: a Worldwide Outlook» (2009) и «New Trends in Lexicography: Ways of Registrating and Describing Lexis» (2010), «Multidisciplinary Lexicography: Traditions and Challenges of the XXIst Century» (2013), вызвавшие широкий резонанс в отечественных и зарубежных лингвистических кругах.

За время своего существования лексикографическая школа-семинар, организуемая кафедрой английской филологии, приобрела многочисленные научные контакты в России и за рубежом: с Европейской ассоциацией лексикографов, Ассоциацией по исторической лексикографии и др.

12—14 сентября 2013 г. состоится X Международная лексикографическая школа-семинар «Life beyond Dictionaries». Плодотворное сотрудничество ИвГУ и культурного фонда *Romualdo Del Bianco Foundation®—Life Beyond Tourism®* (<http://new.lifebeyonddtourism.org>) привело к идее проведения юбилейной Международной школы-семинара на двух площадках: в Иванове на базе Ивановского государственного университета и во Флоренции при партнерстве и активном содействии Фонда Ромуальдо дель Бьянко.

В настоящее время полным ходом идет подготовка к конференции. Свое согласие участвовать в качестве приглашенных ученых выразили президент ЕВРАЛЕКС проф. Джанет ДеСезарис (Испания), экс-президент ЕВРАЛЕКС проф. Джеффри Уильямс (Франция), президент Фонда Ромуальдо дель Бьянко г-н Паоло дель Бьянко, проф. Линда Магглстоун (Великобритания) и проф. Сандро Нильсен (Дания).

Новый формат научной конференции предполагает разделение тематики докладов по двум сессиям. Так, в ИвГУ будут работать секции исторической и авторской лексикографии, терминографических и электронных справочных ресурсов. Во Флоренции участники обсудят вопросы составления справочников для культурно-познавательного туризма, культурологического аспекта учебной лексикографии и проекты новых словарей. Там же, во Флоренции, пройдет VII Международный семинар студенческой интеграции «A Dictionary without Boundaries: Florence in the Works of World Famous People. Project of a Dictionary for Guides and Tourists», результаты которого будут представлены участниками проекта на одном из пленарных заседаний

школы-семинара. На базе ИвГУ состоится однодневный семинар профессионального развития для преподавателей английского языка средних школ и вузов Ивановской области. На обеих площадках свою продукцию представят ведущие издательства.

Программой также предусмотрено проведение видеоконференции между Ивановом и Флоренцией, что даст возможность познакомить иностранных участников с научными изысканиями коллег из России.

Высокий статус школы-семинара подтверждается международным составом ее оргкомитета, в который вошли представители правления Фонда Ромуальдо дель Бьянко, члены Исполнительного комитета ЕВРАЛЕКС, в том числе его президент, президент Академии делла Круска, ведущие профессора Флорентийского университета.

Успех школ-семинаров был бы невозможен без поддержки ректора университета проф. В. Н. Егорова, без скоординированной и четкой работы членов оргкомитета, а также без помощи наших многочисленных волонтеров — аспирантов и студентов кафедры английской филологии.

В настоящее время оргкомитет принимает заявки на участие в X Международной школе-семинаре. Зарегистрироваться можно на официальном сайте конференции: <http://lex2013.16mb.com>.

Мы поздравляем всех организаторов юбилейной конференции и надеемся, что, как и прежде, она соберет коллег и единомышленников, талантливых ученых с мировым именем и молодых лингвистов, избравших сферой своих научных интересов лексикографию.

*Е. А. Шилова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии ИвГУ,
ученый секретарь школы-семинара*

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Научно-методические семинары профессионального развития «ELT Professional Development» для преподавателей английского языка города Иванова и Ивановской области стали доброй традицией кафедры английской филологии, возглавляемой проф. О. М. Карповой, и Ивановской ассоциации преподавателей английского языка (IVELTA). Семинары проводятся при поддержке Офиса английского языка Посольства США в Москве.

За 12 лет плодотворного сотрудничества с Офисом английского языка прошло 17 семинаров. Получена в дар учебно-методическая литература, аудио- и видеоматериалы учебной направленности, благодаря чему на кафедре английской филологии создан американский ресурсный центр. Повышение квалификации прошли свыше 500 учителей английского языка.

В январе 2009 г. IVELTA была официально зарегистрирована в качестве коллективного члена Национальной ассоциации преподавателей английского языка, имеющей целью создание условий для профессионального роста учителей и продвижение инновационных проектов и программ в области англоязычного образования.

10 декабря 2012 г. в ИвГУ состоялся XVII научно-методический семинар, собравший более ста участников — учителей школ областного центра и районов, вузовских преподавателей, студентов факультета романо-германской филологии.

На семинаре выступила атташе по вопросам преподавания английского языка Посольства США в Москве Фрэнсис Вестбрук, представившая вниманию аудитории две лекции. Первая, «What We Talk about when We Talk about Culture», была посвящена описанию культурных ценностей американской нации. В ходе второй, «Lessons from the Other Side of the Teachers' Desk:

a Language Teacher Goes Back to School», гостя рассказала о собственном опыте изучения русского языка. Роль обучающегося, по мнению Фрэнсис Вестбрук, позволила ей по-новому взглянуть на некоторые аспекты традиционной модели преподавания иностранных языков (изучение и активизацию вокабуляра, тренировку произношения, парную и групповую работу и т. д.), что, безусловно, повлияло на ее последующую профессиональную деятельность в качестве преподавателя.

Имея высшее педагогическое образование и большой опыт практической деятельности в сфере преподавания английского языка, г-жа Вестбрук прекрасно владеет техникой публичных выступлений, риторическими приемами и языком жестов. Она успешно ведет диалог с аудиторией, вовлекает слушателей в активные формы работы, в результате чего происходит своеобразное погружение человека в естественную языковую среду.

Участие в научно-методических семинарах позволяет учителям за короткий срок ознакомиться с разнообразием методических идей и принять активное участие в мастер-классах. Изучение зарубежного опыта дает возможность следовать новейшим тенденциям в методике преподавания иностранных языков, быть в курсе современных методов и приемов организации общения на уроках английского языка. Привлечение аутентичных материалов в соответствии с интересами преподавателей является отличным стимулом для участия в семинарах. Использование интерактивных форм работы с аудиторией способствует повышению уровня коммуникативной компетенции.

Учителя школ выразили благодарность за организацию и предложенную тематику семинара, подчеркнув необходимость проведения подобных встреч. По окончании семинара как свидетельство профессионального роста преподаватели получили сертификаты, а в качестве подарков — полезные

дидактические материалы и журнал по методике обучения иностранным языкам «English Teaching Forum».

В конце марта кафедра английской филологии проведет очередной, восемнадцатый по счету, семинар «ELT Professional Development». Надеемся, он соберет большое количество участников, искренне заинтересованных в совершенствовании уровня профессионального мастерства. Отрадно видеть на семинарах не только постоянных участников, но и новые, молодые лица — выпускников нашего факультета, избравших профессию учителя и с энтузиазмом работающих в школах города и области.

Факультет РГФ выражает благодарность Офису английского языка в лице г-жи Фрэнсис Вестбрук и помощника атташе г-жи Е. Н. Лубниной за поддержку профессионального становления преподавателей иностранного языка в Ивановском регионе.

*Е. А. Шилова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии*

ОТЧЕТ О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА ДМ 212.062.06 В ИВАНОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 2012 г.

Региональный диссертационный совет ДМ 212.062.06 (Иваново — Владимир) работает при Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Ивановский государственный университет» согласно приказу Рособрнадзора № 1925-736 от 8 сентября 2009 г.

В 2012 г. проведено 7 заседаний совета по защите 7 кандидатских диссертаций. Из них 2 соискателя представили свои работы по специальности 10.02.04 — Германские языки и 5 — по специальности 10.02.01 — Русский язык. Диссертационные исследования были выполнены авторами не только из Ивановского и Владимирского госуниверситетов, но и из Таганрогского государственного педагогического университета.

Определяющей тематикой диссертаций были лингвистические исследования в области омонимии, топонимической лексики, лексикографии, невербальной коммуникации, а также в области гендерной лингвистики.

В кандидатской диссертации Н. С. Уткиной «Современная картина английской лексикографии (На материале справочников тематики фэнтези)» (науч. рук. — д-р филол. наук, проф. О. М. Карпова) доказаны и разработаны теоретические положения о принципах построения авторских справочников по паралитературе, что, в свою очередь, может послужить материалом для более глубокого рассмотрения данной проблематики.

Кандидатская диссертация К. А. Врыгановой «Языковая репрезентация феномена маскировки эмоций человека (На материале английских художе-

ственных текстов)» (науч. рук. — д-р филол. наук, проф. Ф. И. Карташкова) посвящена видам невербального поведения человека. В работе установлены наиболее часто подвергающиеся маскировке отрицательные и положительные эмоции, описаны наиболее типичные виды невербального поведения человека, эксплуатируемые в ситуациях маскировки.

В диссертации Е. Н. Климовой «Омонимия и смежные с нею явления во фразеологии русского языка» (науч. рук. — д-р филол. наук, проф. А. А. Хуснутдинов) разработана научная концепция определения омонимичности фразеологических единиц русского национального языка, позволившая выявить новые закономерности соотношения фразеологических омонимов со смежными явлениями во фразеологии, а также доказана перспективность привлечения языкового материала разных сфер употребления русского национального языка для решения проблемы фразеологической омонимии и выделен новый способ образования фразеологических омонимов путем повторной метафоризации уже существующей фразеологической единицы.

Диссертационная работа Е. А. Лукьяновой «Топонимическая лексика Владимирской области: структурно-грамматический и семантический аспекты» (науч. рук. — д-р филол. наук, проф. Н. В. Юдина) представляет собой первое систематизированное описание топонимической лексики Владимирской области с современных теоретических позиций при сохранении традиционного структурно-семантического подхода. В диссертации впервые предложен вариант реконструкции фрагмента топонимической картины мира по данным ойконимии на основе воспроизведения структуры сознания: топосемы → номинативные модели → семантические поля → картина мира.

В диссертационной работе К. М. Богровой «Устойчивые сравнения в древнерусском тексте: семантика и структура» (науч. рук. — д-р филол. наук, проф. М. В. Пименова) представлены структурно-семантические особенности устойчивых древнерусских сравнений, выделенные на основе сопоставления различных видов семантических сближений в диахронии и учитывающие взаимоотношения категорий подобия, сходства, тождества, сравнения.

Новизна исследования Н. А. Минаевой «Речевой жанр извинения в речи детей младшего школьного возраста» (науч. рук. — д-р филол. наук, проф. И. В. Голубева) определяется тем обстоятельством, что анализ проблемы и изучение конкретных фактов языка и речи велись в лингвокультурологическом аспекте. Исследование представляет собой фрагмент лингвистического описания речи детей младшего школьного возраста, его результаты в целом способствуют дальнейшему развитию лингвокультурологического подхода к изучению речевых жанров.

В диссертации В. М. Войченко «Фрагмент речевого портрета современной русскоязычной женщины» (науч. рук. — д-р филол. наук, проф. И. В. Голубева) впервые реконструкция речевого портрета женской языковой личности подкрепляется анализом языкового материала современных СМИ, а именно специализированных женских журналов, которые отражают тенденции развития женской языковой личности, влияют на ее формирование. В предпринятом исследовании впервые проводится сравнительный анализ номинативной и лексической наполняемости концептов «женщина», «женственность», «современная женщина».

В связи с реорганизацией вуза — присоединением в качестве филиала ИвГУ Шуйского государственного педагогического университета — было

принято решение о создании при Ивановском государственном университете нового диссертационного совета, в состав которого войдут представители нашего большого коллектива. В настоящее время документы по открытию диссертационного совета находятся на рассмотрении Министерства образования РФ. Обновленный состав совета ждет положительного решения Министерства и готовится к новым защитами.

*Ф. И. Карташкова,
ученый секретарь диссертационного совета
Н. Ю. Хорецкая,
исполнительный секретарь*

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ НА КАФЕДРЕ АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Проходящие в нашей стране реформы высшей школы устанавливают новые высокие требования к качеству образовательного процесса. В данных условиях повышение профессиональной квалификации становится не только обязательным требованием, но и осознанной необходимостью для преподавателя вуза. В сфере преподавания иностранного языка, пожалуй более чем в какой-либо другой, постоянное совершенствование методических, педагогических навыков и уровня владения языком является неотъемлемой частью профессии.

На кафедре английской филологии повышению профессиональной квалификации уделяется много внимания и руководством кафедры в лице заведующей — доктора филологических наук, проф. Ольги Михайловны Карповой, и самими преподавателями. Уже стало доброй традицией организовывать на базе Ивановского государственного университета ежегодные семинары профессионального развития («ELT Professional Development») при поддержке Посольства США в Москве. Семинары проводятся дважды в год для преподавателей и учителей английского языка, работающих в вузах и школах Иванова и области, и пользуются неизменным успехом.

Преподаватели кафедры всегда с большим вниманием относятся к профессиональному развитию в любых формах и по разным направлениям. В октябре 2012 г. для преподавателей кафедры был проведен семинар профессионального развития «Always Learning», организованный международной медиакомпанией «Pearson» с целью ознакомления заинтересованных специалистов с работой и продукцией этой компании.

Не следует также забывать о том, что нам есть чему поучиться друг у друга. Преподаватели кафедры ежегодно участвуют в очных курсах повышения квалификации, проводимых учебно-методическим управлением и отделом научно-методического обеспечения учебного процесса на базе ИВГУ.

В декабре 2012 г. преподаватели, аспиранты кафедры и преподаватели других языковых кафедр факультета РГФ приняли участие в работе научно-

методического семинара «Использование языковых корпусов в преподавании иностранных языков». Семинар был организован и проведен доцентом кафедры английской филологии С. А. Маник в рамках научно-методической конференции Ивановского государственного университета на базе факультета романо-германской филологии. Семинар носил характер практического занятия, в ходе которого участники познакомились с методикой, принципами и формами использования корпусов английского языка в учебных и научных целях.

В последнее время получила широкое распространение интерактивная форма повышения квалификации: посредством участия в вебинарах в режиме онлайн. Преподаватели кафедры английской филологии активно участвуют в подобных мероприятиях как коллективно, так и индивидуально. С 2011 г. под руководством доцента кафедры Е. А. Шиловой преподаватели принимают участие в вебинарах серий «Shaping the Way We Teach English» по программам Бюро по вопросам образования и культуры Госдепартамента США и Департамента английского языка. Начало 2013 г. ознаменовано продолжением работы в этом направлении. Для преподавателей кафедры и аспирантов (всего 9 участников) организовано участие в серии вебинаров «Shaping the Way We Teach English. Course 9» с 9 января по 20 марта 2013 г. (под руководством доцента кафедры Ю. В. Кокуновой). По окончании каждого курса вебинаров общим объемом 10—12 часов участники получают сертификаты о повышении профессиональной квалификации.

За прошедший 2012 г. преподаватели кафедры активно повышали квалификацию в интерактивной форме и по индивидуальным программам, участвуя в различных вебинарах профессионального развития и конференциях в режиме онлайн, организованных международными компаниями «Cambridge», «Macmillan», «Pearson», «Penguin Readers». Тематика подобных мероприятий весьма разнообразна. Прежде всего это методика преподавания различных языковых аспектов: грамматики, фонетики, устной речи, а также общие вопросы обучения (смешанное обучение), образование в вузе, разноуровневое обучение языку (в группах с разным уровнем подготовки), формы проведения итогового контроля и оценка качества обучения.

Информационные технологии позволяют повышать квалификацию в интерактивной форме и в области научного знания посредством участия в вебинарах, заочных интернет-конференциях, семинарах, мастер-классах. В минувшем 2012 г. преподаватели кафедры английской филологии приняли участие в более чем 20 мероприятиях профессионального развития в интерактивной форме, что свидетельствует о растущей популярности и перспективности данного вида повышения профессиональной квалификации.

*Ю. В. Кокунова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии*

Сведения об авторах

- АНЦЫФЕРОВА** доктор филологических наук, профессор,
Ольга Юрьевна заведующая кафедрой зарубежной литературы,
Ивановский государственный университет.
olga_antsyf@mail.ru
- ВАНСЯЦКАЯ** кандидат филологических наук, доцент,
Елена Александровна заведующая кафедрой английского языка,
Ивановский государственный университет.
eva@ivanovo.ac.ru
- ДЕНИСОВ** кандидат филологических наук,
Константин Михайлович доцент кафедры английской филологии,
Ивановский государственный университет.
bondin5@yahoo.com
- ЕРМОЛАЕВА** кандидат филологических наук, доцент
Нина Леонидовна кафедры русской словесности и культурологии,
Ивановский государственный университет.
ninaermolaeva1@yandex.ru
- КАРПОВА** доктор филологических наук, профессор,
Ольга Михайловна проректор по связям с общественностью
и воспитательной работе,
заведующая кафедрой английской филологии,
Ивановский государственный университет.
olga.m.karpova@gmail.com
- ЛАКЕРБАЙ** кандидат филологических наук, доцент кафедры
Дмитрий Леонидович теории литературы и русской литературы XX века,
Ивановский государственный университет.
lakomotoin@yandex.ru
- МАНИК** кандидат филологических наук,
Светлана Андреевна доцент кафедры английской филологии,
Ивановский государственный университет.
Svetlana_manik@yahoo.com
- ТАГАНОВ** доктор филологических наук,
Александр Николаевич профессор кафедры зарубежной литературы,
Ивановский государственный университет.
shishtag@mail.ru
- УЖОВА** доктор филологических наук,
Ольга Александровна доцент кафедры английской филологии,
Ивановский государственный университет.
gluhovar@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ «ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
Серия «Гуманитарные науки»
2013. Вып. 1 (13). Филология

Подписано в печать 22.03.2013 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 7,9. Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru